



Nekomonogatari (White)

Тигр Цубаса



Я не могу рассказать историю о себе, Ханекаве Цубасе, потому что не могу сказать, насколько я являюсь собой. Один писатель говорил, что если вытянуть ногу, ты перестанешь воспринимать пальцы как свои собственные. Но у меня все еще хуже - я сомневаюсь, что даже бьющееся в груди сердце принадлежит мне.

Я – это я?

Что я?

Кто я?

Кто? Я это я.

Что? Я это я.

Например, можно ли назвать эти абсурдные мысли своими?

В принципе, можно. Однако это просто мысль, способ мышления, и даже если это воспоминание, она, грубо говоря, лишь скопление знаний. Если меня определяет жизненный опыт, можно ли назвать «мной» того, кто побывал в тех же ситуациях?

Даже если есть «я» вне меня, это всё равно я.

Если так, исчезну ли я, если не буду собой? Как я буду думать, о чём я буду думать?

Имя Ханекавы Цубасы само по себе непостоянно.

Я меняла фамилию много раз.

Потому я не рассчитываю на то, что имя подарит мне личность. Я понимаю, что имя лишь символ. Понимаю даже на физическом уровне, если можно так выразиться.

Когда ты сталкиваешься с Кайи, самое главное – узнать его имя. Или, по крайней мере, это первый шаг. Мне кажется, я не могу разобраться в себе, потому что не считаю имя своим собственным.

В этом случае, я сперва должна познать своё имя.

Я должна познать себя как Ханекаву Цубасу.

Только тогда я смогу понять, кто я.

Конечно, когда я думаю, что Арараги-кун остановится и начнёт рассуждать об этом, моя проблема становится просто смешной. Мне стыдно от мысли, что Арараги-кун, даже став вампиром и познакомившись со сверхъестественным, всё равно продолжал быть Арараги Коёми.

Может, он сам этого не осознаёт.

Всем вокруг понятно, что Арараги-кун продолжит быть собой в любом месте и в любое время, пусть он сам и не понимает этого.

Ему не нужно это понимать.

Арараги Коёми это Арараги Коёми.

И потому он всегда может рассказывать свои истории.

Поэтому он мне нравится.

Ханекаве Цубасе нравится Арараги Коёми.

Лишь с этого я могу начать рассказ о себе. Как ни странно, это единственная часть меня, в которой я уверена. Например, когда я буду сидеть в библиотеке, то случайно могу написать «Арараги Цубаса» в углу.

Для моей истории этого хватит.

В шестидесяти приключениях Шерлока Холмса, великого детектива, созданного сэром Артуром Конан Дойлем, есть только две истории, рассказанные не доктором Ватсоном, а самим Холмсом. Станные работы, поклонники Холмса их не признают. В начале одной из историй, «Человек с побелевшим лицом», мистер Холмс сказал следующее:

«Идеи моего друга Ватсона, хотя и ограниченные, но восхитительно настойчивы. Долгое время он утомлял меня просьбами описать свой опыт. Возможно, я сам виноват,

поскольку часто указывал ему, насколько поверхностны его отчёты, и обвинял в потакании массам, вместо строгого следования фактам и данным.

- Попробуйте сами, Холмс! – ответил он.

Взяв ручку, я поняла - задача должна быть представлена в том виде, который заинтересует читателя.»

Как любой человек, я была очарована тем, насколько Шерлок Холмс превосходил обычных людей, и с интересом читала о его делах.

Поэтому так удивилась словами его «истинного голоса».

Честно говоря, я была разочарована.

Почему этот гений, который был выше остальных людей, говорил таким человеческим тоном? Мне показалось, меня предали.

Но теперь я знаю о его человечности, которая не могла выдержать разрыва между собой и «сверхчеловеком», о котором говорил Ватсон.

О его желании найти оправдания.

Помощник сказал детективу «попробовать самому», так и появились эти две истории – моя история точно такая же.

Это история, которая покажет вам, что я всего лишь человек, а не святая, как думает Арараги-кун.

Она покажет, что я и кошка, и тигр.

История, которая покажет, что я человек; история полного разочарования, предательства.

Не думаю, что смогу рассказать её так же умело, как Арараги-кун, но я попытаю удачу и постараюсь изо всех сил. Вы бы тоже рассказывали историю своей жизни именно так.

А теперь пришло время пробудиться от кошмара.

Если верить слухам, младшие сёстры Арараги-куна, Карен-тян и Цукихи-тян, будят брата каждое утро. Они приходят будить его каждый божий день - ну или так говорят. Арараги-куну, кажется, это очень не нравится, но с моей точки зрения они кажутся просто близкими родственниками.

И естественно, я жутко завидую.

В самом деле.

Сколько братьев в мире могут похвастаться тем, что из-за любви к ним их будят каждое утро? Но я, скорее, завидую не самому Арараги-куну, а Карен-тян и Цукихи-тян, которые видят его спящее лицо.

О да, я жутко завидую.

В самом деле.

Ну, а сейчас поговорим о том, как просыпаюсь я, Ханекава Цубаса. Арараги-куна будят сёстры, меня будит Румба.

Румба, конечно, это не кошка семьи Ханекава, и не младшая сестра с необычным именем Ханекава Румба, а абсолютно заурядный автоматический пылесос от iRobot, или, если говорить о модели, Румба 577.

Он настроен автоматически включаться каждое утро в шесть, и, когда умный пылесос врежется в мою голову, я просыпаюсь.

Освежает.

Как и все пылесосы, Румба издаёт много шума, так что за то время, пока он ползёт по коридору ко мне, я уже успеваю проснуться. Но, тем не менее, я продолжаю лежать с закрытыми глазами, ожидая, когда он ударится о мою голову. Наверное, я просто хочу, чтобы «меня кто-нибудь разбудил», и *меня будят*.

Как в сказке, словно Спящую Красавицу.

Не то чтобы это сказочный момент, особенно если кое-кто – пылесос.

Сравнить себя со Спящей Красавицей – это что-то.

Но, видимо, Румбу тоже раздражает, что кто-то спит в коридоре.

Да, я сплю в коридоре.

Я сплю в футоне, разложенном в коридоре второго этажа особняка.

Когда-то я думала, что это нормально, но, похоже, это не так. С тех пор, как я потеряла друга, с которым могла бы поговорить об этом, когда я ещё не знала правды, я ни с кем это не обсуждала.

Не то чтобы я хотела собственную постель.

Это уже стало естественным.

Я не хочу, чтобы естественное менялось.

Не то чтобы я по-детски мечтала о своей комнате. Я поговорила об этом с новой подругой, одноклассницей Сендзёгахарой-сан, решив, что она поймёт меня:

- И что? - спросила она. - В моём доме и коридора-то нет.

С точки зрения Сендзёгахары-сан, живущей с отцом в однокомнатной квартире, мои проблемы казались надуманными. Да я и не считала это проблемой.

Ладно.

Возможно, это неправильно.

Я думаю, что, быть может, не хочу делать этот дом «местом, которому я принадлежу».

Вроде какой-нибудь антиметки у животных – я хочу держаться от этого дома подальше.

Настолько далеко, насколько возможно.

Я хочу, чтобы в том доме не осталось и намёка на меня.

Возможно, поэтому...

...Отложим вопрос о том, почему я должна строить предположения и домыслы относительно собственных желаний, или почему я всегда могу говорить только «возможно».

- Ладно, какая разница, через несколько месяцев это будет неважно. Так что не стоит сильно задумываться об этом, - сворачивая футон, пробормотала я.

Этим утром я довольно легко проснулась.

Или, скорее, я не совсем понимаю ощущение «полусна».

Я более остро ощущаю состояния «включено» и «выключено» у своего сознания.

Если бы только я могла просто спать, когда хочется.

Иногда я думаю об этом.

- Возможно, это потому, что я с такими чувствами не синхронизирована с другими людьми. Арараги-кун часто говорит об этом: «То, что ты считаешь обычным, мне кажется чудом» и так далее. Но называть их чудесами – это перебор.

Я продолжала свой монолог.

Обычно я делаю так только дома, но сейчас не могу удержаться от того, чтобы поговорить с собой. Я чувствую, что если не буду этого делать, то разучусь говорить.

Даже не знаю, что и думать.

И не знаю, что думать об улыбке, которая появилась на лице после упоминания Арараги-куна.

Убрав футон в шкаф, я пошла в ванную и умылась.

А затем вставила линзы.

Раньше я носила очки - мысль о том, чтобы вставить линзу прямо в глаз, пугала настолько, что я об этом даже не задумывалась. Когда я впервые воспользовалась ими, я была так напугана, что хотела вставить линзу в закрытый глаз (не в буквальном смысле), но потом привыкла.

Можно привыкнуть ко всему.

Стало лучше – исчезло бремя с носа и ушей, линзы удобнее.

Просто, когда я думаю о том, что случится в следующем году, и линзы, и очки кажутся неуместными спутниками, так что теперь я стала думать о лазерной хирургии.

Приведя себя в порядок, я направилась в столовую.

Там, те, кого я должна называть матерью и отцом, как всегда сидят за одним столом и едят завтрак по отдельности.

Они даже не посмотрели на меня, когда я вошла в комнату.

А я не посмотрела на них.

То, что они попали в моё поле зрения, не значит, что я их увидела - если глаза в сердце и разуме всегда отводят взгляд. Если тяжело видеть глазами, лучше просто не видеть.

В столовой раздавался лишь голос ведущего новостей.

Почему?

Почему я чувствую, что этот ведущий мне ближе, чем эти двое?

Мне и правда любопытно.

Я даже могу сказать ему «доброе утро».

Кстати говоря, интересно, сколько лет прошло с тех пор, как я последний раз говорила «доброе утро» в этом доме? Я пытаюсь покопаться в воспоминаниях, но не могу припомнить даже одного раза. Я помню, что около пяти раз говорила эти слова Румбе. (Не в полусне, а осознанно. Этот пылесос движется на удивление естественно.) Но я не могу вспомнить ни единого раза, когда я говорила это тем, кого должна называть матерью и отцом.

Ни разу.

Ха.

Круто.

Я говорила Арааги-куну что-то вроде: «Я сама сделаю первый шаг к родителям», но кажется, соврала. Ладно, лгать мне не впервой.

Я создана из лжи.

Далекая от истины – я, Ханекава Цубаса.

Даже моё имя – подделка.

Бесшумно закрыв дверь, я пошла не к столу, а к плите. Нужно было приготовить завтрак, хотя, наверное, я просто хотела оттянуть момент, когда придется сесть с этими людьми за один стол.

Это было бессмысленное или, скорее, пустое сопротивление.

Оно ещё не стало революцией.

На кухне моего дома – того самого, который я не хочу называть про себя домом Ханекава – куча утвари. Три разделочных доски, три кухонных ножа. Сковородок тоже три. Короче говоря, всего по три. То есть, да, это значит, что три человека, живущих в этом доме, используют собственную посуду.

Однажды я сказала об этом и потеряла друга.

Заново набирать горячую воду после того, как каждый из нас примет ванну, самостоятельно заниматься стиркой. Так много всего «отдельного», что даже странно.

Я не считаю это противоестественным, и неважно, сколько друзей я теряла из-за этого – я не чувствовала, что должна сделать дом Ханекава похожим на другие.

Все мы уходим примерно в одно время, и потому собираемся и завтракаем вместе, но это всё равно, что делить стол с незнакомцами в кафе. Никто не говорит, и никто никогда не подумает приготовить завтрак для другого.

Взяв свою посуду, я начала трудиться.

Вообще, я не хочу строить из себя повара.

Приготовив порцию риса и мисо-суп, яйца и рыбу, а также салат (мне говорят, что я ем слишком много, но я из тех, кто набивает живот на завтрак), я делю еду на три части и несу её к столу. Наконец, ещё один круг, чтобы сделать чай. Мне бы не пришлось делать четыре с половиной круга, если бы мне кто-нибудь помог, но конечно, в этом доме нельзя рассчитывать на руку помощи. Здесь даже Румба бессилен.

Было бы здорово, если бы Араарги-кун помог мне.

Я добралась до стола.

- Приятного аппетита!

Сложив руки и сказав это, я взяла палочки.

Я никогда не слышала, чтобы они говорили что-то подобное, но даже если я не говорю «доброе утро» или «спокойной ночи», я никогда не забываю про «приятного аппетита» и «спасибо».

Никогда не забываю, особенно после весенних каникул.

Эти слова предназначены для животных и растений, которые сейчас готовились стать частью меня.

Их жизни забраны ради меня.

Я с благодарностью приму их.

Позавтракав, я переоделась в школьную форму и быстро ушла. У Арараги-куна уходит 80 страниц на то, чтобы выйти из дома, а я ограничусь одним предложением. В этом и есть разница между домом, из которого не хочется уходить, и моим домом.

Сегодня начинается новый триместр.

Вздых облегчения.

Я спасена.

Новый триместр всегда спасал меня.

В выходные, в прогулочные дни – так я их называю – я могу гулять довольно долго. Из меня могла бы выйти отличная хулиганка. С начала летних каникул я стала домашним учителем для Арараги-куна, который готовился к вступительным экзаменам в университет. Хотя, с другой стороны, этим я могла оправдывать свое нежелание возвращаться в тот дом.

Поэтому школа приносит желанное облегчение.

На душе становится легче.

Да и какая разница, блуждаю я или занимаюсь репетиторством.

Или иду в школу.

Да и переживать из-за возвращения в тот дом не стоит.

Для меня это всего лишь «вернуться», но не «прийти домой».

В конце концов, Тильтиль и Митиль поняли, что Синяя Птица Счастья была в их доме, но где искать Синюю Птицу тем, у кого дома нет?

Или мы ищем что-то иное?

Может, нам стоит искать не Синюю Птицу, а Белую Кошку.

Добавим ложку дегтя: даже если Синяя Птица Счастья живёт в твоём доме, это значит, что рядом может притаиться и Зверь Неудачи.

Я задумалась и не заметила, как передо мной появилась девочка с двумя хвостиками.

- О, Ханекава-сан?

Хатикудзи Маёй радостно подбежала ко мне.

Она была слишком милой. Знала ли она, что её очарование сводит Арараги-куна с ума?

- С этого дня ты снова будешь ходить на занятия, Ханекава-сан?

- Да, верно.

- Посвящать себя учёбе – достойное стремление. Даже я помню свои младшеклассные превозможания. А домашние задания на лето – это вообще словно хроника войны.

- Ха...

Она поддерживала разговор только с Арараги-куном, с остальными она могла говорить вообще о чем угодно. Думая об этом, я ответила:

- Что ты тут делаешь, Маёй-тян?

- Ищу Арараги-сана, – сказала она.

О, боже.

Я должна была сказать: «О, боже».

Если Арараги-кун ищет Маёй-тян – это нормально, но если Маёй-тян ищет Арараги-куна...

Хотя это ведь не впервой? Последний раз такое было после пропажи Шинобу-тян. Может, сейчас произошло что-нибудь в этом роде?

Как будто прочитав мои мысли, Маёй-тян сказала:

- О, ничего такого. Я просто кое-что забыла в доме Арараги-сана.

- Забыла?

- Вот.

Маёй-тян повернулась ко мне спиной.

Сначала я подумала, что это просто спина, на которой ничего нет, но потом вспомнила – так не должно быть. Одним из штрихов очарования Маёй был рюкзак, который она всегда таскала с собой.

И вот он пропал.

Что случилось?

- погоди. Что ты сказала, Маёй-тян? Ты забыла что-то в доме Арараги-куна?

- Да, он забрал меня вчера.

- Забрал?..

- Он утащил меня домой.

- Эм-м, похоже на описание преступления.

Если я продолжу допрос, похищение может превратиться в домогательство, так что я решила больше не спрашивать. В общем, Маёй-тян оставила рюкзак в доме Арараги-куна.

Весьма смело с её стороны.

- Так сходила бы к нему.

Почему она ищет рюкзак именно здесь?

- Конечно, я была у него. Но не увидела велосипеда и решила, что он ушел.

- Что? Арараги-кун так рано ушёл в школу?..

Меня гнетет каждая лишняя секунда в том доме, так что я выхожу в школу как можно раньше. Однако сестры Арараги-куна будут держать его до последнего. Можно даже сказать, что это походит на домашний арест. Видимо, у него была какая-то веская причина для того, чтобы так рано уйти из дома...

- А может, он не возвращался с прошлой ночи.

То есть он вышел не спозаранку.

Он просто ещё не вернулся.

- А я не подумала об этом. Спасибо, Ханекава-сан. Ты как великий детектив. Наверное, так и есть. Видимо, после того, как я сбежала от Арараги-сана, произошло что-то чрезвычайное.

Проигнорируем фразу «сбежала от Арараги-сана», которая сама по себе намекает на чрезвычайную ситуацию. Новые вопросы могут раскрыть новые нелицеприятные факты.

- Ну, вряд ли Арараги-сан пошел в школу, поэтому я искала его где придется.

- Ты не слишком-то хорошо умеешь искать людей, Маёй-тян?

Она очень беспечна.

Как она хочет его найти? Она не обращала внимания на путеводную нить. У нее вообще этой нити не было.

- Нет, нет. Я же встретила Ханекаву-сан, так что об этом можно не беспокоиться.

- Оптимистка...

- Ну, встреча со мной – не обязательно удача для вас, Ханекава-сан.

- Хм? Почему? Ты – счастливый талисман этих мест, Маёй-тян. Говорят, встретить тебя – это к добру.

- Пожалуйста, не выдумывайте...

Про это мне говорил, конечно, Арараги-кун.

По части таких слухов он настоящий мастак.

Хорошо рассказывает страшные истории.

- Если увижу его в школе, передам, что ты ищешь его.

- Спасибо большое.

Вежливо поклонившись, Маёй-тян убежала в том направлении, откуда пришла.

Конечно, она могла свободно болтать только с Арараги-куном. Я завидую тому, что Маёй-тян может бесконечно говорить с ним.

Наверное, ему это кажется естественным.

Но мне это кажется чудом.

Я завидую.

- Ну ладно. До встречи, Ханекава-сан!
Сделав ещё несколько шагов, Маёй-тян снова повернулась и помахала рукой.
Я помахала в ответ.
- Ага! Увидимся!
- Рассказ про меня и Арараги-сана будет в следующей новелле!
- Сказала вслух – не сбудется.
Какая наглая реклама.
Я усмехнулась как Арараги-кун.

Попробовав раз – ем и сейчас.

Или что-то в этом духе.

Тебя влечет к аномалиям, и чем сильнее ты думаешь об этом, тем теснее они связываются с тобой и образуют вокруг тебя хаос. Если верить Ошино-сану, столкнувшись однажды с Кайи, ты легко можешь встретить их еще раз.

Он говорит, что на это нет особой причины, но мне кажется, я знаю одну. Рациональное зерно, без капли поэзии.

Наверное, это моя дурная привычка - искать причину всего и вся.

Но, по сути, это просто вопрос памяти.

Когда ты выучиваешь новое слово, кажется, что оно встречается чаще.

Например, если выучить слово «заливная», то, когда вы читаете газету, или книгу, или смотрите новости, это слово будет встречаться слишком часто.

Такое происходит не только со словами. Подобный феномен наблюдается и в музыке, и в именах.

Ты знаешь только то, что знаешь.

Ты знаешь столько, сколько ты знал.

Знание создаётся из узнавания и запоминания.

Это просто то, что ты знаешь.

Другими словами, когда *что-то* попало в цикл узнавания, *то*, что ты всегда игнорировал до этого момента, теперь будет на поверхности, его будет нести широким течением информации, каждый день омывающим твою голову.

Аномалии повсюду.

Они не могут быть где-то ещё.

Вопрос только в том, замечаешь ты их или нет.

И потому так важна первая встреча с ними.

Самый первый раз – он самый важный.

Для Арараги-куна – демон.

Для Сендзёгахары-сан – краб.

Для Маёй-тян – улитка.

Для Сенгоку-тян – змея.

Для Канбары-сан – обезьяна.

Для Карен-тян – оса.

Для меня – кот.

С чего я об этом заговорила? Просто сейчас я встретила *это*.

«Что?» - спросите вы.

Кайи.

- Ох...

В этом случае люди обычно думают: «Призраков не существует, духов не существует, а то, что я вижу, просто обман зрения».

Но сейчас мне хотелось другого.

Я хотела, чтобы передо мной появился Кайи.

Всё-таки это был тигр.

Тигр.

Прямо перед моими глазами спокойно шёл тигр.

Желтый, в черную полосу.

Обычный тигр, которого все представляют себе при слове «тигр».

Не успела я попрощаться с Маёй-тян и повернуть за угол, как встретила тигра. Даже если записать это, реалистичнее оно не станет. Так просто не может быть.

А раз так, то, наверное, это и не было реальностью.
Видимо, это и есть аномалия.
Да и было бы очень жаль, если бы это не было аномалией – между мной и тигром было едва ли больше пяти метров. Наверное, я бы могла потрогать его полоски. Если он не Кайи, а настоящее животное, которое сбежало из зоопарка, моя история здесь и закончится.
Я не успею убежать.
Меня съедят раньше.
Мою жертву примут с благодарностью.
Я передам эстафету жизни другому.
Так же, как технология ничем не отличается от магии, что-то по-настоящему сверхъестественное ничем не отличается от реальности.
Ощущение большого животного... Это чувство вываливалось из реальности, но реальным быть не переставало. Однако мой любимый ведущий новостей ничего не говорил про побег из зоопарка.
Тигр заворчал.
Он не рычал «гао», как звери в манге.
Остановившись, тигр уставился на меня.
Боже.
Наши глаза встретились.
Будь он реальным тигром или Кайи, смотреть ему в глаза – идея не из лучших.
Настоящий тигр сразу бы напал, а Кайи заметил бы меня, точно так же, как секунду назад я заметила его.
Это плохо.
Я немедленно отвела взгляд.
Я исчезла из поля зрения тигра.
Он просто стоял рядом, но сама я тоже не могла сдвинуться с места – я не знала почему.
Я могла сбежать – но почему я не убегаю?
Пора было делать ноги.
Так... почему я все еще здесь?
- ...
Интересно, сколько времени прошло.
Похоже, в такие минуты нужно говорить что-то вроде «казалось, прошла целая вечность», или наоборот «это длилось лишь мгновение», но, честно говоря, в тот момент моя голова была забита совершенно другим.
Мой разум оказался неожиданно узким.
Не желая оставаться на месте и не убегая, я сама была аномалией.
- Хм. Белая, - вдруг сказал он.
Точно, Кайи.
- Ярко белая – и бесстыже лгущая.
После того, как тигр сказал это (естественно, не добавляя никаких «гао» в конце слов), он медленно прошел мимо меня.
Я никогда не видела настоящих тигров и не могла точно определить его размер, но, когда он прошёл рядом, его грудь проплыла выше моей головы. Он был чудовищно огромным.
Наверное, мне не стоило оборачиваться.
Шел бы своей дорогой и больше не пытался поймать мой взгляд – нас обоих бы это устроило.
Однако...
Белая.
Ярко-белая – и бесстыже лгущая.
Я попала в ловушку тигра – и, не подумав, обернулась.
Какая безграничная глупость.

Я забыла урок первого триместра и Золотой недели. Я больше не имею права ругать Арараги-куна.

Нет, сейчас я поступила еще ужаснее, чем Арараги-кун.

- А...

Но, к счастью... Или не стоит так говорить...

Не очень подходящее слово.

Но когда я обернулась, там ничего не было – ни тигра, ни даже кошки.

Пустая улица.

Улица, по которой я хожу в школу, такая же, как и всегда.

- Ох, беда, - сказала я, но не из-за тигра, а из-за часов на левом запястье.

8:30.

Похоже, впервые в жизни я опоздаю в школу.

- Сендзёгахара-сан, послушай! Сегодня по дороге в школу я встретила с тигром.
 - Серьезно? Кстати, Ханекава-сан, почему я обязана тебя выслушивать? Ты сказала «послушай», но ты в самом деле требуешь этого от меня или просто тебе надо выговориться?

После церемонии начала нового триместра, когда все направились в классы, я догнала свою одноклассницу, Сендзёгахару-сан.

Потом я рассказала о том, что случилось утром.

Она скорчила недовольное лицо и огрызнулась. Однако, вместо того, чтобы забыть обо мне, она спросила:

- Ну и что дальше?

Она потребовала продолжения.

Во время летних каникул она остригла волосы, которые раньше доставали до бедер, и покинула дом отца. Не знаю, как там Арааги-кун, а для меня коротковолосая

Сендзёгахара-сан была в новинку.

Вкупе с остальной внешностью, ей так или иначе шла любая прическа. Но благодаря новой стрижке стиль «аристократки», которому она следовала весь первый триместр, полностью развеялся.

И хотя это порождало горячие споры среди одноклассников (по-моему, даже больше, чем когда постриглась я), мне кажется, если старшеклассница кого-то называет «аристократкой», это почти оскорбление. Так что, может быть, оно и к лучшему.

- Ты сказала «тигра», Ханекава-сан? Не кошку?

- Нет. Тигра, не кошку.

- Не полосатую кошку?

- Нет. Полосатого тигра.

- Не полосатую зебру?

- По-моему, это была бы обычная зебра, но нет.

- Не думаешь, что людям больше понравилось бы родиться под знаком Весов, если бы его переименовали в Зебру¹?

- Не думаю.

«Хм...» – протянула Сендзёгахара-сан.

- Сюда.

Она потянула меня за руку и отвела подальше от лишних глаз.

У нас еще оставалось время до начала классного часа, да и сложно говорить, когда на тебя glareют все одноклассники.

Мы оказались за спортзалом.

Обычно спортивная площадка одним своим видом нагоняет легкую нервозность, но после того, как женская баскетбольная команда в прошлом году добилась невероятных успехов, за этим местом тщательно ухаживали.

Погода тоже была хороша. Трудно желать более приятного места для расцветающей истории любви, но для нас расцвела только история о призраке.

Или, скорее, увяла.

- Так ты видела тигра?... Очень необычное происшествие, Ханекава-сан.

- Да уж. Но он был ненастоящим. Наверное, это Кайи. Он говорил со мной.

Да какая разница. В Японии и обычный тигр – уже сюжет для репортажа.

¹ В оригинале Хитаги спрашивает Цубасу, не сподвигнет ли переименование Нерима-ку (район Токио) в Симаума-ку (сима-ума значит «зебра») людей переезжать туда. Написание этих слов отличается одним символом.

- Вот как.
И правда.
Сендзёгахару-сан трудно было чем-то удивить.
Она была реалисткой до мозга костей.

- Скажите мне, что и панда – дух. Поверю на слово.
- М-м, не уверена.
- А разве жираф – не рокурокуби²?
- Так зоопарк для тебя – дом с привидениями?
- Возможно, - кивнула Сендзёгахара-сан.
Какая же она честная.

- Ханекава-сан, это и правда необычно. Хотя... Не обижайся, но мне кажется, что для тебя это в порядке вещей. В смысле, тигр. Представляешь. Тигр! Слишком круто. Краб, улитка, обезьяна и пчела Карен-сан. Все такие маленькие, и вот приплыли - тигр. Все бежали по одной трассе, с одной скоростью, следя друг за другом и не вырываясь вперёд, мило и дружелюбно - а сейчас вон что вылезло. Для таких как ты, которые не могут читать чужие настроения, нужно издать специальный закон. Мне бы не хотелось это говорить, но это намного круче, чем Арараги-кун и его демон.

- Только ты могла прийти к таким выводам...
- Он с тобой что-то сделал?
- Нет, ничего. Наверное. Не могу сказать. Поэтому я спрашиваю тебя. Со мной что-то не так?
- Хм. Ну, пропустить занятия – это одно, а вот опаздывать на них совсем не в твоём стиле, Ханекава-сан. Но ты же не об этом?
- Нет.
- Прошу меня извинить.

Сказав это, Сендзёгахара-сан приблизилась ко мне и осмотрела кожу на лице. Она смотрела так, словно хотела её облизать. И не только кожу, она осмотрела мои глаза, нос, брови, губы.

Закончив с лицом, она взяла мою руку и исследовала ногти, даже сосуды на тыльной стороне ладони.

- Что ты делаешь, Сендзёгахара-сан?
- Проверяю, всё ли с тобой в порядке.
- Вот как?
- Ну, во всяком случае, так я хотела сделать.
- А сейчас чем занимаешься?
- Наслаждаюсь видом.

Я отдернула руку.
Так грубо, как смогла.

Сендзёгахара охнула и обиженно посмотрела на меня – надеюсь, это шутка.
Удивительно, но Сендзёгахаре-сан своя шутка нравилась.
Надеюсь, все-таки шутка...

Ещё сильнее надеюсь после того, как Арараги-кун рассказал мне о предпочтениях Канбару-сан.

- Ну так что?
- Всё в порядке. Кожа не потеряет тонус ещё лет десять как минимум.
- Я не об этом.
- Ничего необычного – по крайней мере, тигриные уши у тебя не выросли.
- Тигриные уши?

Вспоминая, как из моей головы уже росли кошачьи уши, я не могла принять эту реплику за шутку, но все же вряд ли такое возможно. Я засмеялась, беззаботно ощупывая затылок.

² Ёкай с очень длинной шеей (<http://en.wikipedia.org/wiki/Rokurokubi>).

Хорошо.

Ничего не растёт.

- Но если ты встретила Кайи, бесследно это не пройдет – так что расслабляться рано.

- Верно.

- Может, завтра ты проснёшься насекомым.

- Ну это уж вряд ли.

Лучше уж тигром.

Люди могут подумать, что нам нравится Кафка.

- В общем, лучше поговорить с Арараги-куном. Конечно, я помню, как на меня напал краб, но это не добавляет мне знаний по борьбе с нечистью.

- Да, ты права.

Все так, как она и сказала.

Даже если ты сталкивался с Кайи, к этому невозможно привыкнуть.

Наоборот, чем больше ты с ними сталкиваешься, тем меньше ты знаешь.

Разговор с Сендзёгахарой-сан ничего не даст. Хуже того, я могу начать сыпать соль на раны.

- Но у Арараги-куна сегодня выходной.

- Что?

Сендзёгахара-сан наклонила голову, глядя пустыми глазами.

- Разве его не было на церемонии начала триместра? – я даже не поняла, что его нет, когда его в самом деле нет. Это хуже, чем не понять, что он здесь, когда он здесь.

Она хихикнула.

От её смеха у меня по спине пробежал холодок.

Даже сейчас можно услышать эхо того, что Арараги-кун называл «фазой голосового унижения».

И все же за летние каникулы она куда-то растратила весь свой яд, и сейчас все ее реплики были скорее шутками.

Люди меняются.

Я рада, что сия чаша ее не минула.

- Похоже, теперь не стоит беспокоиться за журнал посещений, но интересно, что мой любимый думает об этом.

- Не называй его «любимым».

Слишком резкий переход.

Слишком резкие изменения в характере.

- Кстати говоря, перед тем, как встретить тигра, я видела Маёй-тян. Если верить ее словам, он... что-то затевает.

- «Что-то»?

Сендзёгахара-сан покачала головой, будто говоря: «Боже мой».

Она переиграла, но в то же время довольно точно изобразила недоверие.

- Видимо, обычное дело.

- Ну да. Он видит только то, что находится прямо перед его носом.

- Пробовала звонить ему? Или писать?

- М-м, думаю, не стоит.

Я чувствовала, что не стоит его беспокоить. Пусть закончит свои дела. Когда он вернется в школу, я первым делом поговорю с ним об этой ситуации.

Это не сдержанность, а беспокойство за него.

- Понятно.

Сендзёгахара-сан кивнула.

- Хотя, мне кажется, тебе стоит быть смелее.

- Смелее?

- Или лучше сказать «наглее». Он будет только рад, если ты станешь на него рассчитывать. Ты же знаешь об этом?

- Ну, я бы не была так уверена.
Я была сбита с толку словами Сендзёгахара-сан.
- Наверное, я об этом ничего не знаю.
- Или ты стараешься быть тактичной ради меня?
- Нет конечно. Вовсе нет.
- Хорошо.
«Ух», – сказала Сендзёгахара-сан.
Глубокий вздох.
- Ну, не факт, что что-то случится. И нервничать, как яндере, вредно. Хотя, если ты не уверена насчет мирных намерений тигра, я думаю, что нам надо найти Арараги-куна. Тигр там, или лев - у тебя, как и у меня, нет сил для сражений с Кайи. У тебя, как и у меня есть знания, но не опыт. Для разговоров хватает, но на деле – молоко на губах не обсохло.
- Верно...
По-моему, она имела в виду нечто иное.
Это была сложная фраза, и я не смогла понять, нарочно ли она так сказала.
Арараги-кун, наверное, понял бы и придумал чудесный ответ.
Но я так не умею.
- Лишь Арараги-кун с вампиром могут победить Кайи – ну, и Канбару, если захочет. Но не стоит лишний раз заставлять её делать что-то неразумное.
- Верно.
Я слышала об этом.
Кажется, это касается бинтов на её правой руке.
Тут дело было не в сдерживании, а в реальной опасности. Пусть проблему с ее Кайи и решили, Канбару-сан всегда считала, что сидит на пороховой бочке.
Или она сама была этой бочкой.
...Если я думаю о ней в таком ключе, значит, я так же думаю и насчет Арараги-куна.
Поэтому я ему и не позвонила.
Наверное.
Хотя я знаю – причина не в этом.
На деле всё так, как и сказала Сендзёгахара-сан.
В общении с Арараги-куном мне не хватает наглости и смелости.
Видимо, все из-за того, что...
- Ханекава-сан, ты когда-нибудь говорила Арараги-куну «Помоги мне»?
- А?
Внезапный вопрос вернул меня в реальный мир.
Я удивилась.
- Что? «Помоги мне»?.. Не знаю. Не каждый день такое приходится говорить... Кажется, нет.
- Понятно. Я тоже, - сказала Сендзёгахара-сан, подняв глаза к небу. - Всё-таки он спас нас до того, как мы его попросили. Болтал о чем-то вроде «люди сами себя спасают», словно слышал про это откуда-то еще.
Не «словно». Он в самом деле слышал это. Эту фразу постоянно повторял Ошино-сан.
- Я говорю не только о крабе. Канбару, Кайки - он всегда приходил мне на помощь. Но то, что он спасал тебя, даже когда ты ни о чем не просила, не значит, что ты не должна об этом просить.
- Хм? Что это значит?
- Это значит, что ты стоишь и молча ждешь, когда Арараги-кун придет и спасет тебя.
- Ох...
Хм.
Неужели все так?
Однако отрицать это было бы глупо.
Не сближаюсь.

Жду, когда сблизятся.
«Я не такая», - я не могу сказать этого.
Во мне живёт нечто тёмное.
Эта тьма ко мне намного ближе, чем все остальные.
- Я думаю, нам стоит ему довериться. Он этого всегда хотел. Если бы ты сделала это до Золотой Недели...
Сендзёгахара-сан оборвала себя.
Возможно, она поняла, что наговорила лишнего.
Но она не извинилась, просто вышел небольшой конфуз – хотя извинения тоже пришлось бы ни к месту.
Я их не заслужила.
- Наверное, нам пора вернуться в класс, - сказала я.
Я совсем не хотела ей помогать и разряжать атмосферу, просто, посмотрев на время, поняла, что нам нужно возвращаться. Нам придётся бежать по лестнице.
- Да, - кивнула Сендзёгахара-сан. - Не буду тебя заставлять, но действовать в одиночку точно не стоит. А от тебя можно ожидать чего угодно. Если не хочешь создавать проблем Арараги-куну, то возьми меня с собой, хотя помощница из меня никакая. По крайней мере, умрём вместе.
Сендзёгахара-сан шла к зданию школы, беззаботно бросаясь всеми этими глупостями. Хоть она и «реабилитировалась», все равно не смогла полностью вернуться в норму.
Ладно.
Честно говоря, Сендзёгахара-сан не столько реабилитировалась, сколько просто стала милее. Особенно рядом с Арараги-куном.
Арараги-кун знает только Сендзёгахару-сан, которую видит собственными глазами, так что пройдет какое-то время, прежде чем он все поймет.
И я не спешу ему рассказывать.
Итак, мы вместе вернулись в класс. Думали, что опаздываем к началу классного часа, но с этим всё было в порядке.
Ну, не совсем.
Хосина, наш классный руководитель, уже пришел.
Он должен был начать урок, но все ребята стояли у окон и глазели на что-то на улице.
Что случилось?
На что они смотрят?
- Ох... - выдохнула Сендзёгахара-сан.
Она была несколько выше меня, так что заметила *это* раньше – когда я поняла, что все на что-то смотрят, она уже сняла туфли и забралась на стул.
А по внешности и не скажешь, что она такая активная.
Я же протиснулась сквозь одноклассников и подошла к окну.
И мгновенно поняла, на что они смотрят.
- Пожар.
Я застыла от изумления.
Я начала говорить сама с собой – я редко делаю это вне дома.
Я следила за пылающим пламенем, оно было очень далеко и казалось искоркой, но его рев было слышно даже здесь.
Я сказала:
- Мой дом горит.
Я назвала *этот дом* моим домом.

Я не знала двух вещей.

Во-первых, что могу увидеть дом, в котором я жила, из окна класса. Дело было не в том, что я никогда не смотрела из окна.

Почему я не видела его?

Почему я его не замечала?

Конечно, я видела его, но не узнавала сознательно – по сути, это было явление, обратное принципу «попробовав раз, ем и сейчас».

Думаю, я самолично вытолкнула дом из своего сознания.

Во-вторых, я не знала, что могу так сильно переживать, смотря на свой горящий дом.

Мой разум опустел.

Это был ужасный удар.

Арааги-кун считает, что я отлично могу контролировать себя – но как и у других людей, у меня бывают разрушительные импульсы. С тех пор, как мы пережили ту кошмарную Золотую Неделю, он верил в мою человечность изо всех сил – или нет, наверное, он просто забывал о проблеме. Внесу ясность: я сама тысячу раз мечтала, чтобы «дом вроде этого» просто исчез.

Но я никогда не думала, что он в самом деле исчезнет.

Или что я испытаю такое чувство потери.

Это была не привязанность.

Я никогда даже не думала об этом месте как о доме – я могла случайно так его назвать, но это лишь заблуждение.

Однако когда-то к этому заблуждению были привязаны чувства.

Это хорошо?

Я заблуждалась.

Да, именно так.

Или это плохо?

Можно было решить и так и эдак, но выбирать уже было поздно.

Всё-таки я его лишилась.

Дома, в котором я провела пятнадцать лет, я лишилась навсегда.

Забыв о том, что я и так опоздала, я попросила разрешения у Хосины уйти пораньше.

Конечно, он разрешил, и я побежала домой. Я не Канбару-сан, поэтому прибыла к дому уже после пожарных машин и собравшихся зевак.

Пожар был потушен.

И всё исчезло.

Забыв о соседних домах, пожар обратил дом в пепел, не оставив ничего.

Единственных лучом надежды была лишь большая пожарная страховка.

Неприятно, но это было самым важным.

Стоп, это неправильно.

Самым важным было наше здоровье – но, на первый взгляд, беспокоиться было не о чем.

Я была в школе, и крайне маловероятно, что «двое других», которых я должна называть родителями, вернулись утром домой.

Мы трое никто не считали это место домом.

Это было место, а не дом.

Но тут я вспомнила про Румбу и отдала последние почести автоматическому пылесосу, будившему меня каждое утро.

Я скорбела о нём больше, чем о доме.

Забудем про Румбу. Сгорело много вещей, сгорело вообще все, но, поскольку я была всего лишь школьницей, у меня не было ничего ценного, так что насчёт этого не стоило беспокоиться.

Хотя вся моя одежда тоже сгорела.

Те, кого я должна называть матерью и отцом, подумают точно так же – они, наверное, тоже не держали в доме ничего важного.

Они оставляли важные для них вещи на работе.

Так мне кажется.

Этот дом не был хранилищем важных вещей.

Они были бы осквернены.

Ладно, о многом я не знала – и многое осознала только после пожара.

Хотя я и не встречалась с мошенником, Кайки Дейшу, думаю, он назвал бы это заслуженным уроком.

Не знаю.

Мне плевать.

Неважно, переживала я или нет – теперь мне придется жить на улице.

У меня было много мест, куда я ходила по выходным (не потому, что хотела там побывать, а потому, что не хотела сидеть дома), но сейчас было бы хорошо найти крышу над головой на ночь. Но пожар заставил семью Ханекава провести между собой беседу. *Беседу?*

Ни в одной нормальной семье это беседой не назовут.

Это не семейное собрание, не диалог.

Мы обменивались мнениями.

Естественно, из-за пожара возникло множество неудобных формальностей. Но сейчас никто не знал даже причину пожара. Рассматривалась даже вероятность поджога, и ребёнок, вроде меня, с этим ничего поделать не мог. Так что сегодня мы обсуждали главный вопрос – «где нам спать».

У нас не было родственников, на которых мы могли бы положиться, так что без лишних разговоров решено было направиться в отель – но это само по себе было проблемой для семьи Ханекава.

Самой большой, или, можно сказать, единственной проблемой.

Мы не спали вместе в одной комнате уже черт знает сколько времени.

Я спала в коридоре, а у этих *мужа* и *жены* были отдельные спальни. Комната в отеле стоит недешево, а если нам понадобится еще пара комнат...

- Со мной всё будет в порядке. Я поживу у друга, – не дожидаясь конца дискуссии, сказала я. - Это хороший шанс для вас двоих побыть наедине, вы же пара.

Я понимала, что делаю это не из принципа, а из-за своих настоящих чувств, вызванных моей ужасной бесчеловечностью – во время Золотой Недели я поняла, что со мной не так. Я не хотела ночь напролет находиться с ними в одной комнате.

Хотя я четко понимала, что это мои настоящие чувства, я задвинула их как можно дальше – пусть это и было очень неестественно.

Вряд ли кто-нибудь назвал бы меня человеческой, ведь я приняла этот пожар как «хороший знак».

Этому меня научили Арараги-кун и Ошино-сан.

Это был мой урок.

Конечно, я не усвоила его до конца, но чувствовала, что должна дать этим двоим побыть наедине.

Так мне казалось.

Хорошо бы дать им ещё один последний шанс, прежде чем я стану совершеннолетней.

После этого они собирались немедленно развестись.

Так я думала.

Учитывая все сложности, на восстановление полностью сгоревшего дома уйдёт несколько месяцев, так что за те недели, пока они будут арендовать дом после пятнадцати лет совместной жизни, может, что-то и получится.

Ну, так мне кажется.

Я хочу так думать.

Оба с готовностью согласились.

Они не возражали против моего проживания у друга. На самом деле, они были рады тому, что я сама это предложила.

Ну, конечно.

Им вдвоём будет лучше, чем нам троём, так что, наверное, они были благодарны этому пожару за то, что он избавил их от неудобств.

Они были рады тому, что я сделала.

Я сама, должно быть, сошла с ума, если и меня это радует.

Только вот проблема.

Ну, то есть, еще одна проблема - у меня нет ни единого друга, который позволил бы мне пожить у него.

У меня есть друзья.

Спасибо моему характеру, их немного, но я сумела подружиться с несколькими людьми, которые подходили обычной школьнице в период ее обучения в школе.

Кстати, Арараги-кун говорит об отсутствии друзей скорее не с самоуничижением, а с некоторой долей гордости. Позвольте прояснить: он не врет.

Конечно, друзей у него нет.

Или, скорее, он долгое время избегал заводить дружбу с кем бы то ни было – по его мнению, друзья ослабляют тебя как человека.

Он в самом деле так думал.

Пусть он и отказался от этой философии, ему еще предстоит реабилитация. Я ни разу не видела, чтобы он общался с парнями в классе.

Да и вообще, я ни разу не видела, чтобы он говорил хоть с кем-то, кроме меня и Сендзехахару-сан.

Знал ли он, что в то время, как Сендзехахару-сан называли «аристократкой», его прозвище было «немой увалень»?

По сравнению с ним, у меня была куча друзей.

Друзей, с которыми я ладила.

Но вот оказалось, что я ни разу не ночевала у друга.

«Ночевка» была для меня чем-то абсолютно незнакомым.

А если подумать, почему?

Я ненавидела бывать в доме, но никогда не пыталась по-настоящему «сбежать»...

Арараги-кун, наверное, сказал бы, что это из-за моего образцового поведения. Может, так и есть, но Сендзехахара-сан угадала точнее.

«А ты когда-нибудь говорила "помоги мне"?»

Это касалось не только Арараги-куна.

Видимо, я просто не искала помощи друзей – мне не нравилась идея доверить что-то столь важное другому человеку.

Я хотела оставить право выбора.

Я хотела сама решать, как мне жить.

Потому я стала кошкой.

Я стала Кайи.

Я стала собой.

- Что ж, думаю, все хорошо. К счастью, я знаю, куда идти.

Чтобы подбодрить себя, я сказала это так, словно разговаривала не с собой. Все мои вещи были в сумке, с которой я ходила в школу – поскольку это был первый день нового триместра, там были только тетради, письменные принадлежности и прочая ерунда, но сейчас это все, что у меня осталось.

Чувствуя себя Энн Ширли³, чьи богатства помещались в одной сумке, я вполне наслаждалась своим положением. Может быть, мне стоило быть чуть серьезней. Я пошла к руинам школы, которую мы все знали.

Кажется, пока она работала, она называлась «Школа Благородных Манер».

3

[http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BD%D0%BD_%D0%A8%D0%B8%D1%80%D0%BB%D0%B8_\(%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BD%D0%BD_%D0%A8%D0%B8%D1%80%D0%BB%D0%B8_(%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6))

Здесь на протяжении трех месяцев жили Шинобу-тян и Ошино-сан – и Арараги-кун, во время весенних каникул, так что в ней можно было легко переждать ночь.

Так я считала.

С благодарностью приму пол и крышу над головой.

Она была довольно далеко от дома, но, желая сэкономить, я не поехала на автобусе.

Когда-то школу окружал поставленный Ошино-саном барьер, который не дал бы тебе добраться до нее, даже если бы ты захотел. Но теперь его нет.

Теперь в школу можно легко войти.

Естественно, на электричество можно было не рассчитывать, так что нужно было приготовить себе ночлег, пока не зашло солнце.

Ошино-сан и Арараги-кун делали себе кровати из парт и стульев.

Раз так, я последую их примеру.

Перебравшись через забор, я зашла в школу и первым делом направилась на четвертый этаж - Арараги-куна говорил, что Ошино-сан часто жил на этом этаже.

Судя по предыдущему постояльцу, четвертый этаж должен быть весьма обжит. Я поставила все на эту догадку.

И она с треском провалилась.

В потолке первого класса, в который я вошла, красовалась здоровая дыра.

Во втором не было части пола.

В третьем – ни пола, ни потолка...

И, должно быть, в последнем классе что-то случилось: казалось, в ней буйствовал дикий зверь – я бы сказала, так могут закончиться игры Арараги-куна и Маей-тян.

Я пожалела о поспешности своего решения.

Кто бы мог подумать, что все тут в таком плачевном состоянии...

Когда я заявила, что поживу у друга, я имела в виду эти руины, но устроиться тут будет сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Выдавлив улыбку и изо всех сил стараясь не падать духом, я спустилась на третий этаж – и в первом же классе, куда я вошла, снова не встретила ни пола, ни потолка.

Кажется, дыра в потолке соединялась с классом на четвертом этаже, но что же здесь случилось? Судя по цвету края дыры, она появилась совсем недавно...

Если тут пол рухнет сам по себе, этому зданию землетрясения не пережить.

Под громкий стук сердца я предприняла еще одну попытку и наконец-то нашла класс, в котором были нормальные стены, пол и потолок.

Но расслабляться было нельзя, я сразу же начала сооружать кровать. Похоже на походы скаутов, подумала я, но конечно, я никогда в них не участвовала.

Ты знаешь только то, что знаешь.

Это не опыт.

Как и сказала Сендзегэхара-сан.

Приобретая знания, я приобретаю и бесполезную мишуру.

Вообще говоря, соединить парты так, чтобы получилась кровать, оказалось не таким уж простым делом. У меня не было веревки, чтобы связать их. Я ненадолго покинула руины, и пошла в ближайший магазин, чтобы купить кое-что.

- Вот, закончила. Ошино-сану нужна была еще одна парта, но я не такая высокая, так что этого должно хватить.

Делать что-то было очень приятно.

Кажется, что кровать получилась неплохая – и, не устояв перед искушением опробовать ее, я легла прямо в форме.

- Ох.

Так не пойдет.

Из-за завышенных ожиданий я очень расстроилась.

Точно не пойдет.

Так обидно.

Все равно что спать на полу.
Для чистоты эксперимента я легла на пол, но едва ли почувствовала разницу.
Нет, с учетом суставов тела, спать на партах даже сложнее.
Какой же вы страшный человек, Ошино-сан.
Он, наверное, мог бы и на гвоздях спать.
Я подумала о том, как спали Арараги-кун и Шинобу-тян, но Шинобу-тян – бывший вампир, а Арараги-кун был вампиром, когда жил здесь, так что вряд ли можно брать с них пример.
Я понятия не имела о том, как спят вампиры, раз они могут засыпать даже в тесном гробу.
- Футон. Нужна постель...
Я вновь покинула руины.
Когда я уходила, то захватила кошелек с картой – все же какие-то деньги у меня имелись.
Кроме того, мне нужна была еще куча вещей, но в данный момент приходилось экономить не только на общественном транспорте, так что я никак не могла купить что-нибудь вроде теплого одеяла Ханеге.
Кстати говоря, я читала, что газеты, журналы и картонные коробки очень неплохо согревают. Стоит набрать картона в универмаге.
С учетом всего этого, у меня не остается выбора, кроме как сесть на автобус на обратном пути, но в тот момент я сдалась. Не стоило экономить на предметах первой необходимости.
Бедность притупляет ум.
Как красивы эти слова.
И поэтому я шла.
Медленно шла.
Шаг за шагом.
Консервы и вода – это точно нужно. Картон заменит мне матрас, а газеты - одеяло.
Журналы пришлось бы рвать на части, а у меня может не хватить сил. Даже если это всего лишь журналы, я не хочу рвать то, что можно читать. А газеты разделили за меня заранее.
И еще одежда.
Я не могла спать в форме – Арараги-кун, кажется, считал, что в моем гардеробе была только форма, но, конечно, это не так.
Те двое никогда не строили из себя родителей, но они были внимательны.
Они сделали минимум необходимого.
Они сделали это так, словно выполняли какие-то обязательства.
Так что они купили мне одежду – просто я не хотела ее носить.
Ну, теперь все это сгорело.
После того, как все сгорело, не осталось ничего.
Как будто я начала с чистого листа.
Да – хотя чушь все это, я практически сияла.
Конечно, упомянутое сияние тоже было обманом.
Не было никакого чистого листа.
Я лишь ненадолго сбежала от проблем.
Если ты что-то потерял, нельзя сделать вид, что ничего не случилось.
На прилавках лежала только дорогая одежда. Я хотела поехать на автобусе, да еще зайти в Уникло... и тут вдруг увидела магазин «Все по сто йен». Конечно, сложно будет найти пижаму (или свитер) за сто иен, но, к счастью, там продавалось белье.
Я купила его, не колеблясь ни минуты.
Думая о всяких глупостях вроде тех, что не могу показаться Арараги-куну в белье за сто иен, я села на автобус и вернулась в школу.
Ошино-сан никогда не говорил о таких проблемах, но им нельзя было не восхищаться – будучи обычным человеком, он протянул в таких условиях три месяца.

Я начала укреплять свою постель. Разрезав картон, я приклеила его на парту в два слоя. Кто-то может подумать, что как ни клей, а картон в любом случае остается картоном, но постель стала заметно уютнее. Я добавила еще один слой.

Поскольку работа и магазины утомили меня, я решила поесть.

У меня были только консервы, так что не нужно было ничего готовить.

Конечно же:

- Спасибо за еду.

Я не забыла эти слова.

Даже консервы в прошлом были чьей-то жизнью.

По крайней мере, я в это верю и благодарю ее.

Даже если оно живым никогда не было, это все равно станет частью меня, и за это я говорю «спасибо».

Жизнь нужно ценить.

Даже если она оборвалась.

Однако нужно помнить, что я не смогу питаться этим все время. Наверное, придется купить кастрюлю и походную газовую плитку. Я думала остановиться тут до того момента, как те двое найдут себе дом, но, видимо, мне придется задержаться тут подольше.

- Душ и туалет есть в школе... телефон можно заряжать там же. Я могу учиться в библиотеке или в читальном зале. Что еще...

Размышляя о насущных проблемах, я мгновенно находила способы справиться с каждой из них.

Может показаться, что я не столько разрабатывала план выживания в экстренной ситуации, сколько старалась убедиться в том, что пожар не усложнил мою жизнь.

Я словно готовила себя к новой жизни.

Будто разрешала парадокс.

Очень в моем стиле.

- Было вкусно.

Сейчас середина лета, закат должен быть поздно, но, прежде чем я подумала об этом, школу окутала крошечная тьма, так что я переоделась в новое белье и легла на недавно законченную кровать.

Не могу сказать, что спала без задних ног.

Однако сон мой был намного спокойнее, чем в коридоре дома.

Что?

Мы только что пропустили главу?

Или мне показалось?

А, ладно.

Если бы Румба был здесь, он бы сразу же взялся за уборку этих развалин, но, к сожалению, он сгорел вместе с домом. Теперь он никогда не разбудит меня.

Но я уверена, что смогу проснуться в нужное время сама.

У человеческого тела есть так называемые биологические часы.

Этот биоритм не так легко нарушить.

Не говоря уже о том, что я не знала такого понятия, как «полусонный» - но реальность оказалась иной.

Я не проспала.

Более того, я проснулась раньше, чем планировала, и, вдобавок ко всему, я не просто проснулась. Меня разбудили.

Раз Румбы нет, то некому меня будить...

- Ханекава-сан!

Я проснулось от того, что меня попытались поднять.

«Такие вот сны я вижу после вчерашнего?» – беспечно подумала я, ожидая, когда понимание догонит распознавание.

Я смотрела на Сендзёгахару-сан, держащую меня за воротник.

- С тобой всё хорошо?! Ты жива?!

- А? Что? Доброе утро?

Всё ещё не понимая ситуации, я сделала то, чего не делала очень давно – пожелала кому-то доброго утра.

Сама себе удивляюсь.

Всё-таки прямо на меня смотрела хладнокровная Сендзёгахара-сан, и по её ярко-красному лицу катились слёзы.

-С тобой всё хорошо?!

Сендзёгахара-сан повторила свой вопрос.

Всё ещё не понимая, почему она так разволновалась, я кивнула:

- Ага.

Я была ошарашена.

После этого она отпустила меня, закусил губу так, словно сдерживала слёзы, а потом...

- Дура!

Она дала мне пощёчину.

Сначала разбудила.

Потом ударила.

Я могла бы увернуться, но она выглядела такой злой, что я смиренно приняла удар.

Нет, наверное, я бы и не смогла увернуться.

Моя щека просто пылала.

- Дура! Дура! Дура!

Не ограничившись одним ударом, Сендзёгахара-сан продолжила лупить меня – и чуть позже она просто стала колотить меня по груди, как истеричный ребенок.

Я почти ничего не чувствовала.

Но в то же время мне было очень больно.

- Девушка! Одна! Спит в таком месте!.. А если бы что-то случилось?!

- Прости...

Я извинилась.

Или меня заставили извиниться – всё-таки я не считала себя виноватой в том, что чуть-чуть поиграла в скаута, но в то же время чувствовала себя очень интересно.

Как бы то ни было, я заставила Сендзёгахару-сан, ту самую Сендзёгахару-сан беспокоиться обо мне...

Хоть это и неразумно, но я была рада.

Я была рада.

- Нет. Я не прощу тебя. Никогда не прощу.

С этими словам Сендзёгахара-сан обняла меня, или, скорее, вцепилась в меня, прижавшись к моей груди.

Как будто не хотела больше отпускать.

- Я не прощу тебя. Даже если ты извинишься.

- Да... Я поняла. Прости. Прости.

Но я всё равно продолжала извиняться.

Сама обняла её, и продолжила просить прощение.

В итоге Сендзёгахара-сан успокоилась только через тридцать минут, что совпало с моим обычным временем пробуждения.

- Я много-много раз звонила тебе, – сказала Сендзехахара-сан, вернувшись к своему обычному виду Снежной Королевы, будто ничего только что не произошло. Скорость перехода была почти мгновенной. Однако ее глаза все еще были красными.

Да и я сама изрядно повертелась во сне и уничтожила прическу. Видимо, виновата была постель (а еще меня обозвали «Супер-Ханекаван»⁴), так что подозреваю, что я тоже была не в лучшем виде.

Как же Сендзехахара-сан умудряется держать себя в руках? Словно минутой раньше не было никаких слез.

Она такая восхитительная.

Я почти забыла про волосы.

- Я даже представить не могу, каково это – лишиться дома... Подумала, что ты не хотела ни с кем разговаривать, так что сдерживалась, но все равно места себе не находила... Хотела позвонить, но из этого ничего не вышло.

- Ой. Прости. Я выключила телефон, – сказала я. Решила, что стоит быть экономнее.

Я не пользовалась телефоном как будильником, потому что доверяла своим биологическим часам, но, конечно, была и более прагматичная причина.

Я не была уверена насчет разрешения воспользоваться школьными розетками (зная мое положение, учитель, разумеется, разрешил бы, но в школе в принципе запрещены телефоны).

- Боже мой, вот же любительница правил... ты могла бы воткнуть зарядку в любую попавшуюся тебе розетку.

- Это же воровство.

- А мне из-за тебя пришлось весь город оббежать. Мне рассказали, что ты осталась у друга, но никто не знал, у какого именно.

- Рассказали... кто?

- Все, кого я знала.

- ...

Когда-то Сендзехахара-сан не просто боялась незнакомцев, а никому вообще не доверяла.

Но вот теперь дела у нее шли намного лучше.

Однако теперь все в классе знают, что я пропала.

Просто отлично.

- И еще. Прости. Я говорила и с твоими родителями.

- А?

Ничего себе.

Она пошла к ним в отель?

Ну, думаю, любой человек со связями смог бы их найти... они не прятались, у них был почтовый адрес.

Наверное, Сендзехахара-сан пошла к ним, думая, что я... что я была там.

- Понятно. Так ты встретишься... с матерью и отцом.

- Ты никогда не называла тех людей «матерью» и «отцом», - небрежно произнесла она. Даже небрежнее обычного.

Казалось, она недовольна.

⁴ Вероятно, отсылка к Super-saiyan из Dragonball.

Раньше читать ее было очень сложно, но в последнее время на ее лице стали проступать разные эмоции.

Радость, печаль.

И злость.

Судя по всему, приняли ее так себе.

Все было бы намного проще, если бы эти двое нормально общались с людьми – встреча с Ошино-саном во время Золотой Недели тоже прошла ужасно. Но чья бы корова мычала, я сама ничего не могу придумать в ответ.

Просто не успеваю.

- Похоже, много всего случилось. Хотя я не собираюсь расспрашивать.

В отличие от Арараги-куна, Сендзехахара-сан очень мало знала о моем положении, раздоре и развале семьи Ханекава, но, похоже, она не собиралась лезть в это дело, так что быстро вернулась на исходную тему.

Талант знакомой мне Сендзехахары-сан.

Я вспомнила, почему восхищалась ей.

- Потом я продолжила искать где попало и под утро вспомнила об этом месте. Ну, я подумала об этих руинах с самого начала, но даже думать не хотела о том, что девушка твоего возраста проведет здесь целую ночь... Однако для очистки совести проверила и это место.

- А. А? Стоп, ты говоришь, что не спала всю ночь?

- Я говорю, что не спала всю ночь. Люди называют это «стояк».

«Поэтому я так разволновалась, когда нашла тебя, и начала плакать», - сказала Сендзехахара-сан.

Какое милое оправдание.

Кстати говоря, когда не спишь всю ночь, это называется «всенощное бдение».

- В твоём возрасте довольно опасно шататься по улицам по ночам.

- Твоя правда.

«Я не из тех, кто думает наперед», - сказала Сендзехахара-сан.

На ней были джинсы и футболка. Она вся взмокла, поэтому, скорее, не «шаталась», а бегала, словно Канбару-сан.

- Спасибо.

Я спокойно поблагодарила ее, а затем встала с кровати.

Ничего не болело.

Конечно, я не идеальный человек, как бы меня ни убеждал в этом Арараги-кун, но, похоже, талант для создания кроватей у меня есть.

Может, стоит стать профессиональным проектировщиком кроватей?

Этому учат в Германии? Или где-нибудь еще?

- Ну, я сама так решила – и, судя по твоему положению, зря так волновалась.

- Ага. Теперь я наконец осознала, как это было опасно. Говорят, пожар кого угодно заставит запаниковать, но, похоже, меня огонь довел до какого-то странного состояния.

- Ну да. Так и есть – ты знаешь, что регулярно делаешь невероятно опасные вещи?

- Да ну?

- Например, соблазняешь Арараги-куна.

- Пф-ф.

Я смогла ответить только «пф-ф».

Нормальный ответ в голову не пришел.

Я не пыталась его соблазнить, но возразить не смогла.

Теория о том, что именно я довела его до такой жизни, приобретала все большую популярность.

- Он в самом деле был очень равнодушным... когда впервые заговорил со мной. Но теперь он изменился.

- Это... из-за меня?

- Ну, еще из-за Кайи... в любом случае, я слишком беспокоилась. Прости, должна была сама догадаться. А теперь пошли.

- Куда? В школу?

- Ко мне домой.

Сендзехахара-сан сказала это так, будто объясняла очевидное.

- Поясню еще раз - если попробуешь сопротивляться, я сначала засуну тебе в рот степлер, а потом загоню в щеку скобу. Весь мир за тебя, Ханекава-сан.

- ...

Видимо, именно так давным-давно она поступила с Арараги-куном. Так что я при всем желании не могла возразить ей.

Вопреки описанию хозяйки, дом, в котором жила Сендзёгахара-сан, вилла Уоррен, был весьма примечателен. По виду можно было подумать, что это здание построено ещё до войны. Оно казалось воплощением почтенности.

Арараги-кун нелестно отзывался о нем, говорил, что от землетрясения лучше прятаться в руинах школы, чем в этом доме (хотя я думаю, так он проявлял заботу о Сендзёгахаре-сан). Однако, поднявшись по внешней лестнице, я с удивлением обнаружила, что это не так, дом был построен на совесть.

Наверное, именно об этом говорят те, кто утверждают, что старые здания прочнее наспех построенных новых.

Здесь было очень безопасно.

Тут в двери был замок!

Только придя сюда, я поняла, насколько глупо было спать в тех руинах.

Очень глупо.

- Папа задержится на работе, так что располагайся, Ханекава-сан.

- А... можно?

- Папа сегодня не придёт.

- Почему ты повторяешь это так, словно мы герои романтической комедии?

Чувство юмора Сендзёгахары-сан было весьма своеобразным что до, что после реабилитации.

Комната двести один.

Сняв туфли, я вошла.

И правда, коридора нет.

Аккуратная комната 12 на 9 – и никакой мебели, кроме книжных стеллажей и шкафов.

Видимо, они не хотели загромождать все мебелью, но Сендзёгахара-сан вообще не была похожа на человека, у которого есть много вещей. Я была уверена, что её отец такой же.

- Когда-то я жила в особняке и, не моргнув глазом, отдала бы тебе целую комнату, но сейчас ограничимся этим.

- Не надо подражать Люпину.

- А что ты скажешь на это - я ходила по магазинам и потратила 90 000 иен, потому что очень хотела выиграть Фиат Люпина в Итибан Кудзи?

- Я скажу, что тебе чудовищно не везёт.

Я села.

И осмотрелась.

- Здесь я чувствую себя спокойнее.

- Правда? Арараги-кун всегда выглядит так, словно сидит на иголках.

- Сомневаюсь, что есть парень, который сможет сохранить спокойствие в комнате девушки... ну, тут мило.

Не зная, как ещё выразить свои мысли, я просто говорила то, что приходило в голову.

- Чувствую себя как дома.

- Вот как?

Сендзёгахара-сан сделала такое лицо, будто не поняла меня.

Наверное, она права.

Потому что я сама себя не поняла.

Хотя и сказала эти слова, будто говорила сама с собой.

Что вообще значит «дом»? Я прожила пятнадцать лет в доме Ханекава, которого теперь нет, и конечно, по определению, он являлся «домом». Во время пожара, я сама назвала его «моим домом».

Но всё же.

Почему я чувствую себя намного уютнее в комнате 201, а не в своём доме?

Почему здесь мне становится легче?

- Но я не чувствую, что это мой дом. Всё-таки я не так давно сюда переехала, – сказала Сендзёгахара-сан.

- Ну, конечно, моего старого дома тоже нет.

- ...

Конечно.

Дом, в котором раньше жила Сендзёгахара-сан, особняк, известный всему району, теперь стал пустырьём.

Нет, даже не им.

Чем он стал? Дорогой?

Не помню.

Я сама видела, как сгорел мой дом, пусть даже издали. Каково это, когда твой дом становится прошлым?

Не знаю.

Не знаю, так что не буду думать об этом.

Да.

Меня это больше не беспокоит.

Меня больше не беспокоит собственное спокойствие.

- Отдохни сегодня от школы, Ханекава-сан, – предложила Сендзёгахара-сан, снимая мокрую от пота футболку.

Как девушка могу сказать, что когда она, хм, раздевается, она делает из этого великолепное шоу.

Заслуживает восхищения.

- Я тоже отдохну.

- А?

- Я устала. Вполне естественно.

Приглядевшись, я обнаружила, что взгляд Сендзёгахары-сан затуманился.

- Я готова хоть сейчас утонуть в объятиях своей кровати.

- ...

Отлично выразилась.

- Может, я и бывший член команды по лёгкой атлетике, но это было давно. Ноги трясутся.

И ты, Ханекава-сан, хоть и сделала неплохую постель, точно не могла выспаться в таком месте.

- Ну, наверное...

- И волосы у тебя выглядят кошмарно.

- Не напоминай мне о причёске.

Разволновавшись, я повернулась к Сендзёгахаре-сан.

- Но ведь сегодня второй день второго триместра, отдыхать сейчас ...

- Для тебя в порядке вещей идти в школу на следующий день после того, как твой дом сгорел дотла? Людей вроде тебя обычно называют «бесчувственными», – строго сказала она, сняв джинсы и представ передо мной в нижнем белье.

Её поза красноречиво заявляла, что она не примет отказа.

Хоть девушка была почти раздета, едва ли кто-то мог выглядеть более храбрым.

И никто не мог казаться чувственнее.

- Кроме того, ты же не собираешься учиться дальше. Так что тебе должно быть наплевать на оценки и журнал посещаемости.

- Ну, это так, но...

Но это правила.

Я хочу им подчиняться.

Потому что это правила.

- Боже, да просто отдохни. Если так хочешь в школу, сначала придётся победить меня. С этими словами Сендзёгахара-сан встала в стойку из китайских боевых искусств.

Грациозно-идеальная поза богомола.

- Ш-ш-шинг.

- Пожалуйста, не добавляй собственные звуковые эффекты... ладно, поняла. Сегодня я подчинюсь. И, честно говоря, я правда хочу расслабиться и отдохнуть. Спасибо, что заставляешь меня сделать это.

- Как скажешь.

«Кроме того, заботиться о других не в моём стиле», – слегка смутившись, сказала Сендзёгахара-сан. Но как по мне, такая назойливость как раз в её духе.

- Ох. А как же ты? Тоже будешь прогуливать?

- А что я? Я собираюсь пойти в университет по рекомендациям. Посещаемость – черт с ней, падение оценок может выйти мне... хм, точно.

Она на секунду задумалась и мгновенно выхватила телефон.

Только я подумала о том, кому она звонит, Сендзёгахара-сан зажала нос и изобразила хриплый голос:

- Кха, кха, алло?.. Это... кха... это Сендзёгахара. Я заболела, похоже на грипп... наверное, новейший штамм. Кха, да? Моя температура? Около сорока двух градусов. От жара только что испортился кондиционер. Наверняка это из-за тепловой волны в этом году. С меня льется в три ручья. Кажется, вот-вот развалюсь на куски... я могу заразить весь класс, но можно мне прийти в школу? Нет? О, вот как, понимаю. Какая жалость. Я правда хотела посетить ваш урок. До свидания, – с этими словами она положила трубку.

И, будто бы ничего не случилось, заявила:

- С этим покончено.

Не покончено. Вообще.

- Грипп?.. А врать зачем? Чем тебя обычная простуда не устроила?

- Чем крупнее ложь, тем сложнее её выявить. Всё хорошо. У меня есть знакомый врач, он напишет поддельную справку.

- Да он ни за что не поможет тебе.

Покажите мне врача, который будет рисковать своей карьерой ради старшеклассницы и её прогулов?

Сендзёгахара-сан умела лгать, но не очень хорошо.

- И, может, наденешь хоть что-нибудь? Я буду чувствовать себя неуютно, если ты продолжишь ходить в таком виде.

- Но я собиралась принять душ.

- А, понятно.

- А ты не хочешь?

- Хм. Да, позволь мне воспользоваться твоим душем.

Когда она упомянула о душе, я почувствовала, что покрыта пылью с головы до пят.

И во сне я сильно потею, так что бельё, купленное в магазине, было в прискорбном состоянии.

Да и с размером ошиблась.

- Но, конечно, ты первая.

- Да что ты такая скованная? Пошли вместе, – приглашающе ответила она на моё предложение.

С широкой улыбкой.

Сомневаюсь, что даже Арараги-кун видел улыбку, которая словно солнце сияла на её лице.

- Мы обе девушки, так что стесняться нечего.

- Нет, погоди-ка. Нет, просто погоди. Мне это кажется несколько неподобающим.

- Ох, Ханекава-сан, у меня нет никаких тайных мотивов. Или ты не доверишь своей подруге?

- Если подруга говорит нечто подобное и в такой ситуации, то...

- Эй. Я не такая, как Канбару, – серьезно сказала Сендзёгахара-сан. - Я просто хочу увидеть тебя голой. Ничего больше.

- ...

Похоже, к характеру Сендзёгахары-сан только что добавились новые черты. Я слышала о предпочтениях Канбару-сан, но теперь всерьёз задумалась об отношениях Дуэта Вальгаллы. Мне пришло в голову, что чувства Канбару-сан тогда не были односторонними.

- Пожалуйста, Ханекава-сан, ну давай пойдем в душ вместе!

Эта Сендзёгахара-сан была слишком непривычным персонажем. Да за такими изменениями не успеть.

- Если будем работать вместе, сможем победить Сенгоку-тян!

- Разве по сюжету мы о ней уже знаем?..

А теперь начались мета-комментарии текста.

Нужно быть осторожной.

Нужно быть осторожной с Сендзёгахарой-сан.

- Ну, ладно. Раз девушки, так что ничего страшного не случится.

- Ох. Ты согласилась.

Сендзёгахара-сан снова стала собой.

- Я говорю это как хозяйка дома. Я думала, ты из тех, у кого есть границы, которые они не переходят даже с другом.

- Ха-ха, границы? Какие? Вроде «не пускать никого в свою комнату» или «никогда не играть ни с кем вне школы»?

- Ага.

- Не буду спорить.

У меня тоже есть границы.

Можно сказать, что я не люблю, когда другие лезут в мою жизнь. Однако я сама делаю это с завидным постоянством – именно так строились наши с Арараги-куном отношения. И поэтому вот так всё закончилось.

- Но у меня нет повода держаться в стороне от той, кто, рыдая, совсем недавно дала мне пощёчину.

- Пф-ф.

Сендзёгахара-сан покраснела.

Она надула губы, как маленький ребёнок

Девушка была красива, даже когда на её лице не было эмоций, но чувственная Сендзёгахара-сан была еще красивее.

Настолько, что, возможно, я должна предлагать ей принять со мной душ. Или это всё же перебор?

- Ах.

В тот момент в руке Сендзёгахары-сан зазвонил телефон. Я подумала, что Хосина понял, насколько неестественно звучал ее голос и перезвонил, чтобы уточнить, но, похоже, это было не так.

Это был сигнал нового сообщения.

- От кого?

- Арараги-кун. Хм. Судя по тексту, ты скоро такое же получишь.

- А?

- Может, проверишь? Можешь воспользоваться моей розеткой. Не волнуйся, я не возьму с тебя за это ни иены.

- После этой фразы ты кажешься очень мелочной...

С этими словами я вытащила мобильник и включила его. Не ожидая звонка, я проверила почтовый ящик.

Новые сообщения – 957.

- О, не обращай внимания. Я посылала их, потому что волновалась.

- Ты послала 956 сообщений за ночь?!

Больше половины в папке «Принятых», похоже, просто не влезли в объем памяти.

И в этом виновата я?

Разве не я должна требовать извинений?

Думая об этом, я проверила последнее сообщение – оно правда было от Арараги-куна.

«не возвращаясь неволнуйтесь».

Ни темы, ни подписи – сообщение было столь кратким, что назвать его «прямолинейным» будет преувеличением. Это было экстренное сообщение, выглядящее так, будто он писал его в жуткой спешке, не тратя время на пунктуацию, заглавные буквы или пробелы.

- Возможно, этого стоило ожидать. Похоже, Арараги-кун опять взялся за старое – и это что-то серьезное, – вздыхая, сказала Сендзёгахара-сан.

Она выглядела поражённой.

- Я не знаю, что случилось, но, судя по сообщению, это чуть ли не хуже, чем происшествие весной.

- Тоже так думаешь?

- Да. По крайней мере, у него нашлось время на сообщение, так что, быть может, он вырос...

Тогда он обращал внимание только на то, что было у него под носом.

- Именно так.

Связано ли это... с Маёй-тян?

Так, Маёй искала Арараги-куна только затем, чтобы вернуть свой рюкзак, так что едва ли это с ней связано...

Но почему-то мне так показалось.

- Плохо. Не сходится.

В какой-то момент Сендзёгахара-сан попыталась позвонить ему (не колеблясь ни секунды). Затем, будто бы не совершив этого дерзкого поступка, захлопнула мобильник и поставила его заряжаться.

- Ну, он парень, так что нам не стоит беспокоиться... с ним ничего не случится. Когда он вернётся, я похвастаюсь ему тем, что принимала с тобой душ.

- Не думаю, что его это заинтересует.

- Изгибы тела Ханекавы-сан вот тут такие, а здесь вот такие...

- Прекрати показывать.

Выглядело не столько неприлично, сколько соблазнительно.

- Но это означает, что с тигром нам придётся разбираться самим.

- Тигром?

Тем самым тигром, которого я видела у школы.

Гигантским тигром.

Говорящим тигром.

Кстати, поэтому Сендзёгахара-сан и сказала, что так беспокоилась обо мне.

- Но тигр...

- Хм? Просто я думала, может ли тигр быть причиной пожара... нет? Причина известна?

- Нет, мы всё ещё не знаем...

Это... это мог быть поджог.

Так сказали пожарные...

Тигр... это из-за него...

- ...мы не знаем.
- Понятно. Похоже, я обогнала вас. Как и подобает члену команды по лёгкой атлетике.
- Пожалуйста, не порть свой прекрасный вид такими шутками.
- А теперь нам пора. Примем душ и ради него тоже.
- Я не думаю, что нам нужно делать это ради него.
- Я буду смотреть на твоё обнажённое тело ради него.
- Лучше сделай это ради себя.
- Хорошо.

Сендзёгахара-сан мгновенно согласилась.

Отлично, я бы не знала, что делать, если бы она начала спорить.

- Ах, да, я тут вспомнила, что Арараги-куна больше не возбуждают девушки в нижнем белье или полностью обнажённые.

- Правда?

- Да. За эти несколько месяцев он перерос себя. Сейчас он говорит мне, что юбка – это эротично.

- Если так думать, то девушка просто не может защитить своё тело.

- "Ты только посмотри, как подол развевается на ветру", говорит.

- Так ему даже под юбку уже не нужно заглядывать.

Высокий уровень.

Или, скорее...

Ага...

- Ну, а теперь займёмся нашими грудями.

- Ты хотела сказать «потрём друг другу спину»?

- Ханекава-сан.

Посчитав, что не стоит продолжать беседу, я быстро начала стягивать форму, но Сендзёгахара-сан неожиданно задала мне вопрос.

Её лицо не было ни серьёзным, ни улыбающимся.

- Тебе всё ещё нравится Арараги-кун?

- Да, – мгновенно ответила я.

А теперь самое время поговорить об Арараги-куне.

Истории Арараги Коёми.

Истории Арараги Коёми, парня Сендзёгахары-сан и моего друга.

Я слышала об Арараги-куне ещё до весенних каникул – я не знаю всего, но кое-что мне было известно.

Скорее всего, он сам этого не понимал, но он был весьма известен в Старшей Школе Наоецу.

Он не просто выделялся.

Честно говоря, он выглядел так, будто его место в полицейском участке.

Он всегда был склонен считать меня звездой, но с моей точки зрения, сам Арараги-кун выглядел также.

Возможно, лучше сказать, что его боялись.

Да, боялись.

Я не любила, когда меня считали отличницей, а он не любил, когда к нему относились как к хулигану. Но если ученик прогуливал, когда ему хотелось, посещал занятия и решал тесты как придётся, а иной раз вообще игнорировал их, то едва ли я одна назвала бы его хулиганом.

После того, как мы подружились, я спросила его, или, скорее, ненавязчиво присмотрелась к деталям, и оказалось, что, когда Арараги-кун прогуливал школу или игнорировал тесты и занятия, он занимался примерно тем же, чем и во время Золотой недели.

Он стал вампиром во время весенних каникул и вёл себя так, словно это было обыденным делом. Его жизнь совершенно не изменилась даже после столкновения с Кайи. Всё это время он продолжал быть Арараги Коёми.

Даже к действиям Огненных Сестёр, Карен-тян и Цукихи-тян, на которых он неустанно жаловался с ужасающим выражением лица, он относился как к полной ерунде, перепевке его собственной учёбы в средней школе.

Нет, по тому, что эти двое рассказали мне, в средней школе Арараги-кун был намного опаснее. Его внеклассные занятия нарушали закон. Более того, не будет преувеличением сказать, что он специально боролся против законов. С трудом верится, что он дожил до старшей школы. И потому я не просто удивляюсь – я восхищаюсь им.

Но пусть он и занимался одним и теми же вещами в средней и старшей школах, его мотивация претерпела значительные изменения.

Что случилось? С весенних каникул он категорически отказывался об этом говорить, и сейчас никто из его друзей, включая меня, не знал причин. Но, похоже, в голове Арараги-куна что-то щёлкнуло, когда он учился в первом классе старшей школы.

Можно сказать, что именно поэтому он «стал ошибкой», как он сам говорит.

...Он намеренно преувеличивает, так что, наверное, он просто говорит о том, что перестал учиться. Нет закона, гласящего, что личность человека может меняться только после значимых инцидентов.

Но с изменениями или без, Арараги-кун всё равно оставался Арараги-куном.

Даже безразличный Арараги-кун, которого я впервые встретила, бывший результатом тех самых изменений, всё равно был собой.

Независимо от того, как он менялся, он оставался Арараги Коёми.

Так что это просто воспоминания о том времени, когда Арараги-кун учился в средней школе, когда он был ярче, активнее и вспыльчивей – времени, о котором он сам уже забыл. То, что он поступил в старшую школу и успокоился – вполне нормально.

Всё, что он делал.

Было просто.

Нормальным.

Или возможно.

Весенние каникулы и Золотая Неделя.

Дела Сендзёгахары-сан, Хатикудзи-тян, Канбару-сан, Сенгоку-тян, Карен-тян - всё это было ерундой по сравнению с тем, с чем он столкнулся в средней школе.

И даже сейчас, в этот самый день, он что-то делал.

В какой-то момент я влюбилась в него – но эту историю я расскажу в другой раз.

Мы что, снова пропустили главу?

Что происходит?

Не могли же мы пропустить номер 13 из-за суеверий. Как-то раз Арараги-кун говорил, что понимает неизбежность пропуска цифры 13. Но при этом он задавался вопросом, какой властью обладал тот, кто впервые придумал пропускать 4 из-за ассоциаций со смертью.

Однако это не значит, что 13 нужно пропускать просто так.

Ну, поскольку мне это не мешает, просто забудем. Проснулась я далеко за полдень.

Никто меня не разбудил.

Как и говорила Сендзёгахара-сан, здесь я спала намного спокойнее. Глубокий, тихий сон, казалось, унёс пласты усталости, покрывавшие мою душу.

И я была немного удивлена, когда проснулась и увидела спящее лицо хозяйки дома.

Нет, не немного. Я, честно говоря, сильно изумилась.

Это можно было назвать представлением.

Её черты были ужасающе идеальны. Похоже, красивая девушка с закрытыми глазами может выглядеть совершенно не так, как с открытыми.

Сендзёгахара-сан выглядела так, словно она была сделана из фарфора, но в то же время, в отличие от произведений искусства, она была очаровательна. Моё сердце забилося чаще.

Тук-тук-тук-тук.

Усталость исчезла, но после такого резкого увеличения давления спать я больше не могла.

Так Арараги-кун был единственным, кто наслаждался её спящим лицом, ха.

Я покраснела как рак, стоило лишь малейшему кусочку мыслей «для взрослых» попасть в мой разум.

Я веду себя как дура.

Я и есть дура.

...Или нет.

Пока у Арараги-куна не было монополии на её лицо – Сендзёгахара-сан жила со своим отцом.

Тем, кто видел спящее лицо своей дочери больше, чем кто-либо другой.

Тем, кто присматривал за ней больше, чем кто-либо другой.

- Ладно...

Ох.

Внезапно Сендзёгахара-сан открыла глаза.

«Вернулась к жизни» опишет этот момент лучше, чем «проснулась».

Или, скорее, «включилась».

Активировалась.

Похоже, Сендзёгахара-сан тоже была не из тех, кто может пребывать в «полусне». Хотя по её внешности можно предположить, что она страдает от пониженного кровяного давления.

Но, судя по всему, связи между низким давлением и пробуждением не было.

На эту тему вспоминается только низкое содержание сахара в крови.

- Доброе утро, Ханекава-сан.

- Доброе утро, Сендзёгахара-сан.

- Сейчас не очень-то подходящее время для этих слов.
- Верно. Неподходящее.
- Сколько времени?
- Эм-м... - повернув голову, я взглянула на часы, стоящие на шкафу. - Полвторого.
- Дня? Или ночи?
- Дня, конечно.

Сколько ты собиралась проспать?

Вспоминаем. После этого...

После этого я в самом деле приняла душ вместе с Сендзёгахарой-сан – впервые в жизни. Поэтому я сообщу лишь, что смущалась и чувствовала себя очень неловко. Всю инициативу Сендзёгахара-сан держала в своих руках. Её умелые руки говорили о том, что ей это не впервой.

Ей не впервой играть с девушками!

Вот о чём я думала.

После всего этого я не могла сидеть спокойно, поэтому сама начала её мыть.

Сидя в маленькой ванной, мы были полностью открыты друг перед другом. В буквальном смысле. Я не знаю, как лучше сказать, но, похоже, я перешла черту.

Да, если я стояла перед чертой, то точно её перешла.

Можно сказать, это был мой Рубикон.

По крайней мере, у меня больше не было причин сдерживаться рядом с Сендзёгахарой-сан. Она меня притащила силой, и я всё ещё чувствовала определённое нежелание оставаться в чужом доме.

Но после того, как она целый день обо мне заботились, я оставила сомнения.

Так мне показалось.

Я искренне так думала.

Кстати говоря, я очень давно такого не делала.

Что значит – быть искренней?

Что значит – думать?

Если я буду слишком много рассуждать об этом, получится полная ерунда.

Хотя, похоже, Сендзёгахара-сан сама огородила свое сердце высокими стенами.

В те времена, когда её по ошибке называли «аристократкой», она никогда бы не позволила мне остаться у неё или принять душ вместе. Да и бегать за мной по городу не стала бы.

Я думала о многих трудностях, которые она преодолела за эти месяцы, об их значимости

Насколько же я жалкая – вляпываюсь во все, но выбраться без чужой помощи не могу.

Да.

Я никогда ничего не делала сама.

Даже после хаоса Золотой Недели или в день перед Культурным Фестивалем.

Я не выросла.

Я не изменилась.

Поэтому я так сильно завидую Сендзёгахаре-сан – и в то же время она мне нравится, и я не смогу ненавидеть её.

Я искренне так думала.

Проплескавшись в душе с полчаса (нас никто не останавливал), мы вышли свежие и отдохнувшие.

Мы вытерли друг друга и надели бельё.

- Конечно, я догадываюсь, что ты едва ли согласишься примерить моё бельё. Но возьми хотя бы пижаму, – сказала Сендзёгахара-сан. - А я выкину эти ужасающие обноски из секунд-хенда. От них умереть можно.

- А? Они настолько плохие?

- Просто ужас.

Сендзёгахара-сан потрясла головой, стряхивая капли воды с волос.

Очень честный ответ.

- Такая одежда делалась не для того, чтобы её носили. Она для манекенов. Или чтобы проверить надёжность вешалки.

- ...

Неужели она так плохо смотрелась?

В развалинах не было зеркала, поэтому я не могла посмотреть, как выгляжу в этой одежде... но, видимо, слезы Сендзёгахара-сан были вызваны моим внешним видом.

Хм.

Плохо.

- Так я возьму твою пижаму?

- Конечно. У меня неплохой гардероб.

- Большое спасибо.

Я вытащила новый комплект купленного в том магазине белья.

Потом надела позаимствованную у Сендзёгахара-сан пижаму.

Чужая одежда подарила странное ощущение. Ощущение открытости, которую обычно не почувствовать.

Как будто мне было дозволено нечто большее.

Хотя Сендзёгахара-сан была выше, и размер её одежды был больше моего, я чувствовала себя несколько свободнее.

- Ну конечно, в районе груди пижама тебе мала. Восхитительно.

- Да нет, вовсе нет...

Это просто пижама. Это нормально.

Хотя не в этом дело.

Дождавшись, когда Сендзёгахара-сан наденет пижаму, мы высушили друг другу волосы.

Это не отняло много времени – хотя раньше у нас были длинные волосы, мы обе недавно постриглись.

Мне казалось, что чего-то не хватало.

- Ханекава-сан, с тех пор, как ты постриглась после культурного фестиваля, ты снова отращаешь волосы?

- А, да, я так ни разу и не была в парикмахерской.

- Снова хочешь отрастить?

- М-м-м... не знаю. Только сейчас я поняла, как много времени уходит на заботу о длинных волосах. Согласна?

- Хм. Думаю, ты права.

- Вот как?

- Например, когда ты просыпаешься.

- Да...

Она мне ещё долго припоминать будет.

- Так вот, я думала, стоит ли отрастить волосы после окончания школы.

- После окончания, хм.

Сендзёгахара-сан многозначительно повторила мои слова.

- Честно говоря, мне всё равно это кажется сомнительной затеей. Конечно, я не считаю, что тебе нужно высшее образование, но в университетах же не только учатся. Как по мне, путешествия и учёба в университете – примерно одно и то же.

- ...

Эта тема всплывала в разговорах уже много раз. Мне стало казаться, что мне нравится Сендзёгахара-сан именно потому, что она могла прямо говорить о таком.

Да, я не буду поступать в университет.

Поэтому меня не должны были волновать журнал посещаемости и оценки.

Я собиралась пропутешествовать пару лет, и почти всё уже спланировала. Слишком подробный план превратил бы путешествие в поездку на курорт, поэтому я оставила лишь несколько основных пунктов.

На данный момент о моих планах знают только Арараги-кун и Сендзёгахара-сан.

Арараги-кун не пытался отговорить меня.

Сендзёгахара-сан тихо, но категорично противилась моему решению.

- И после того, как я нашла тебя спокойно спящей в руинах, я ещё сильнее против. Намного сильнее. Ты понимаешь, что не везде так же безопасно, как в этой стране? Если что-то случится, будет уже поздно. Все мужчины мира жизнь продадут за твою кожу.

- Мою кожу?

- Одна мысль о том, что ты обгоришь под тропическим солнцем, приводит меня в ужас.

На лице Сендзёгахара-сан читалось неподдельное отчаяние.

Что она нашла в моей коже?

- Может, стоит надеть на тебя ошейник и запереть в клетке...

- Сендзёгахара-сан, Сендзёгахара-сан. Ты собираешься делать со мной ужасные вещи в этой безопасной стране.

- А ты не слишком упрямисься?

Сендзёгахара-сан проигнорировала мою шутку.

Кстати, Арараги-кун говорил, что она не замечает многих его подколов.

Наверное, она просто строит из себя дурочку.

- Правда, я не знаю, кому назло ты это делаешь: Ошино-сану, Арараги-куну, мне... или кому-то ещё. Своим родителям, например.

- ...

Я лишилась дара речи.

Она заставила меня задуматься.

Видимо, так оно и есть – нет, точно нет.

- Я не упрямлюсь. Я бы не стала выбирать своё будущее исключительно из-за упрямства.

- Точно? Ну, как скажешь.

- Я хочу заменить то, чего мне не хватает. Как любят говорить люди в наши дни: «Я отправляюсь в путешествие, чтобы познать себя».

- Познать себя...

- Конечно, я уже встречалась с «собой» во время Золотой Недели. Возможно, лучше сказать «путешествие, чтобы создать себя» и найти новую меня.

- Хм. Я сомневаюсь, что у меня получится заставить тебя сменить решение, в котором ты так уверена. Я решительна, а ты упряма. Однако, - тихо сказала Сендзёгахара-сан, - если ты всё же сменишь решение, можешь остановиться, когда захочешь. Можешь развернуться даже посреди путешествия. Мы не будем считать это позором. Да, «мы».

Даже Арараги-кун хочет тебя остановить.

- Хочет?

- Совершенно точно.

Она меня заговорила.

Но я задумалась.

Я не знала наверняка, что Арараги-кун чувствует ко мне. В любом случае, мы закончили сушить волосы во время этого не-очень-девичьего-разговора.

Сендзёгахара-сан достала из шкафа один комплект постельного белья.

- Есть ещё набор, который принадлежит папе, но я не уверена насчёт него. Думаю, старшеклассница не захочет спать в постели, на которой спит сорокалетний мужчина. Да, выбора у тебя нет. Будешь спать со мной, Ханекава-сан.

- ...

Неожиданное решение.

- Всё будет хорошо! Не волнуйся! Я ничего не буду с тобой делать! Мы просто поспим вместе! Я тебя и пальцем не трону!

Это целый талант - вызвать доверие и сразу лишиться его.

- Я не буду обнимать тебя как дакимакуру!

- Кажется, я понимаю, почему ты встречаешься с Арараги-куном.

Я начала подозревать, что это из-за Сендзёгахара-сан Арараги-кун стал таким.

А если подумать, весной Арараги-кун был почти таким же.

Да, это не моя вина.

- Ладно, поняла. Я бы не беспокоилась, даже если бы ты ничего не сказала.

- Правда? Спасибо.

Сендзёгахара-сан за что-то меня поблагодарила.

Эта девушка занимала неестественно высокое положение по шкале подозрительности.

- Возьми мою подушку. А я возьму папину.

- А? Ах да, а почему ты сама не можешь спать на постели отца?

В таком возрасте девушка должна чувствовать некоторое отторжение к своему отцу, даже если они семья. Нет, скорее, потому что они семья, - так что она не захочет пользоваться его постелью. Так я подумала, но, похоже, дело было не в этом, раз она взяла его подушку.

- Что? Если я воспользуюсь постелью отца, как же я буду спать с тобой?

- Понятно.

Необычно логично.

Сложно подкопаться.

- И, поскольку я влюблена в Папу, я буду слишком возбуждена и не смогу уснуть.

- Ты очень много мне рассказываешь.

Что это за семья такая?

Ну, я понятия не имела о том, какой должна быть «семья», и не могла шутить на эту тему.

- В любом случае, в каждом доме есть свои семейные отношения – например, Арараги-кун и его сёстры. Разве их отношения нормальны?

- Абсолютно ненормальны! – не подумав, энергично ответила я.

Если в двух словах, то отношения между родственниками очень опасны.

Они постоянно конфликтуют с логикой, и, что хуже, в последнее время приближаются к полной победе.

Ситуация была крайне угрожающей.

- С Карен-сан и Цукихи-сан я познакомилась не так давно. Когда они смотрели на брата, в их глазах было столько уважения... по сравнению с которым мои чувства к отцу вполне можно назвать «обычными».

- Хм.

Я не могла отделаться от ощущения, что она привела самый плохой пример, чтобы выставить себя в хорошем свете, но не будем вдаваться в подробности.

Прожив с теми двоими пятнадцать лет в одном доме, мы так и не смогли стать семьей – о таком не стоит рассуждать.

Даже этого дома сейчас нет.

Без дома мы и не можем быть семьей.

- Ладно, ложимся? Ханеге...нет, Ханекава-сан.

- Знаешь, ты не могла случайно перепутать «Ханеге» и «Ханекава».

Эти слова похожи только первым иероглифом, но читаются они по-разному. Она не могла сделать это случайно, но теперь, когда Сендзёгахара-сан стала проявлять эмоции, я не понимала, когда она говорила серьезно.

Время – 8 утра.

Мы бы могли успеть в школу, если бы прямо сейчас выскочили из дома, но я смиренно сообщила Хосине, что сегодня не приду.

Я устроилась в постели с Сендзёгахарой-сан.

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Даже этого я не делала довольно долго, и казалось, будто я впервые сказала эту фразу. Я говорила Румбе «доброе утро», но не могла ему сказать «спокойной ночи».

Конец воспоминанию.

- Полвторого дня... неплохо поспали. Ты только что проснулась, Ханекава-сан?

- Ага. Почти.

- Ха. Кто бы мог подумать, что я проснусь в одной постели с тобой?

- Пожалуйста, не говори так, будто мы любовники.

- Обычно я очень чутко сплю, но сегодня я спала довольно крепко. Интересно, почему? Может, из-за подушки.

- В смысле, из-за подушки твоего отца? Или твоей новой дакимакуры?

Ни один из вариантов не сулил ничего хорошего.

Но что это я. Я сама спала так хорошо, что даже не видела снов. Это подушка

Сендзёгахара-сан такая удобная? Или её постель? Или моя новая дакимакура?

Нет-нет.

Не дакимакура. Не моя.

- Так. Хочешь есть, Ханекава-сан? Я собиралась приготовить завтрак... или, скорее, обед.

- О, хорошая идея. Я помогу.

- Пожелания?

- Никаких.

- Хорошо.

Сендзёгахара-сан выползла из постели и пошла в ванную. Наверное, она не любит браться за нож, пока полностью не проснется.

Она вернулась и пошла на кухню.

Я говорю «кухня», но с учётом размеров дома это почти та же комната.

- Хм-хм-хм, – мурлыкала под нос Сендзёгахара-сан, надевая фартук.

Почему-то у неё было хорошее настроение.

Может быть, она любила готовить.

Я вспомнила, как Арараги-кун жаловался на Сендзёгахару-сан насчет того, что она не готовит ему еду. Однако в последнее время я таких жалоб не слышала. Значит ли это, что он смог попробовать результаты готовки своей девушки?

- Ханекава-сан?

- Что?

- Если я медленно начну раздеваться, пока на мне не останется один лишь фартук, ты сочтёшь это «моз»?

- Я истерику закачу.

- Вот как, - кивнула Сендзёгахара-сан и начала доставать еду из холодильника.

Похоже, в этот раз обойдёмся без лишних сложностей

Так как истерики закатывать я не умела, такой ход событий мне на руку.

- Кстати, Ханекава-сан, ты знаешь, что «мояси» можно писать теми же символами, что и «моз»? С тех пор, как я об этом узнала, ростки⁵ мне стали нравиться намного больше.

- Эм, нет. Не думаю, что от этого изменится вкус.

⁵ <http://en.wikipedia.org/wiki/Moyashi>

- Так что?

Сендзёгахара-сан повернулась ко мне с поразительно выразительным взглядом. Направив на меня кончик ножа.

- Разве назвать кого-нибудь «ростком» - это не похвала?

- «Ростком»...

Честно говоря, мне было неинтересно. Но когда кухонный нож смотрит тебе в лицо, не стоит необдуманно возражать.

Но нож ей идёт.

- Какой рис тебе нравится, Ханекава-сан? Косихикари? Сасанисики?

- Хм, мы уже решили, что едим рис...

- Мы называем его «утренний рис», «дневной рис» и «вечерний рис». А хлеб мы бы называли «утренным хлебом», «дневным хлебом» и «вечерним хлебом».

- Звучит довольно удобно.

Но можно было бы просто говорить «завтрак», «обед», и «ужин».

В теории Сендзёгахары-сан хватало дыр.

- Хм, да. То, что «вечерний хлеб» будет читаться как «дощечка» - ещё одна дыра в твоей теории.

- Нет, есть дыры и побольше.

- В этом доме всегда есть Косихикари и Сасанисики?

- Нет конечно. Только таинственный рис.

- Таинственный?

- Ну, в слове «тайна» есть слово «рис».

- И что?

- Так может, это не «фирменный» рис, а «смешанный» рис.

- Этой шутке сто лет в обед.

Когда-то различные проблемы с производителями и смесями риса были основной темой для слухов.

Конечно, упомянутые проблемы не исчезли, просто их теперь не обсуждают.

- Всё нормально. Папа весьма разборчив, когда дело касается рисоварок. Она весьма дорогая, как видишь. Разве этот приборчик не выбивается из общего вида кухни?

- М-м-м...

Верно.

Зачем она про это упомянула? Оказалось, что рисоварка стоила больше, чем месячная арендная плата за эту квартиру.

Рисоварке в доме Ханекава уже пора было на пенсию, так что я втайне ждала повода воспользоваться этой.

- Ты умеешь готовить, Ханекава-сан?

- Да.

Слишком прямой ответ включал в себя разъяснение ситуации в доме Ханекава и был бы неприятен окружающим, так что нужно было решить, сколько можно рассказывать. Но поскольку я была здесь с её разрешения, то подумала, что стоит немного прояснить ситуацию.

Вдобавок, Сендзёгахара-сан уже встречала тех, кого я должна называть родителями. Так что не было смысла устраивать спектакль. Я говорила ей о том, что сплю в коридоре...

Нет.

Вопрос не в том, что мне стоит говорить или какой в этом смысл.

Я просто хотела поговорить об этом с Сендзёгахарой-сан.

Я не собиралась обманывать ее, ведь она так беспокоилась обо мне.

- Я готовлю себе сама.

- Понятно.

«Мне тоже одно время приходилось всё себе готовить», - сказала Сендзёгахара-сан.

- Я не ладила с матерью.

- Они развелись?

- Да. Я с тех пор с ней не виделась. Интересно, чем она сейчас занимается. Надеюсь, она счастлива.

Несмотря на тему, в её голосе не было эмоций. Нож, режущий овощи, продолжал двигаться как ни в чём не бывало.

Не могу сказать, нормально это или нет.

- Ну, у каждого дома своя история.

- Верно.

Видимо, она всё заранее рассчитала. Как только рисоварка просигналила о готовности риса, Сендзёгахара-сан выключила плиту и начала накрывать на стол. Я спросила, могу ли чем-то помочь, но она отказалась, попросив дать ей время закончить. Видимо, она не хотела, чтобы я сбивала её с ритма.

После этого мы разложили столовые приборы на кофейном столике.

- Спасибо за еду.

- Спасибо за еду.

Рис, суп и жареные овощи с цыплёнком.

Любопытно. Меня порадовало то, что она не пыталась приготовить ничего примечательного, а сделала обычную еду. Объяснить это чувство будет сложно, так что я ей ничего не сказала.

Я начала есть.

- Очень вкусно.

- Правда?

Сендзёгахара-сан выглядела пораженной.

- По Арараги-куну никогда не скажешь, что ему нравится. Честно говоря, я ожидала осуждения.

- Осуждения?

Так Арараги-куну не нравится?

Хм.

Он мало времени проводит с девушками.

Даже если ему не нравится, он должен хотя бы изобразить, что это не так.

Хотя я подозреваю, что это тоже в его духе.

- Мне кажется, это очень вкусно. Хотя, возможно, о вкусах не спорят.

- Так значит, в еде и мужчинах у нас с тобой схожие предпочтения.

Я подавилась супом.

Кошмарные манеры.

- Сендзёгахара-сан... ты правда рассказываешь мне слишком много.

- О, нет, я подумала, что нам стоит и об этом поговорить. Чтобы мы по-настоящему открылись друг другу.

- Один неверный шаг, и пропасть между нами станет ещё шире.

Она же противник.

Но я была рада, что она сближалась со мной – мне сложно самой сделать шаг навстречу ей.

- В таком случае, Сендзёгахара-сан, почему бы не поговорить о том, что нам нравится в Арараги-куне?

- Нет. Если эта беседа станет доступна чужим ушам, он совсем обнаглеет. Не стоит.

- Понятно.

Когда дело касалось её парня, она была сурова.

Она не собиралась хвалить его.

- Так о чём поговорим?

- Давай поговорим о том, что нам не нравится в Арараги-куне.

- Это мне больше нравится.

Мы болтали три часа подряд.
Ругать кого-то – это так возбуждает...

016

- Уже пора готовить ужин. Нам нужно поговорить о том, что будем делать дальше. Сендзёгахара-сан с видимым неудовольствием сменила тему, как будто объявив об окончании вечеринки.

Почему-то мне казалось, что мы обе как будто омолодились.

Мы явно светились от счастья.

Почему мы чувствуем такое единство?

- О чём ты?

- О том, что ты будешь делать дальше, Ханекава-сан. Даже если ты останешься на ночь, что ты будешь делать завтра? У тебя есть планы?

- Я...

Если я скажу «вернусь в руины школы» даже в шутку, она снова поколотит меня. И я не удивлюсь, если ещё и ногами добавит.

- Нет, планов нет.

- Понятно.

Сендзёгахара-сан важно кивнула.

Её лицо было очень серьёзным, сложно было представить, что эта девушка ещё недавно от души ругала своего парня.

Я говорила, что теперь ей доступно богатство эмоций, но у этой медали было две стороны.

- Честно говоря, я хотела бы, чтобы ты осталась тут... будешь под моим контролем.

- Контролем?

- Наблюдением.

- Лучше не стало...

Как по мне, разницы между этими словами было немного.

Но она, по сути, хотела сказать, что беспокоится обо мне, так что, наверное, не кривила душой.

- Но, как видишь, у нас тут весьма тесно – папа вернётся завтра, а я не могу допустить, чтобы ты переодевалась и спала с ним в одной комнате.

- Ну, конечно.

Это вызвало бы много вопросов.

И одноклассница его дочери, спящая в одной комнате с её отцом, была бы для него жутким неудобством.

- А что, если папа в тебя влюбится? Это будет ужасно.

- Тебя только это волнует?

- Может, наступит день, когда мне придётся называть тебя «мама»

- Нет. Не наступит.

- И почему это? Чем тебя папа не устраивает?

Сендзёгахара-сан уставилась на меня с довольно серьёзным выражением.

Насколько же у неё сложный характер.

Похоже, она правда любит своего отца.

Хм.

Из-за этого – но не только – я не могла остаться здесь.

Но что мне тогда делать?

- Ну, пару дней мы переживём. Буду выгонять папу, пока мы переодеваемся.

- Я не могу причинять такое неудобство...

Что я за гость такой, если выгоняю из комнаты хозяина.

- Кстати, как думаешь, что теперь будет с твоей семьёй?

- Сомневаюсь, что они...

Решив, что больше не нужно заставлять себя называть их «отцом» и «матерью» в разговоре с Сендзёгахарой-сан, я предпочла сказать «они».

- Сомневаюсь, что они вечно смогут жить в отеле, так что, наверное, арендуют дом неподалёку. Это будет самый экономичный вариант. У нас есть пожарная страховка, так что пока на эти деньги строится новый дом, они просто арендуют какую-нибудь квартиру.

- И сколько потребуется строителям?

- Если это будет такой же дом, то около 30 миллионов иен.

- Нет, я не о деньгах. Я о времени.

- Ох.

Какая постыдная ошибка.

А я первым делом подумала о деньгах.

- М-м-м, зависит от того, как они будут его строить. Учитывая все формальности, наверное, получится около шести месяцев.

- Шесть месяцев... Ты к тому времени уже выпустишься и уедешь путешествовать.

- Верно.

Его не успеют достроить.

Дом, в котором я прожила пятнадцать лет, сгорел дотла. А когда его перестроят, это уже будет другой дом.

Я потеряла всё.

Неважно, успеют его достроить или нет – мне просто не повезло.

- Ну, отложим пока этот вопрос. Если они арендуют дом, ты точно сможешь спать у них?

- Ага. Ну, это будет ещё один коридор.

- Коридор? Ах да, точно.

Судя по её реакции, Сендзёгахара-сан забыла, что я ей рассказывала.

Но этим её реакция и ограничилась.

- Ну, всегда есть что-то ... я имею в виду, в доме.

- Да. Всегда есть что-то.

- В этом случае...

Сендзёгахара-сан неожиданно потянулась за своим мобильником и показала мне календарь.

- Вопрос в том, где ты будешь жить, пока они не арендуют жильё. Твои книги и учебники тоже сгорели?

- Ага.

Я кивнула.

- Спаслись только дневник и кошелёк, которые я брала с собой. Я, наверное, смогу позаимствовать учебники у учителей.

- Понятно. То есть с этим проблем не будет.

Ещё не договорив, Сендзёгахара-сан схватила за мобильник. Я не знала, что она делает, но судя по тому, как быстро она стучала по клавишам, едва ли она продолжала смотреть на календарь.

Она печатала сообщение?

- У меня есть идея, Ханекава-сан. Хочешь послушать?

- Хорошая идея?

- Можешь назвать её Комбинаций. Я Великий Комбинатор Хитаги. Кроссовер между вселенными, о котором можно только мечтать.

- ...

Она называет это кроссовером, но просто тащит детали из-за четвёртой стены.

- У твоих родителей на поиск жилья уйдёт примерно неделя. Думаю, мы справимся.

- Хм.

Честно говоря, у меня было плохое предчувствие насчёт этой идеи или комбинации. В худшем случае, я просто поеду в отель, где живут эти двое, и всё будет нормально.

В конечном счёте, проблема заключалась в моём эгоизме. Сендзёгахаре-сан не нужно было ломать голову и волноваться из-за него.

Поэтому детали этой идеи для меня ничего не значили.

Я была рада, что Сендзёгахара-сан так много делает для меня.

- Я хочу послушать. Расскажи, пожалуйста, - сказала я.

- Ох, не знаю, стоит ли. Может, расскажу, а может и нет.

- ...

После лечения характер Сендзёгахары-сан стал несколько раздражающим.

После ужина (на будущее: они почему-то ели хлеб. На кухне была не только рисоварка, но и тостер. Видимо, хлеб – это гарнир к рису.) мы вместе приняли душ, и, чтобы восстановиться для следующего дня, уснули ещё до десяти.

А значит, пора просыпаться мне-ня.

Я-ня, как вы все знаете, новая Кайи, основанная на Мартовской Кошке, которую тот противный гаваец обозвал «чёрной Ханекавой»-ня.

Бесшумно, не издавая ни звука, я выскользнула из кровати (в отличие от пылесоса, кошка умеет двигаться бесшумно-ня)...

- Хнг-няаяя! – и потянулась.

Думаю, все уже поняли и объяснять не нужно, но когда госпожа-ня, Ханекава Цубаса, спит, глава оказывается пропущена, потому что на сцену выхожу я-ня.

Я всего лишь Кайи, так что мало понимаю. Но благодаря знаниям госпожи, я понимаю, что во сне отдыхает не только тело, но и разум-ня. Я сама не люблю думать, и штуки вроде «духовности» вообще не понимаю, так что не могу знать наверняка, но выходит, что это «мышление», которым живые занимаются, даётся им довольно тяжело-ня.

Поэтому люди проводят треть каждого дня, треть всей жизни во сне-ня.

Все спят.

Даже госпожа спит.

Но в этот раз так называемый «сон» - не только отдых для её ума-ня. Сложно сказать, насколько сама госпожа осознаёт боль. Даже глупая я знаю, что госпожа очень медлительна, когда дело доходит до её «боли», настолько медлительна, что можно сказать, что она не чувствует боли. Но зрелище сгорающего дотла дома, в котором она жила пятнадцать лет, нанесло её разуму и душе ужасающий удар-ня.

Поэтому я снова здесь-ня.

Третье явление Чёрной Ханекавы.

По-моему, с учётом Золотой недели и дней перед Культурным Фестивалем, это моё третье явление-ня.

В любом случае-ня, можно сказать, что я во время Золотой Недели, я перед культурным фестивалем и я сейчас – три разных существа. Как говорят люди, три разных человека-ня. Ня? Или три разные кошки?

Как я не различаю людей, так и люди не замечают разницы между Мартовскими Кошками. Им не нужно видеть разницу между нами, когда мы по сути одинаковы-ня.

Если говорить о формах, то мы всегда существуем в единственном числе. Можно сказать, что у нас нет множественного числа-ня?

Если человек увидит трёх светлячков, они для него будут не Светлячком А, Светлячком Б и Светлячком В, а просто «светлячками»

Так что я не Ханекава В, но и не Ханекава З – просто Чёрная Ханекава-ня.

Хорошо бы вам всем это запомнить-ня.

- Ня-ня-ня, – с этими словами я пошла в ванную.

И там я посмотрелась в зеркало.

Волосы стали чисто-белыми.
Из головы выросли кошачьи уши.
Глаза стали большими и круглыми.
Когда я впервые «пробудилась» в руинах той школы, у меня не было зеркала, так что я могла лишь попытаться понять, что происходит. И хотя я полностью доверяю госпоже, даже без зеркала, по свитеру, я уверилась, что у неё что-то не так с чувством стиля. Когда я «проснулась» этим утром, я всё ещё была довольно сонной и не хотела ничего делать. Кошки – ночные животные-ня, мой мозг не работает, когда в небе сияет солнце. Так что сейчас я впервые посмотрелась в зеркало-ня.
- М-м-м-м. С короткими волосами-ня кошачьи уши смотрятся совсем иначе.
Осматривая все эти важные детали, я умылась.
Люди в этой стране верят, что если кошка умывается, то на следующий день польёт дождь, но на самом деле это никак не связано-ня.
Я вышла из ванной и взяла ключ со шкафа. Конечно, ключ от входной двери-ня. Этот человеческий ублюдок, Арааги Коёми, считал, что я очень глупа и не в состоянии пользоваться ключом. Так вот-ня, это полная чушь, я умею пользоваться ключами. Не смотри свысока на человекоподобных Кайи.
Двигаясь бесшумно, чтобы не разбудить Сендзёгахару Хитаги, которая вроде бы друг госпожи, я тихо открыла дверь и также тихо её заперла.
Я говорю «друг»-ня, но по идее она должна быть врагом госпожи. Странно, что я так осторожничаю рядом с ней, но-ня, я просто следую желаниям хозяйки.
По крайней мере, госпожа никогда не ненавидела эту женщину.
Ни разу-ня.
Я не надела туфель.
В них сложно ходить-ня.
Спасибо, но я предпочитаю бегать босиком.
- Ня-ня-ня-ня.
Кстати, наверное, некоторые из вас беспокоятся, что раз я проснулась, пока госпожа спит, то получается, что она совсем не отдыхает.
Спасибо за беспокойство-ня.
Но всё в порядке.
С ней всё будет хорошо-ня.
Я «стабилизатор» разума госпожи, так сказать. Я исцеляю рассудок госпожи, даже если ничего не делаю-ня.
И физических проблем тоже нет, потому что я не устаю. Я Кайи, так что даже когда я пользуюсь человеческим телом, я двигаю плоть, используя совершенно иные принципы. Так что тело госпожи сейчас отдыхает даже лучше, чем когда она просто спит-ня.
Кроме того, подумайте хоть секунду.
Неважно, насколько хорошо госпожа делает кровати, нельзя выспаться на парте под кучей картона так, что у тебя не будет болеть всё тело. Это не кровать, это волосомешалка-ня. И очень мило и трогательно спать в одной кровати с другом, которая будет ради тебя лить слёзы, что во много раз лучше, чем парта. Но не выспаться с новой кроватью и подушкой тоже вполне нормально-ня.
Я не хочу хвастаться, но госпожа высыпается только благодаря мне-ня.
Я – воплощение стресса госпожи, другими словами, символ её усталости. Так что, отпуская меня погулять, госпожа даёт себе немного отдыха и покоя.
И это ещё не всё. То, что госпожа не знает, что такое «полусон» - тоже моя заслуга-ня. Этот ублюдок сравнивал меня с кошмаром, но я не знаю, совпадение это, или он правда такой умный – я, по сути, и есть «сон» для госпожи.
Её сны-ня.
Но, когда этого не хватает, как во время Золотой Недели, я просто гуляю и использую Поглощение Энергии на любом встречном человеке. Но не волнуйтесь-ня.

Я не спустилась по лестнице, а запрыгнула на крышу этого дома, Виллы Уоррен, и осторожно осмотрелась по сторонам.

- Нет... здесь.

Хорошо-ня.

Если вы спросите меня, зачем я вылезла из кровати и ушла из комнаты, что я делала, если я не пыталась поглотить энергию, я отвечу – вышла погулять.

Когда я «вышла» в руинах и этим утром, я сразу должна была сделать это, но даже мне нужно время на подготовку-ня.

- М-м-м. М-м-м. Поехали-ня.

На поиск цели не ушло много времени – как только я её нашла, то беззвучно взлетела.

Да, кошки умеют летать-ня.

Ня, это ложь.

Но Чёрная Ханекава может перепрыгнуть горы. Хотя, поскольку я старалась двигаться бесшумно, не в этот раз.

Если я прыгну всерьёз, то дом у меня под ногами рухнет-ня.

Но этого достаточно для прыжка на пятьсот метров.

Теперь не надо хранить тишину, так что я с грохотом приземлилась, врезавшись прямо в асфальт.

Я оказалась на дороге, по которой ночью не ехал ни один автомобиль.

И прямо передо мной был тигр-ня.

- Мартовская кошка... нет. Ты не Мартовская Кошка. Но ты не можешь быть ничем иным. Так что ты такое?

Тигр – столь большой, что один взгляд на него ломал чувство перспективы – с любопытством смотрел на меня, наклонив голову.

Хочу сфотографировать и выложить в блоге-ня.

- Отчасти верно-ня – лишь малая часть меня отлична, да и суть иная, но-ня, не так уж сильно я отличаюсь.

Я попыталась казаться дружелюбной и улыбнулась как можно шире.

- Правда? А мне ты кажешься совершенно иной... - но Тигр сощурил глаза, выражение его морды не изменилось-ня.

Хм.

Бесполезно рассуждать о Кайи, основываясь на том, что ты видишь. Но пока я вижу, что подружиться у нас не получится-ня.

- Известные мне Мартовские Кошки – ущербные Кайи, как правило, не осознающие своё существование. Но ты...

- Ня... не поспоришь.

Я не удосужилась возражать.

У Мартовской Кошки обычно нет физической формы-ня, так что правильнее назвать её сплетней или слухом, чем настоящим Кайи. Даже не в этом дело. С точки зрения этого товарища, большинство Кайи, наверное, выглядят так, словно их не существует.

Не нужно пояснять: этот тигр – священный зверь-ня.

- Есть много разных вещей в этом мире, знаешь ли. Даже такие, как я-ня.

- Понимаю.

Тигр кивнул.

Не заинтересовался-ня.

Словно я не стою его времени-ня.

- Ладно. Подобные тебе едва ли стоят моего времени.

Он ещё и сказал это.

Раздражает-ня.

- И всё же я должен узнать, какова твоя цель. Как Кайи того же типа, ты должна знать, что значит встать у меня на пути.

- «Того же типа»?

В этот раз голову наклонила я.

Он и я, мы должны иметь разное происхождение как Кайи. Хм, он не об этом говорит-ня.

Просто одно семейство животных.

Кошка и тигр. Видимо, он об этом-ня.

Хорошо, хорошо.

- Ня, – сказала я. - Конечно, я знаю – я и не собираюсь вставать у тебя на пути. Мне это даже в голову не приходило-ня. Я не любительница думать, но место своё я знаю.

- Ты точно не любительница думать. Сомнительно, что ты понимаешь своё положение. Этот тигр хамит.

Но для непохожего на человека Кайи он на удивление болтлив-ня.

И от этого мне ещё спокойнее.

- Тогда зачем ты здесь?

- Я здесь, чтобы кое-что сообщить-ня. Мне всё равно, зачем ты прибыл в этот город или что ты сейчас делаешь. Ты должен делать то, что хочешь, что должен. Чем бы это ни было-ня, это не стоит моего времени. Такие уж мы, Кайи. Но...

Это не сообщение.

Это объявление войны-ня.

- Если ты ещё сильнее попытаешься навредить госпоже, я убью тебя-ня.

- Понятно...

Он принял мои слова.

Тигр медленно и понимающе кивнул.

Пережевывая мои слова.

Пережёвывая их, словно вгрызаясь в мясо.

Он кивнул:

- Я подумал, что уже видел тебя где-то... тебя. Ты и есть она. Так ты овладела той девушкой?

- Я не овладела ей-ня. Я же не обычная Мартовская Кошка. Я такая же, как и она.

Тигр наконец вспомнил, кто я-ня, кто такая госпожа, и я объяснилась. Если бы я не объяснила, он бы не понял-ня. Даже тот специалист, гаваец, не всё знает.

Никто не знает правды о Кайи-ня.

- Мы стали одинаковыми-ня. Лучше сказать, мы стали одним. Я – это госпожа, а госпожа – это я. Она, конечно, главная личность, но иногда власть переходит в мои лапы. Кроме того, я та часть её разума, которая составляет фундаментальную, первородную основу-ня.

- Хм. Мне это безразлично.

Тигр снова сказал это.

Мне плевать, нравлюсь я ему или нет, но я хочу, чтобы он слушал меня-ня.

- Кайи, помогающий человеку. Это... большая редкость. Однако Кайи вроде тебя должна знать лучше всех. Черты Кайи нельзя подавить. Такова проблема той, кто видела.

- ...

- Твоя «госпожа» видела меня – важно лишь это, – сказал Тигр, и уставился на меня.

Я мгновенно прыгнула-ня.

Я почувствовала, что что-то пошло не так, как будто мы готовились к драке.

Этот Тигр ужасающе жесток, ужасающе несдержан...

Поэтому я прыгнула.

Прыгнула и полетела.

Я не просто шагнула назад, а сделала нечто большее. Прыжок изо всех сил – как будто в самом деле взлетела, перепрыгивая через горы.

Но после пяти минут полёта я приземлилась за городом. Прямо передо мной, чёрт знает как успевший сюда добраться... стоял Тигр.

- Бесполезно.

- ...

- Бесполезно. Она... та девушка видела меня. Это единственное, что имеет значение. Я... уже начал.

Если я объявляла войну, то Тигр предъявил ультиматум.

- Не могла бы ты вытереть ноги перед тем, как входить?

Когда я вернулась в квартиру, Сендзёгахара Хитаги ждала меня с мокрым полотенцем-ня. Я стёрла своё присутствие и вскрыла замок без единого звука, но, похоже, она проснулась ещё до этого.

- Я легко просыпаюсь. Весьма чутко сплю. Я же говорила тебе.

- Мне – нет.

- Но ты же Ханекава-сан?

«Возьми», - она протянула мне полотенце, как будто это было самым обычным делом.

Я не стала спорить.

Я вытерла стопы, как она и велела. После этого стало понятно, зачем она попросила это сделать: полотенце стало абсолютно чёрным. Видимо, я сильно испачкалась-ня.

- Что ж, это наша первая встреча... Чёрная Ханекава-сан?

- Ня, видимо.

- Понятно.

В этот раз Сендзёгахара Хитаги протянула мне пустую руку.

- Что ты хочешь-ня?

- Ну, это же наша первая встреча. Я подумала, нам стоит пожать друг другу руки.

Я поверить не могла в то, что слышала, так что предупредила её:

- Я – Мартовская Кошка, и моей особенностью является Поглощение Энергии, которое работает всегда. Мне достаточно прикосновения, чтобы забрать энергию. Так что обойдёмся без рукопожатия-ня.

- Поглощение Энергии. Я уже слышала о нём, - спокойно сказала Сендзёгахара Хитаги.

- Но ты же не поглотить всё, если мы коснёмся друг друга лишь на миг? Так что руки пожать можно.

- ...

Я попыталась что-то сказать, но сдалась.

Не похоже, что я смогу переубедить её.

Так что я просто взяла её руку, лишь на миг-ня.

- У-у, - в этот момент Сендзёгахара Хитаги застонала – и только.

Сейчас от одолевающей её усталости она должна была упасть на колени, но по ней даже нельзя было сказать, что ей больно-ня.

Конечно, моё Поглощение Энергии не может мгновенно лишить её сознания. Но в любом случае, нормальный человек не может его выдержать-ня. Но я пожала ей руку-ня.

Пожалуй, можно сказать, что не так я это себе представляла.

Наверное, госпожа так и думает. Чувство вроде «как и следовало ожидать»-ня.

Как я и ожидала.

Эта женщина такая, как я и ожидала.

- ...

Ня.

Ни я, ни тем более госпожа, не хотели, чтобы она страдала-ня.

Но сердце дёргается, когда я вообще не вижу реакции.

Она продолжила:

- Рада познакомиться. И, пожалуйста, позаботься... - сказала она с улыбкой, – позаботься о Ханекаве-сан.

020

Почему?

Сейчас мы проскочили три главы за раз.

Что случилось, пока я спала?..

Всё же хорошо?

Ничего странного не происходит?

- Доброе утро, Ханекава-сан, – поприветствовала стоящая прямо передо мной Сендзёгахара-сан. Я же пребывала в полном замешательстве.

Ох, подумала я.

Сегодняшняя Сендзёгахара-сан разительно отличалась от вчерашней. Она выглядела так, словно вот-вот заснёт на ходу. Казалось, что она не просто сонная, а полностью истощённая...

Но отчего можно полностью устать сразу после того, как проснулась?

Не поглотила же её энергию Мартовская Кошка.

- А ты ранняя пташка, Ханекава-сан... ещё только шесть утра.

- Ага.

Сегодня я доверила своё пробуждение биологическим часам. Но раз Сендзёгахара-сан жила ближе к школе, я могла ещё немного поваляться.

Впрочем, никто ещё не умирал от того, что просыпался пораньше.

- Но ты тоже уже проснулась, Сендзёгахара-сан.

- Я бегаю по утрам, - медленно поднявшись, сказала Сендзёгахара-сан. - Мне нужно много трудиться, чтобы поддерживать фигуру... всё, что я ем, моё тело превращает в мясо.

- Превращает в мясо?..

Это какой-то эвфемизм для фразы «я легко набираю вес»?

Насколько я знаю, с весом Сендзёгахары-сан связана уникальная история, так что естественно, что теперь она очень чувствительна к его контролю.

Она не была моделью, так что, если честно, я думала, что Сендзёгахара-сан станет очаровательнее, если наберёт немного веса.

Не должны же руки и ноги быть настолько стройными?

На них смотреть страшно – кажется, что они сломаются от одного прикосновения.

- Я тебе так завидую. У тебя всё в грудь уходит...

- Всё в грудь уходит?..

Это у меня-то?

Мне тоже приходится через многое пройти, знаешь ли.

У девушек вечно с этим сложности.

Сендзёгахара-сан умылась, переделалась в шорты и майку и начала делать растяжку.

Ух ты.
Она такая, такая мягкая...
Я глазам своим не поверила.
Движения тела Сендзёгахары-сан были столь плавными и отшлифованными, что казались компьютерной графикой.
Потрясающе. Как моллюск.

- Прости, можно тебя потрогать?
- Что именно? Левую грудь? Правую грудь?
- Нет, твою спину...
- Правую лопатку? Левую лопатку?
- У меня нет таких фетишей...

За словом в карман не лезет.
А я так не умею.
Размышляя об этом, я встала за спиной Сендзёгахары-сан и надавила на неё, когда она развела ноги на 180 градусов.
Её тело легко легло на пол.
Нулевое сопротивление, нулевое трение.
Её и толкать не нужно было.

- Откуда такая гибкость?... С твоими суставами всё в порядке? Вообще, кажется, будто суставы разъединены.
- М-м-м, я просто люблю растяжку... по-мазохистски люблю.
- Вторую часть обязательно было говорить?
- Перед этим скрипящим, хрустящим ощущением невозможно устоять.
- А со стороны и не скажешь, что для тебя это сложно.
- Я дошла до того, что моё тело не издаёт звуков. Это довольно скучно.

Так это скучно, ха...
Всё-таки растяжка даёт тем лучшие результаты, чем больше тренируешься.
Наверное, это было плодом, или, скорее, последствием её тренировок, когда она ещё состояла в команде по лёгкой атлетике.

- Побегашь со мной, Ханекава-сан?
- Нет, спасибо, я лучше приготовлю завтрак. Поедим вместе, когда вернёшься.
- Не любишь бегать?
- Не совсем.

Вообще, я любила упражнения.
И по утрам я периодически бегала, хотя и не ежедневно.
Просто если мы будем бегать, то когда вернёмся, снова окажемся в душе вместе. Мне показалось, что не нужно повсюду вставлять эти фансервисные сценки.
Это будет грязно более чем в одном смысле этого слова.

- И вообще, Сендзёгахара-сан, почему бы тебе сегодня не отдохнуть? Выглядишь усталой.
- Я хочу бегать, потому что я устала.
- А ты и правда спортсменка.

У бывшего члена команды по лёгкой атлетики и с настроем всё было в порядке.
Мне показалось, что не стоит заставлять её остаться, так что, закончив помогать ей с растяжкой (хотя в итоге я так и не сделала ничего, чтобы оправдать использование этого слова), я проводила её и ушла на кухню.

021

- М-м, хм.

Сендзёгахара-сан засунула мой огурец себе в рот, и на её лице появилось неопишное выражение.

Я подумала, что не стоит устраивать слишком большой беспорядок на чужой кухне, так что завтрак получился простым.

Остатки вчерашнего цыпленка и горячее молоко. И ещё немного блюд, вроде салата из свежих овощей и яичницы с беконом. Когда я поставила их на стол, Сендзёгахара-сан заметила, что они «выглядят аппетитно».

Всё было хорошо, когда она залпом опустошила стакан с молоком, но когда она попробовала салат, цвет её лица изменился.

Всё полностью перевернулось.

- Ханекава-сан, можно вопрос?

- Что такое?

- Ох, нет, подожди. Я просто хочу убедиться, что эта невероятная ситуация мне не почудилась.

С этими словами Сендзёгахара-сан снова запихнула салат себе в рот и прожевала его. Затем она молча съела яйца.

Всё это время её непонятное выражение лица не менялось.

Я не совсем тормоз, поэтому я более-менее могу понять, что думает Сендзёгахара-сан по её реакции, но... а?

Я что-то сделала не так?

Думая об этом, я сама попробовала приготовленную еду, но не заметила ничего странного.

По крайней мере, я не сожгла яичницу, и моющее средство не стало одним из ингредиентов, или ещё что-то в таком духе.

Так чем же недовольна Сендзёгахара-сан?

Я озадаченно уставилась на Сендзёгахару-сан, а она в ответ многозначительно хмыкнула.

- Эм, Сендзёгахара-сан...

- Ты знаешь, что такое «соус», Ханекава-сан?

- А?

Я была озадачена.

- Да, конечно. Это та штука, которую иногда добавляешь к салату.

- Понятно, понятно.

Как будто уловив суть, Сендзёгахара-сан кивнула.

- А что думаешь о трёхсторонней борьбе между теми, кто добавляет Вустерский соус, соевый соус и перец к яйцам?

- Я слышала о таких людях. Добавляют всякое к своим яйцам.

- А, да, да.

Сендзёгахара-сан кивала снова и снова.

Как будто её эксперимент привёл к удачному исходу.

- Ты заметила масло и варенье в холодильнике?

- Да... ты их доставала вчера. Ох, прости, ты с ними завтракаешь?

- Хм.

Однако Сендзёгахара-сан не встала за маслом, а разломала хлеб на части и начала жевать. Молча.

- У меня вопрос.

- Спрашивай.

- Насчёт твоих предпочтений в еде, Ханекава-сан.

- Предпочтений в еде? Они абсолютно обычные.

- Что насчёт суши под соевым соусом?

- Не добавляю.

- Что насчёт темпуры под соусом?

- Не добавляю.

- Что насчёт зёрен в йогурте?

- Не кладу.

- Ты пишешь на гамбургере или омлете кетчупом?

- Ничего не пишу.

- Какой соус добавляешь к блинам?

- Никакого.

- А что насчёт соли в рисовых шариках?

- Не солю.

- Какой сироп любишь с мороженым?

- Предпочитаю без всего.

- А в кофе сколько сахара сыпешь?

- Без сахара.

«Понятно», - Сендзёгахара-сан закончила допрос.

Казалось, что я прошла какой-то психологический тест, и теперь поняла, что её расстроило.

- Ох, ясно. Прости, ты любишь салат под соусом, Сендзёгахара-сан? Поэтому ты выглядела так странно.

- Нет, я просто не знала, что есть люди, которые едят салат без соуса, – сказала она. -

Впервые я вижу яичницу без всего и впервые ем простой хлеб... эм, Ханекава-сан? У тебя неприязнь к специям? Довольна естественным, неизменным вкусом?

- Э?

Я не сразу поняла, о чём она говорит. Подумав немного, я ответила:

- Ох, нет. Не в этом дело. Я просто думаю, что от соуса вкус не меняется, и неважно, Вустерский соус, соевый или же просто перец, яйца на вкус остаются теми же. И я люблю и «Киноко но Яма», и «Такеноко но Сато».

- Я не спрашивала, какой шоколад тебе нравится, – фыркнула Сендзёгахара-сан.

Чудесно.

Это стоило всех колкостей.

- Но разве еда на вкус не такая же, даже если вкуса нет?

- Решающий довод.

- А? Я просто говорю, что ничего не изменится, если вкуса нет.

- Вот что значит пословица «сам кошку из мешка выпустил».

«Хотя я подозреваю, в твоём случае кошка пропала задолго до того, как ты это поняла», - сказала Сендзёгахара-сан, положив палочки для еды.

В её духе было доесть не останавливаясь.

- Спасибо, забудь всё, что я говорила о том, что у нас схожие вкусы.

Я была опустошена.

- Ты полная противоположность разборчивого едока, Ханекава-сан. Но это не то же, что не иметь вкусов вообще.

- Прости, Сендзёгахара-сан, я всё ещё не понимаю, что ты хочешь сказать.

- Может, это семейное? - игнорируя мой вопрос, сказала Сендзёгахара-сан, потерявшись в собственных мыслях. - Или нет, видимо, тебе безразличен сам вкус... сойдёт любая еда, если ты получаешь питательные вещества. Нет, даже этого не нужно, если ты просто набиваешь живот...

Пожалуйста, не говори обо мне так, будто я какой-то старый вояка.

- Чем больше вкусов, тем больше проблем. Если ты не наслаждаешься естественным вкусом... то, думаю, это такая твоя черта. Возможно, рассуждать о специях – это роскошь. «Мой здравый смысл весьма податлив», - сказала Сендзёгахара-сан и жестко посмотрела на меня, потому что я всё ещё сама не покончила с завтраком.

- Но знаешь... я думаю о том, как ты живёшь, Ханекава-сан. Это же не только твоих предпочтений в еде касается, просто ты...

Сендзёгахара-сан, похоже, подбирала слова.

Какая редкость.

- ...принимает всё?

В итоге Сендзёгахара-сан повторила уже сказанное.

- Разве иметь то, что тебе не нравится - не столь же важно, как иметь то, что нравится?

Разве ты не принимаешь всё и вся? Также ты относишься и ко мне, и к Арааги-куну?

- Хм?

Беседа только что изменила направление?

Сменилась тема?

Увеличился масштаб?

Нет, ничего подобного.

Беседа не изменилась, тема не сменилась.

Масштаб тот же.

Говорим о моих жизненных привычках.

О жизни Ханекавы Цубасы.

- Наши вкусы не совсем различны. Скорее, мои вкусы являются частью твоих вкусов – нет, думаю, в твоём случае это не «вкусы». Лучше их так не называть. Всё-таки, если ты любишь всё и вся, значит, всё для тебя одинаково.

- ...

- Ханекава-сан, - продолжая пялиться прямо на меня, сказала Сендзёгахара-сан.

В тот миг...

В тот миг я услышала знакомый голос.

- Тебе в самом деле нравится Арааги-кун?

И потом она спросила меня ещё раз:

- Ты можешь сказать мне, что тебе нравится Арааги-кун, ещё раз?

Конечно, и Сендзёгахара-сан, и я собирались сегодня пойти в школу. Но прямо перед тем, как уйти, она сообразила, что из-за своей чрезмерно наглой лжи про грипп ей придется сидеть дома еще неделю.

- Так вот что значит «не рой другому яму», – сказала она, но мне так не казалось, потому что с моей точки зрения она утонула, пытаясь научиться плавать на суше. - Теперь мне сидеть дома целую неделю... Как так? Как будто я под домашним арестом, хотя ничего плохого не сделала.

Хотя мне было смешно, ее положение казалось вполне серьезным. Она выглядела очень подавленно. Хотя врать вообще нехорошо, так что «что посеешь, то и пожнешь» будет уместнее.

- И папа на меня разозлится...

- ...

Она, ученица третьего класса старшей школы, боялась, что отец на неё разозлится. Какая прелесть.

- Но и Арараги-куна какое-то время не будет в школе, так что все нормально.

Хотя я сказала это с сарказмом, а не пытаюсь её успокоить...

- Тоже верно.

Она моментально перестала держаться за голову.

Идиоты, нашедшие свою вторую половинку, просто ужасают.

Поэтому я пошла в школу одна. Как я и предсказывала, меня ожидал шторм вопросов.

Ничего не поделаешь, в каждом из нас живёт любопытный зевака. Так что я просто порадовалась тому, что все в классе за меня беспокоились.

Уроки начались.

Листая учебники, позаимствованные у Сендзёгахары-сан, «потому что мне они всё равно пока не понадобятся», я размышляла о том, что она сказала этим утром.

- Я думала, столь умному человеку, как ты, Ханекава-сан, мир будет казаться очень скучным. В смысле, ты уже знаешь так много, поэтому я подумала, что ты, наверное, не чувствуешь восторга или предвкушения. Но я лишь отчасти была права, и отчасти ошиблась. Нет никакой гарантии, что у нас одно понимание слова «скучный». Да, моё допущение изначально было неверным.

«Я бы никогда не подумала, что существуют такие люди», - сказала Сендзёгахара-сан. Человек, который не чувствует отвращения к неприятному, а то и вовсе недопустимому.

Конечно, я поспешила возразить.

- О, нет. Я никогда не считала мир скучным. И мне не нравятся неприятные вещи. А если что-то недопустимо, то я считаю это неправильным.

- Что-то я сомневаюсь. Мне кажется, ты так говоришь только чтобы поспорить. Просто мысли вслух.

Однако Сендзёгахара-сан не приняла моё объяснение.

- Я думала об этом. Разница между тобой и Арараги-куном. Вы оба готовы пожертвовать собой ради кого-то другого, но с моей точки зрения, вы кажетесь абсолютно разными. До такой степени, что вы вообще непохожи. Проще говоря, Арараги-кун кажется самозванцем, а ты – оригиналом. Вы делаете одно и то же, но, попробовав твою еду, я начала понимать.

- Понимать?..

- Понять характер человека, попробовав его еду... вспоминается одна манга о готовке, – сказала Сендзёгахара-сан. - Я про «Оисинбо».

- Зачем было называть её сразу после того, как ты избежала этого?

- У тебя и у Арараги-куна разное восприятие опасности. Например, если ты увидишь тело кошки, сбитой машиной, то правильно будет похоронить её. Я думаю, ты бы так и поступила, и, видимо, так бы поступил и Арараги-кун, в процессе ворча о чём-нибудь ещё.

- ...

- Однако я уверена, что разница именно в том, что он будет «ворчать». Если подумать, почему люди не замечают мёртвую кошку, проходя мимо так, словно ничего не видели? Потому что хоронить её «опасно», конечно же. Это несёт огромный риск тому, кто считается обществом «хорошим человеком». Шанс того, что кто-то этим воспользуется, крайне велик.

«Хотя дети могут намеренно вести себя хуже, чем они есть на самом деле. Но они так поступают не потому, что "делать хорошие вещи стыдно", а потому, что доброта может быть только слабостью в мире вездесущей злобы», – сказала Сендзёгахара-сан.

Она изложила свою уникальную теорию:

- Арараги-кун, наверное, понимает, что вести себя плохо - безопаснее. Он понимает, насколько опасно быть «хорошим человеком». Он столько раз поступал как защитник правосудия, понимая вероятность смерти или как минимум проигрыша. Таким он был в средней школе, и таким он был в старшей. В этом причина его неудач как ученика, но он, наверное, заранее понимал, что рискует получить такой результат. Он поступал так, понимая всё... хотя, конечно, я сомневаюсь, что его видение своего положения позволило ему предсказать свою собственную смерть и перерождение на весенних каникулах.

- Весенние каникулы...

В тот раз он чувствовал сожаление.

Несомненно, Арараги-кун сожалел о своих действиях, однако, он не убегал от них.

И несомненно, это полностью совпадало со словами Сендзёгахара-сан.

По сравнению с ним, я...

- По сравнению с ним, ты не понимаешь риска. Хотя, наверное, это не так. Ты не можешь не понимать, что риск существует. Но ты не задумываешься о нём. В этом, видно, суть проблемы. Ты ни о чём не жалеешь. Твои действия – неповиновение всему злу и недопустимому. Или, скорее, ты принимаешь всё. Может показаться, что я восхищаюсь тобой, но это вовсе не так. Я всегда очень уважала тебя, Ханекава-сан, но теперь это чувство полностью испарилось.

По правде, то, что говорила Сендзёгахара-сан, не казалось мне похвалой.

Я вообще не почувствовала, что эти слова были похвалой.

На самом деле, Сендзёгахара-сан... злилась.

Как и тогда, когда нашла меня спящей в руинах школы... возможно, даже сильнее.

- Меня поражает, что ты можешь восхищаться моей готовкой при твоих чувствах. Это даже ужаснее, чем поведение Арааги-куна, который даже не пытается казаться счастливым.

- Сендзёгахара-сан...

- Например, что ты думаешь о моей жизни? – спросила она.

Сендзёгахара-сан вытянула руки, указывая на комнату 201 виллы Уоррен.

- Что думаешь о том, как я живу? О нашей нестабильной семье отца и дочери, живущих в тёмной однокомнатной квартире, где моим спасением служит даже не душевая кабина, а просто душ, в котором иногда нет горячей воды; о крошечной кухне, в которой есть всего одна плитка, а пробки выбивает, если я использую фен одновременно со стиральной машиной?

- Что я думаю?..

- Ты ничего не думаешь, да? Не чувствуешь отвращения или жалости? Да, я уверена, это просто прекрасно. Если бы мы были героями романа или манги, или если бы это была история великого исторического героя, то это было бы совершенно чудесно. Я бы даже воодушевилась. Но ты настоящий живой человек, Ханекава-сан. Ты об этом знаешь? – спросила она.

Хотя она продолжала говорить тем же безэмоциональным голосом, казалось, что она изо всех сил сдерживает себя. И если она не будет осторожна, то может выразиться намного грубее.

- Всё-таки я считаю такой стиль жизни худшим из возможных. Чувство, что это намного ближе к настоящей жизни, и совсем не похоже на то, когда я жила в особняке до развода моих родителей – раньше у меня никогда не было таких всплеск просветления. Знаешь, я никогда не думала, что жизнь в нищете делает тебя более настоящим. Я вообще думаю, что нищета отупляет. А папа, он работает изо всех сил, чтобы расплатиться с долгами и вырваться из этой жизни. Он работает так отчаянно, что я не удивлюсь, если однажды он сломается. Всё из-за чувства опасности, чувства того, что это не может продолжаться.

Но у тебя нет такого чувства, - сказала Сендзёгахара-сан. - Ты видишь его, но не распознаёшь. Поэтому ты смогла провести целую ночь в тех руинах.

- Но если ты так говоришь...

Это было жалко.

Я не могла возразить при всём желании.

- Возможно, ты просто слишком чиста, как сама невинность. Ты не понимаешь ни собственную бессердечность, когда изображаешь глупость перед дураком, ни жестокость, когда ты изображаешь неадекватность перед человеком-ошибкой. И ещё слабее ты понимаешь, что это просто желание показать недостатки как добродетели. Ты сама не знаешь, что если ты примешь негатив, то поделаться с этим ничего не сможешь. Ты просто не можешь принять всё. Если ты это сделаешь, никому не понадобится прилагать усилий. Желание становиться лучше и двигаться вперёд исчезнет. И всё же, ты не чувствуешь опасности глупых или недопустимых вещей. Не думая, ты бежишь вперёд, творя добро направо и налево, даже зная, что тобой воспользуются. Ты нормально относишься к тому, что становишься изгоем в любой группе. Может ли что-то быть таким же ужасным? Я восхищаюсь тобой уже за то, что ты смогла так долго прожить на лезвии и сохранить все конечности. Подводя итог, ты не хороший человек, не святая и не Пресвятая Богородица – ты просто не видишь тьмы. В таком случае... ты ошибка.

Ошибка.

Поскольку меня впервые так называли, я была слегка подавлена.

Мне пора было в школу, так что наш разговор на этом и закончился, но по пути, и даже сейчас, на уроках, я вновь и вновь слышу слова Сендзёгахары-сан.

Ты не хороший человек, ты просто не видишь тьмы.

Не видишь тьмы.

Ошибка, ошибка, ошибка – другими словами, Белая.

Абсолютно белая.
Белая как сама невинность.
Ярко белая – и бесстыже лгущая.

- ...

...Но в моём текущем положении нельзя отрицать, что все эти слова стали просто бессмысленны, потому что моё внимание привлекли наброски, которые Сендзёгахара-сан сделала на пустых полях в её учебниках.

На каждой странице были рисунки по Стальному Алхимику.

Они были до смешного хороши.

И эта старшеклассница собирается в университет?

023

Сендзёгахара-сан, наверное, злилась.

В итоге я так и не поняла и половины из того, что она сказала, что она пыталась сказать, но всё равно я почувствовала это. Вот каково быть мной.

И в итоге это было просто чувство.

Ничего кроме чувства.

На перемене я вышла из класса и пошла в столовую. Обычно я бы приготовила бенто, но конечно, я не могла его сделать на чужой кухне.

Нет, после всего того, что мне наговорила Сендзёгахара-сан, я, наверное, не смогу даже на кухне в своём доме готовить.

Своём доме.

Если бы он существовал, то, возможно, у моей еды было бы то, что называется «вкусом».

И потом...

- Ох...

Пройдя по коридору, я узнала возникшего прямо передо мной человека – Канбару Суругу. Канбару-сан шла с другой стороны в противоположном направлении (пусть она просто шла, она казалась счастливой, я слышала, что она напевает себе под нос какой-то мотив), так что мы заметили друг друга одновременно.

- О-о! – сказала она недопустимо громким для коридора голосом и подбежала ко мне с недопустимо высокой для коридора скоростью.

Как будто телепортировалась.

Два её хвостика прибыли вслед за ней.

- Ну и ну, Ханекава-семпай! Давно не виделись, рада, что с тобой всё хорошо!

- Ага...

Она очень энергичная.

Не просто радостная.

Не зная, что и ответить, я просто кивнула.

Судя по её поведению, она не знала, что в доме Ханекава случился пожар. Впрочем, учитывая характер Канбару-сан, вполне вероятно, что она была бы столь энергичной, даже если бы знала.

Она была любезна, но вообще не думала о других.
Такой был у нее характер.
- Я сейчас иду к Сендзёгахаре-семпай, – сказала любезная, но не думающая о других Канбару-сан. - Она в классе?
- О, эм...
Весьма предсказуемо.
Ей не нужно было этого говорить.
Мне и в голову не приходило, что Канбару-сан может так бежать ради меня. Её не интересовал никто, кроме Сендзёгахары-сан.
Настолько, что она поступила в Старшую школу Наоецу просто чтобы последовать за ней. Хотя Арараги-куну и удалось расширить ее ужасающе узкое поле зрения...
Ладно.
Я почувствовала зависть к её прямоте.
Или, наверное, к узости мышления.
По крайней мере, она не раздражает Сендзёгахару-сан.
Она была сильна.
Её вид радовал – разве не так Сендзёгахара-сан думала о ней?
Канбару Суруга-сан – второклассница старшей школы Наоецу.
Кохай Сендзёгахары-сан со средней школы (другими словами, и мой кохай со средней школы, но я не была знакома с ней тогда, просто слышала пару раз), вместе с ней известная, как Дуэт Вальгаллы.
Их звали Дуэт Вальгаллы из-за слов «бог» (神) в имени «Канбару» (神原), «поле битвы» (戦場) в «Сендзёгахара» (戦場ヶ原), и «поле» (原) - в обоих именах. Потом я узнала, что Канбару-сан сама это придумала. Имя мне казалось удачным, но узнав, кто его придумал, я почувствовала разочарование.
Она была одной из местных знаменитостей Старшей школе Наоецу, элитной школе для тех, кто собирается в университет, где спорт и клубные мероприятия были задвинуты в дальний угол. Она была звездой, выведшей женскую баскетбольную команду на чемпионат страны. Хотя, если говорить откровенно, учителей это весьма раздражало. Как будто они хотели сказать: «Вы разве не видите, куда ветер дует?»
Но, конечно, по бинтам на её левой руке было понятно, что она уже ушла из команды.
Обезьяна.
У Канбару-сан это была обезьяна.
Когда она была в команде, у неё была короткая стрижка, как у спортсмена. Но у Канбару-сан, стоящей передо мной, волосы были такими же длинными, как когда-то у меня. Хотя и недостаточно длинными, чтобы заплетать их в косу.
Если забыть о том, с какой чудовищной скоростью выросли ее волосы, то Канбару-сан стала более женственной.
Или скорее, более очаровательной. Так я подумала.
Такой она стала потому же, почему и Сендзёгахара-сан стала такой, какая она есть.
Из-за Арараги-куна.
Расширил её поле зрения?
- Сендзёгахара-сан сегодня пропускает... у неё грипп.
А вот и я стала соучастницей.
Впрочем, это было неизбежно.
Если вернуться к началу, то Сендзёгахара-сан солгала ради меня. У меня не было выбора, кроме как подыграть ей.
Наверное, можно было рассказать Канбару-сан правду, но если честно, у нее язык без костей.
Она казалась слишком искренней девушкой, которая легко скажет то, что лучше бы вообще не говорить. Что хуже, она не будет об этом сожалеть.
Она даже не будет спорить, она просто оставит дверь открытой.

- О, грипп? – переспросила удивлённая Канбару-сан. - Так вот что значит «У дьявола случился солнечный удар», ха.

- ...

Ужасный стиль речи для разговора об уважаемом семпае.

Любезная, но не думающая о других. Или, как сказал бы Арааги-кун, Канбару-сан была «любезна, но невежлива», чему я только что увидела наглядное подтверждение.

Но, наверное, она просто так это сказала (не уверена, что она понимает смысл фразы).

В этот момент Арааги-кун не замедлил бы вставить остроумный комментарий и исправить её ошибку, но я не столь близка с Канбару-сан, так что я ответила слабой улыбкой.

Улыбкой!

- Ох, это неправильно...

Она поняла.

Я почувствовала простое удовольствие.

Но, хм, сложно определить правильную дистанцию с другом друга (и со стороны Сендзёгахары-сан, и со стороны Арааги-куна).

Хотя, вероятно, то, что другом была Канбару-сан, усложняло положение.

- Хм, понятно. Так Сендзёгахары-семпай сегодня нет. И что мне теперь делать?

Я была уверена, что она развернётся на каблуках и убежит к себе в класс, но вместо этого Канбару-сан сложила руки и задумалась.

Если я не поспешу в столовую, там соберётся огромная толпа, но я не могла оставить ее.

- Тебе что-то нужно от Сендзёгахары-сан? Если не против, я тоже могу попробовать помочь.

- М-м-м... Ну, думаю, и ты сойдёшь, Ханекава-семпай.

Откровенное хамство.

Какая уж тут любезность.

Я почувствовала, что должна обратить на это её внимание.

- Я только что получила сообщение от Арааги-семпая.

Но Канбару-сан мгновенно заткнула меня, показав экран мобильного.

Использование мобильного в школе, включение его в школе, получение сообщения «только что», что означало, что она получила его во время уроков – она подавила моё желание сказать ей обо всём этом.

Сообщение на экране гласило: «Приходи одна класс второй этаж сегодня в девять, нужно кое-что спросить».

- Что это, по-твоему, значит?

- В смысле «что это значит»?..

В таком коротком сообщении и понимать нечего. Вряд ли это был какой-то код.

Сообщение было написано кое-как (должно быть «класс на втором этаже»), но это просто значило, что он спешил...

- Разве это не значит, что у него есть к тебе вопросы, поэтому он хочет, чтобы ты пришла одна в класс на втором этаже в девять вечера сегодня?

- Вот оно что...

«Хм...» - пробормотала Канбару-сан.

Её выражение лица было серьёзным.

- Так значит, Арааги-семпай сегодня не придёт, ха.

- Ага, - кивнула я.

Она была по-своему умна, или, скорее, она удивительно чётко понимала ключевой вопрос беседы.

С ней нужно быть осторожной.

- Хотя в его случае это вряд ли грипп... он не ходил с начала второго триместра.

Просто на всякий случай я спросила своего классного руководителя, и похоже, Арараги-куна и вчера не было. В классе уже вдоволь подумали о том, что я, Сендзёгахара-сан и Арараги-кун отсутствовали одновременно.

Подумали... я бы предпочла, чтобы они воздержались от этого.

Не придумывайте невесть что.

«Хм...» - снова пробормотала Канбару-сан.

- Но это проблема. Встреча «в классе на втором этаже» - очень расплывчато. Он знает, сколько в Наоецу зданий?

- Нет, не в школе. Он, видимо, говорит о руинах.

- Ох, понятно, – сказала Канбару-сан, будто только что осознав это.

А в чём-то она наоборот тормозила.

- Но тогда он мог бы просто позвонить. Я постоянно пытаюсь до него дозвониться, но никак не получается.

- ...

Я снова промолчала, потому что не могла смириться с тем, что Канбару-сан звонила из школы... нет, не поэтому. Из-за этой новой информации я теперь понятия не имела о положении Арараги-куна.

Это не то что на него не похоже...

Это просто бессмыслица.

- То есть он... приглашает меня на свидание! Он не встречает меня, так что, наверное, он готовит для меня сюрприз!

- Ты не допускаешь, что там что-то более серьёзное?

Сюрприз? Правда? Она крайне оптимистична.

Что ещё удивительнее, она была серьёзна.

Насколько же меня утомляют разговоры с ней!

- А, понятно, понятно. В таком случае, я понимаю. Сегодня ночью я хотела почитать, но если Арараги-семпай хочет меня, то выбора нет. Мне придётся преодолеть все препятствия и ответить на его зов!

- Преодолеть все препятствия?..

Она же сама сказала, что хотела почитать...

Её стиль речи был столь пафосен, столь театрален, что чем серьёзнее она становилась, тем сильнее издевалась над собеседником. В этом плане её характер был недостатком.

Это не раздражало.

Но такая уколобость вызывала беспокойство.

- Эм, Канбару-сан...

- Хм? Что такое?

Я подумала о том, что сказать, но в итоге не смогла собраться с мыслями, и промолвила:

- Будь осторожна. Позаботься об Арараги-куне.

- Хорошо. Спасибо за помощь, Ханекава-семпай!

- А... всегда пожалуйста.

- Я слышала о пожаре, так что думала, что ты будешь расстроена, но, похоже, это не так. Это замечательно! Как и ожидалось от тебя, Ханекава-семпай!

- А?

Она знала.

Потрясающе. Зная об этом, она так разговаривала со мной.

О, нет.

Что она имеет в виду, говоря, что я не расстроена?..

- Ну, удачи!

Канбару-сан подняла руку и пошла в том направлении, откуда пришла.

Не побежала, пошла.

Я хотела предупредить её о беготне по коридорам, но она не всегда бегала.

Она была до ужаса непредсказуема.

- ...

Теперь, когда Канбару-сан ушла, я должна была поспешить в столовую, но я не сделала ни шагу.

Во мне раздавались не последние слова Канбару-сан.

Мой разум был опутан положением Арааги-куна.

Арааги-кун столкнулся с какой-то дилеммой. И всё же он позвонил Канбару-сан. Это значило, что вопрос, который он хотел задать ей, был необходим, чтобы разрешить эту дилемму.

Он не просто просил помощи.

Это было нечто намного, намного более серьёзное.

- ...

Поэтому я посчитала положение абсурдным.

Если ему так нужна помощь, то почему Арааги-кун послал сообщение Канбару-сан?

Подумать только, он искал помощи не у меня, а у Канбару-сан. Я просто не могу поверить.

Но интересно.

«Раздражение», которое чувствовала Сендзёгахара-сан, я понимала очень хорошо и была готова согласиться с ней, но я совершенно не ожидала, что из-за этого она назовёт меня белой.

Я завидовала Канбару-сан, которая получила сообщение от Арааги-куна.

И я точно злилась.

Я злилась, потому что Арааги-кун не послал сообщения мне.

024

На пути из школы меня одолевало сильное чувство ненависти к самой себе.

Я хотела попросить Канбару-сан позволить мне пойти вместе с ней. Но, поскольку в сообщении была только она, я воздержалась от этого – на это мне ума хватило.

Я не знала, стоит ли говорить Сендзёгахаре-сан об этом. Поскольку Арааги-кун был её парнем, она имела право знать, но она совершенно точно будет беспокоиться. И она наверняка разозлится на него, не подумав.

Я добралась до виллы Уоррен, так и не приняв решения...

- О, добро пожаловать, Ханекава-сан. Ты поздно.

- Ага, я была в магазине. О...

Когда я открыла дверь, то заметила ещё одного человека.

Это был человек с серебристыми прилизанными волосами.

В своём элегантном костюме он казался очень серьёзным. Если говорить словами другой эпохи, то он был наёмником.

Или же по его виду можно было подумать, что он адвокат, или бюрократ, или ещё кто-то в этом духе.

Но я знала наверняка.

Я слышала от Сендзёгахары-сан.

Её отец работал экспертом при какой-то иностранной компании.

- Рад познакомиться.

Он поприветствовал меня первым.

Он сидел за столом, но встал и поклонился.

- Я – отец Хитаги.

- О... эм...

Я была озадачена.

Сендзёгахара-сан говорила, что её отец придёт сегодня, но я не думала, что он вернётся так рано.

Как и следовало ожидать от того, кто работал в такой компании, он не был связан временем. Я почувствовала какой-то абсурдный восторг.

- Ханекава Цубаса. Прошу меня извинить. Прошлой ночью я позволила себе остаться у Вас дома.

- Понятно, - кивнул отец Сендзёгахары-сан.

И потом он замолчал. Мне он показался неразговорчивым.

Он выглядел очень молчаливым, хотя когда я продолжила стоять в дверях, не снимая туфель, он бросил на меня взгляд и сказал:

- Давайте я сделаю чай.

После чего направился на кухню.

Там он поставил чайник на плиту.

Его слова и движения ослабили напряжение, и я смогла разуться.

Перевела дух.

Не отрывая глаз от её отца, я села рядом с Сендзёгахарой-сан.

- Прости, Ханекава-сан. Папа закончил работу раньше, чем я думала, так что и вернулся раньше, - прошептала Сендзёгахара-сан.

- Всё нормально. Это я первая вторглась в ваш дом, - прошептала я в ответ. - Но если дело в этом, могла бы просто написать или позвонить мне.

- Нет, я хотела сделать сюрприз.

- ...

Считай, у тебя получилось.

Подумать только, на Арааги-куна день за днём такие сюрпризы валились. Несмотря на поверхностное впечатление, его жизнь весьма тяжела.

- Твой отец очень стильный, - сказала я.

Не простая лесть.

Я увидела, что, вне зависимости от того, насколько серьёзно Сендзёгахара-сан говорила о своей любви к отцу, это не было бредом. Если поживёшь с таким отцом, то, наверное, все парни твоего возраста покажутся маленькими детьми.

То, что Арааги-куну удалось выдержать сравнение с отцом Сендзёгахары-сан, вызывает сложные чувства, но он в самом деле потрясающий.

Общеизвестно, что женщины влюбляются в тех, кто похож на их отца, но в данном случае отец Сендзёгахары-сан, готовящий чайные листья, и Арааги-кун совершенно друг на друга не походили.

Они не просто разные. Можно сказать, они не имеют ничего общего.

Хотя Арааги-кун любил казаться хладнокровным и даже носил прозвище «молчаливый увалень», он на самом деле любил поболтать. И полной противоположностью был отец Сендзёгахары-сан, который был по-настоящему молчалив.

Кроме того, её отец был стильным как «отец», а не как «мужчина».

Что касается того, что это значило...

Нет, нет, не стоит.

Что хорошего получится из такого анализа?

Мне казалось, я уже бросила заниматься подобным.

Точно.

Похоже, что от внезапного появления «отца» я разволновалась. Могла бы и подготовиться.

Нет, всё же я удивительна – сама себе говорю «могла бы и подготовиться».

Необычная я девушка.

Конечно же, я была взволнована. Всё-таки я не могла представить такого «отца», «папу».

Хоть и существует тот, кого я должна называть своим отцом.

Но я не знаю того, кого я должна называть «папой».

Я ничего не знала.

- В школе было что-нибудь необычное?

Словно заявив, что её отец больше не является предметом обсуждения, Сендзёгахара-сан сменила тему.

Мне стоило бы поучиться.

- Необычное?

- Арараги-кун приходил?

Похоже, именно это она и хотела спросить.

Я слегка запуталась, но, чувствуя, что будет странно что-то скрывать, все ей рассказала.

- Сообщение Канбару?

- Ага. Похоже, в его нынешнем деле ему нужна помощь Канбару-сан... в любом случае, сообщение было очень коротким, поэтому я не знаю, зачем ему Канбару-сан...

- Как неприятно.

Сендзёгахара-сан сидела с недовольным лицом и не сдерживала себя.

Это не просто злость. Это ярость.

Более того, сейчас её взбесил не Арараги-кун, а Канбару-сан.

Клинок был направлен не на её парня, а на кохая.

Я мгновенно пожалела о содеянном.

Что я буду делать, если из-за меня развалится Дуэт Вальгаллы.

- Бросила меня, чтобы её попросил о помощи Арараги-кун. И что же я сделаю с этой женщиной? Сначала вырву её внутренности...

- Сендзёгахара-сан, ты ведёшь себя так, словно не излечилась.

- Ох...

Заметив это, Сендзёгахара-сан улыбнулась.

Насколько жалкой была эта натянутая улыбка...

- Я думаю, на то есть какая-то причина. Он сказал, что о чём-то хочет её спросить, и кроме того, в отличие от нас с тобой, в левой руке Канбару-сан всё ещё обитает Кайи.

- Да, всё ещё обитает.

«Лапа обезьяны», - сказала Сендзёгахара-сан.

- Другими словами, ему нужна не Канбару, а её левая рука.

- Ну, это просто догадка.

Я сомневалась, что всё настолько просто, но общая вероятность была довольно высока.

- Если ему нужны боевые способности Канбару, значит ли это, что скоро начнётся битва?

- Сложно сказать. Но если мы говорим о боевых возможностях, то сейчас у Арараги-куна есть Шинобу-тян. Ему необязательно нужна её помощь в драке.

Всё это просто догадки.

Не зная положения Арараги-куна, Сендзёгахара-сан и я никогда не сможем найти ответа, сколько бы мы ни говорили.

- Ну и? Что будешь делать, Ханекава-сан?

- О чём ты?

- Пойдёшь на место встречи? Если пойдёшь, сможешь с ним встретиться.

- Я думала об этом, но вряд ли. Я чувствую, что помешаю...

- Понятно, - кивнула Сендзёгахара-сан, услышав мой ответ. - Тогда и я не пойду.

- Правда?

Я была уверена, что Сендзёгахара-сан будет настаивать на этом. Так что мне показалось, что она уклонилась от вопроса.

А я уже начала думать, как остановить решительную, настойчивую Сендзёгахару-сан.

- Я приму отсутствие новостей как доказательство его здоровья. В любом случае, в отличие от того раза с Канбару, не похоже, что он что-то скрывает. Скорее, даже наоборот. Если он послал сообщение Канбару, он послал его, зная, что она расскажет нам. Справедливо.

Однако...

- Ты не пойдёшь?

- Не пойду, - ответила Сендзёгахара-сан. - Как и ты, Ханекава-сан, я сомневаюсь, что смогу чего-то добиться. Разве что буду путаться под ногами. И я чувствую, что могу сделать кое-что ещё.

Значение этих глубоких слов было мне неизвестно. Но сейчас казалось, что так всё и есть. Отсутствие новостей было доказательством его здоровья.

И заветом веры в него.

Остановимся на этих удобных объяснениях.

- Хотя мне кажется, не только у Арараги-куна и Канбару остались Кайи.

- А? А у кого ещё?

Я наклонила голову.

- Демон Арараги-куна и обезьяна Канбару-сан – последние аномалии в округе.

- Верно-ня.

Почему-то в ответе Сендзёгахары-сан прозвучали кошачьи интонации.

Я хотела спросить ее, но в этот момент отец принёс чай, так что нам пришлось прервать разговор.

Впрочем, даже если бы он не торопился, разговор всё равно бы закончился.

Тогда я и услышала стук в дверь виллы Уоррен, комнаты 201 (кстати, домофона тут не было).

- А, они пришли.

Судя по тому, как встала Сендзёгахара-сан, она ждала гостей.

Однако я понятия не имела, кто это, и слегка напряглась. Но когда Сендзёгахара-сан открыла дверь, я всё поняла.

Вот о какой «комбинации» она говорила.

В дальнейших объяснениях нет нужды.

И в представлениях тоже.

По другую сторону двери стояли младшие сёстры Арараги-куна, Арараги Карен и Арараги Цукихи, Огненные Сёстры.

Судя по всему, имела место быть следующая беседа:

- Боже, да это же Карен-сан. Какое совпадение, что мы встретились именно здесь.
- А ты – Сендзёгахара-сан? Да, настоящее совпадение – мы встретились прямо перед моим домом.
- Да, как будто я с помощью навигатора узнала, по какому маршруту ты идёшь, и устроила засаду, хи-хи.
- Ха-ха, многие люди могли бы так и подумать. Мир полон дураков, знаешь ли. Нечасто встретишь такую умницу, как я. Так обидно. Но, Сендзёгахара-сан, почему ты не в школе?
- Школа? Это что такое?
- Ты не знаешь? Я так и думала.
- Ох, да шучу я. Конечно знаю. Просто гахара-шутка. В силу некоторых неизбежных обстоятельств, я сегодня пропускаю. А у вас сокращённые уроки, Карен-сан?
- Да. Только ты правда не вовремя, Сендзёгахара-сан. Ты, наверное, хотела найти моего брата, но по закону подлости его сейчас нет. В начале нового триместра он куда-то пропал. Ладно, я сама уходила искать свою душу дважды. Когда он вернётся, он уже должен суметь воспользоваться Камехамеха.
- Путешествие для поиска себя не включает такие тренировки... Даже думать забудь.
- Он и Еву сможет использовать, когда вернётся.
- Сомневаюсь, что у Арараги-куна есть такие таланты... кстати говоря, я только что вспомнила. Ты, наверное, уже знаешь, что в доме Ханекавы-сан случился пожар?
- А?
- О, прости, какой глупый вопрос. Арараги Карен, защитница справедливости, воин Огненных Сестёр, благодаря которым еще стоят стены этого города, не знает о таком ужасном происшествии? Немыслимо.

- Эм, ну, да. Я знала. Да, просто ужасно. Я думала, что стоит встретиться с ней и узнать, как у неё дела.
- К счастью, это случилось, когда она была в школе, так что она не пострадала. Но теперь ей негде спать.
- А? Правда?
- Ты не знала?
- Знала-знала. Я как раз хотела поговорить об этом. Зачем ты перебиваешь меня, Сендзёгахара-сан?
- Прости. Но как это странно. Хорошей девушке Ханекаве-сан не найдётся кровати на всём белом свете? Немыслимо. Серьёзно, если в этом мире есть правосудие, то чем оно сейчас занимается?
- ...
- Ну, из-за бездействия этого так называемого «правосудия», я была вынуждена отпроситься в школе, чтобы помочь Ханекаве-сан найти кровать. Кстати говоря, ты пошла в школу как обычно, Карен-сан? Тебе было весело, когда Ханекава-сан страдала?
- ...
- О боже, мне так жаль. Видимо, ты не сможешь ей помочь. Хотя ты и сестра Арараги-куна, ты всего лишь ученица средней школы. Я требую от тебя слишком многого, ты не сможешь действовать, как Арараги-кун. Брат есть брат, Карен-сан есть Карен-сан.
- !..
- Да, я совсем не вовремя. Ах, если бы Арараги-кун был здесь, он бы ни за что не бросил Ханекаву-сан. Но раз тут только Огненные Сёстры, пф-ф.
- Пф-ф?!
- Мне очень жаль. Я знаю, что ты не можешь мне помочь без своего любимого брата, так что я не буду тебе надоедать. Не хочется тебя утомлять, когда ты наслаждаешься жизнью, в отличие от Ханекавы-сан. Да, она получила по заслугам. Ладно, что-то заболталась я, мне пора. Теперь-то я знаю, что правосудия, как и кровати Ханекавы-сан, в этом мире нет.
- Стой!
- А? Что?
- У Ханекавы-сан есть кровать... и справедливость тоже существует!

Таким образом, Сендзёгахара-сан ловко направила Карен-тян и завершила свою комбинацию, или как там... и я вовсе не считаю, что это было «ловко».

Как по мне, это всё равно что размахивать железной подковой в грозу.

Если тут и было что-то ловкое, так только то, что она выбрала простоватую Карен-тян, а не планировщика Цукихи-тян.

И вот я прибыла к дому Арараги.

- Чувствуй себя как дома, Цубаса-сан.

- Точно. Считай, что это твой дом, Ханекава-сан, - сказали Карен-тян и Цукихи-тян, наливая мне попить.

Они приготовили чай, поровну разделив обязанности. Карен-тян вытащила замороженный ячменный чай из холодильника, а Цукихи-тян взяла стаканы из буфета.

Командная работа Огненных Сестёр (пф-ф)... в смысле, Огненных Сестёр весьма впечатляла.

Они общались без слов.

Как дома... ха.

Я не впервые оказалась в доме Арараги... я была тут много-много раз. Я всё ещё вела себя как репетитор Арараги-куна (хотя мы занимались не дома, а в библиотеке) и однажды, когда у Карен-сан была высокая температура, я осталась тут допоздна.

Однако, как бы сказать, впервые меня поприветствовали как «гостя».

Я занервничала.

Или, скорее, ощутила странный дискомфорт.

- ...

Арараги Карен-тян и Арараги Цукихи-тян.

Младшие сёстры Арараги-куна.

Чем больше я на них смотрю, тем сильнее они напоминают своего брата.

Можно даже сказать, что они его полные копии.

Они были странно похожи, как тройняшки разного возраста.

Конечно, их характеры, или, скорее, личные особенности, были разными – Карен-тян была мастером боевых искусств и томбоем, а Цукихи-тян казалась мягкой, но внутри была очень тверда.

Меня очень удивило то, что у них обеих изменились причёски.

Характерный хвост Карен-тян исчез, и теперь она носила каре (а до этого у неё были прямые волосы, как у меня и Сендзёгахары-сан), а толстая коса Цукихи-тян была обмотана вокруг шеи как шарф (и не жарко ей летом?).

- И всё же, ты слишком холодна, Цубаса-сан.

Налив себе чай, Карен-тян уселась на диван.

Под «холодна» она подразумевала, что я сдержанна.

- Если тебе негде было спать, то первым делом надо обратиться ко мне за помощью. В смысле, я ждала, когда ты обратишься ко мне, Ханекава-сан. Ну, я подумала, что тебе самой сложно будет меня просить, поэтому первая предложила помощь.

Она всё ещё не понимала, что ей с самого начала управляла Сендзёгахара-сан.

В ложь о том, что она с самого начала знала о бедствии в доме Ханекава, теперь больше всех верила именно Карен-тян. Я не волновалась за её будущее, но только потому, что, даже будучи школьницей, она была опасна.

- Точно, Карен-тян сама додумалась!

С этими словами Цукихи-тян вернулась в комнату. Похоже, что она, с улыбкой усевшаяся рядом с Карен-тян, всё поняла и осознанно приняла предложение Сендзёгахары-сан.

Да.

Вот она-то была довольно хитра.

Карен-тян учится в третьем классе средней школы, Цукихи-тян во втором.

Когда они сидели рядом в одной одежде (форма средней школы Цуганоки №2), они казались близнецами (хотя когда они встали, стала заметна разница в росте).

- Кстати, это же ячменный чай? Значит, если он постареется, то может превратиться в пиво?

Карен-тян прекратила сдерживаться и начала разговор.

У неё было поразительное чувство дистанции, когда дело касалось межличностных отношений. Такой разговор не должен начинаться через пять минут после того, как она пригласила меня в свой дом.

Дайте мне расслабиться.

- И то и другое делается из ячменя, но чай кипятят, а пиво должно забродить.

Не будем думать о том, насколько верно выражение «постареется». Но в семье напитков они и правда родственники. Я хотела сказать, что всё совсем не так, но, хм, вопрос Карен-тян попал точно в цель.

- Да. Теперь понятно, почему от ячменного чая поднимается настроение.

Однако вывод меня разочаровал.

Карен-тян опустошила стакан одним глотком.

Когда я пригляделась к стакану, то увидела, что он был очень качественным.

Это посуда Баккарат?

Даже если и нет, весьма неуважительно называть её «стаканом».

Более того, судя по тому, как Карен-тян и Цукихи-тян с ней обращались, они понятия не имели о стоимости этой посуды...

Неужели Арараги так богаты?

- Ну, в любом случае... - сказала Цукихи-тян, бросив косой взгляд на Карен-тян.

Похоже, она привыкла к Карен-тян, потому что была её сестрой. - Если тебе негде спать, можешь оставаться у нас сколько хочешь. К счастью, брата сейчас нет. Можешь пользоваться его комнатой.

- Комнатой... Арараги-куна.

- Ага. В ней бессмысленно стоит эта бессмысленно пружинистая постель.

Я... знала об этом.

Более этого, в этом и была суть комбинации, придуманной Сендзёгахарой-сан.

Мне сложно выразить это, но я чувствовала себя виноватой за эту комбинацию, которая воспользовалась невинной искренностью Карен-тян и Цукихи-тян, и чувством справедливости Огненных Сестёр. Но, поскольку они себя вели так исключительно по своей вине, я не могла быть столь сдержанной.

Поняв, что я буду себя так чувствовать, Сендзёгахара-сан превратила свою идею в «комбинацию», ничего мне не говоря.

Чтобы в итоге я ничего не узнала.

Она взяла роль злодея на себя.

Я не понимала, чем она думала и в каком состоянии была, когда помогала другой девушке (мне!) оказаться в доме своего парня. Вероятно, это было связано с её мазохистскими наклонностями, сохранившимися по сей день.

Она выдерживала боль.

Всё это она делала ради меня.

Когда я подумала об этом, те слова Карен-тян пронзили моё сердце.

Холодная – сдержанная.

Первым делом ты должна была обратиться ко мне за помощью.

Я... ждала, когда мне сделают предложение.

И когда Сендзёгахара-сан заставила меня остаться у неё, я не искала помощи сама.

Конечно, я думала, что эта логика полностью противоположна тому, что говорил Ошино-сан – «люди спасают себя сами».

Да.

Я проиграла своему отчаянию.

Я не думала о том, чтобы спастись сама.

И ещё я вспомнила, что мне говорила Сендзёгахара-сан.

Я просто приняла отсутствие вкуса.

Я не видела тьмы.

Ошибка.

- Цубаса-сан? Что-то не так? Ты замечталась? Лицо у тебя оченьглупое.

- ...

И где её воспитание?

О каком «глупом лице» она говорит?

- Наверное, пожар - это и правда очень тяжело. Я видела что-то похожее только в Тиби Маруко-тян.

- О, нет, я в порядке.

Так я сказала.

Я сказала, что я в порядке, пусть это и было ложью.

- Но хорошо. Я приму ваше предложение и останусь здесь. По крайней мере, пока Арараги-кун не вернётся.

Я не знала, когда это случится, но вопрос был в другом. Что случится раньше – те, кого я должна называть матерью и отцом, найдут новое жилье, или Арараги-кун попросит меня освободить комнату.

Думать об этом смысла не было.

- Спасибо.

- Всегда пожалуйста.

- Давайте хорошо проведём время.

Мы пожали друг другу руки.

Встали в кольцо.

Мы собираемся танцевать?

Я не знала, как Сендзёгахара-сан объяснила ситуацию в семье Ханекава (вообще, сама Сендзёгахара-сан не знала о ситуации в семье Ханекава), но я была рада, что эти двое не расспрашивали меня.

- Устроим вечеринку в пижамах, Цубаса-сан!

- Боюсь, что не смогу принять твоё предложение.

- Тогда как насчёт реслинга?!

- Нет, спасибо.

- О, я старшая, но мне всегда хотелось старшую сестру. Можно я буду называть тебя «старшая сестра», пока ты у нас живёшь?

Карен-тян говорила словами Сенгоку-тян.

Цукихи-тян смотрела на Карен-тян с улыбкой. Попробуй понять, кто из них старше.

Потом я кое-что поняла.

Или скорее, об этом я подумала с самого начала.

- О, кстати, раз я собираюсь остановиться здесь, я должна поздороваться с вашими родителями.

В этот дом меня всегда приводил Арараги-кун или его сестры, и я ни разу не встречалась с их матерью. Пусть Карен-тян и Цукихи-тян не против, но если их родители откажутся, то мне придётся уйти.

Интересно...

Разве при встрече со старшеклассницей, которая спала где попало, нормальный взрослый не попытается прочитать ей лекцию и отправить обратно к родителям?

- Думаю, всё будет хорошо, – сказала Цукихи-тян. – Мама и папа – наши родители, поэтому по характеру довольно похожи на нас.

- Ох... но...

- У них пылкое чувство справедливости, так что они точно не заставят уйти того, кто попал в неприятности.

Цукихи-тян ни капли в этом не сомневалась.

Кстати говоря, я понятия не имела о родителях Арараги-куна.

Наверное, это естественно, поскольку я с ними не встречалась, но было очевидно, что Арараги-кун сторонится этой темы. Для старшеклассника естественно молчать о своих родителях, так что меня это особо не беспокоило... да и казалось, что у Арараги-куна не особо хорошо получается с ними общаться.

Но справедливость?

Пылкое чувство справедливости?

Как странно.

- Эй, Карен-тян, Цукихи-тян. На будущее: вы говорили, что ваши родители работают вместе, да?

- Ага.

Сёстры кивнули одновременно.

- Они вернутся примерно в шесть.

- А чем они занимаются?

Их голоса прозвучали одновременно.

- Они полицейские!

...

Так вот почему Арараги-кун изо всех сил скрывал это. А ещё я почувствовала, как мерзнет Ад.

Конечно, без спора не обошлось.

Хотя дочери и говорили, что у их родителей пылкое чувство справедливости, пара Арараги были вполне здравомыслящими взрослыми (и офицерами полиции).

В итоге, сказав: «Раз так, то ничего не поделаешь», они позволили мне остаться. Легче, чем я ожидала, хоть и без энтузиазма.

Карен-тян и Цукихи-тян тоже изо всех сил постарались убедить их – в этом они действительно казались родителями Арараги-куна.

Они напоминали его.

Поясню: хотя сходство было завязано на генетике, не последнюю роль играл и одинаковый образ жизни. Они живут под одной крышей, идут по одному жизненному пути, едят одно и то же, их тела сделаны из одних и тех же веществ, так что понятно, почему они похожи.

И напротив, если путь и меню будут разными, как в семье Ханекава, то и в итоге мы будем совсем разными.

Поэтому говорят, что в семье, где все напоминают друг друга внешне и по характеру, есть некоторое чувство единства. В этом семья Арараги-куна казалась нормальной.

Я почувствовала это, когда они позволили мне присоединиться к своему ужину.

Я увидела, что такое семейная беседа.

Это было очень свежо, я даже включилась в неё. Хоть и вздрагивала, когда мать Арараги-куна настойчиво расспрашивала меня о своём сыне.

После этого нужно было принять душ.

Кстати говоря, с последнего использования душевой кабинки прошло три дня.

Похоже, в последнее время для Карен-тян и Цукихи-тян мыться вместе стало своего рода правилом, потому что в ванную они вошли вместе – и там было очень тесно!

- А ты не задираешь нос, Цубаса-сан.

Вот такая беседа завязалась в упомянутой душевой кабинке.

Мы едва влезли туда, как в каком-то эксперименте из серии «сколько людей поместится в телефонную будку». Иными словами, ни о какой чувственности не могло быть и речи. И вот там Карен-тян сказала:

- В смысле, может, это просто оттого, что я дура, но когда я говорю с умными людьми в школе, многие из них вызывают у меня мысли вроде «ух ты, какая ты умная». Как будто они изо всех сил стараются собрать все сложные слова вместе и наговорить что-то, на что всем плевать. Но ты умная, Цубаса-сан, и ты говоришь со мной на моём уровне. Это замечательно.

- Так и есть, - встряла Цукихи-тян.

Её распущенные волосы оказались очень длинными.

Похоже, росли они ещё быстрее, чем у Канбару-сан.

Чудовищно.

- Но, похоже, так и есть, Карен-тян. Люди, которые в самом деле умны... вообще, «лучшие» в своём деле, будь то спорт или что-то ещё, говорят абсолютно нормально, и кажутся абсолютно обычными. Видимо, это потому, что они настоящие, и им не нужно ничего доказывать.

- ...

Услышав похвалу, я почувствовала себя неудобно. Хотя Цукихи-тян была права насчет «лучших» людей, кажущихся удивительно нормальными. Но в моём случае, дело вовсе не в этом.

Я не нормальна.

И... я не умна.

Я сомневаюсь, что кто-то мог приукрашать реальность и задирает нос больше, чем я... я поняла это и на Золотой Неделе, и перед Культурным Фестивалем.

Настолько, что хотела отречься от этого.

Настолько, что почувствовала ненависть.

- Я всегда думала о том, как видит вещи умный человек, - сказала Карен-тян, - например, когда мы смотрим на одно и то же, мы видим разные вещи. Для меня число Пи всего лишь набор чисел, а, скажем, для Эйнштейна – прекрасная последовательность.

- Ох, ну не знаю, - расплывчато ответила я.

На этот вопрос было сложно ответить во всех смыслах.

По сути, чувство, необходимое для осознания важности и ценности математических красот вроде Пи или Золотого сечения, жило лишь в немногих гениях. Однако я не считала, что для этого был необходим ум.

Даже среди умных людей могут быть те, кто видит в Пи лишь набор чисел, подумалось мне, и наоборот.

Вопрос в индивидуальных различиях, а не в наборе условий.

Разница между восприятием Карен-тян и Эйнштейна не так уж и отличается от разницы между восприятием Карен-тян и Цукихи-тян.

- Например, представим, что у нас есть роман, написанный от первого лица. Если взглянуть с иной точки зрения, это будет совсем иная история, как мне кажется. Так, дела Холмса, рассказанные самим Холмсом, будут отличаться от рассказанных Ватсоном. Кстати говоря, среди дел Шерлока Холмса существует короткая история со всезнающим рассказчиком.

Однако с объективной точки зрения нельзя утверждать, что этот мир был правильным.

Ведь Бог мог совершить ошибку.

Например, он случайно создал людей.

Когда я столь сблизилась с красотой тела Карен-тян, с ее мышцами, укрепленными на тренировках, и контрастирующим с ним юным милым телом Цукихи-тян, я начала думать: «А всегда ли Арагаки-кун ладит с такими сёстрами?» Но теперь я хоть немного поняла, почему он такой странный.

И так далее.

Потом я выбралась из ванной.

Бельё, купленное в магазине, закончилось, и я подумала, что воспользуюсь старым ещё раз, но Карен-тян одолжила мне новую пару шорт.

А ещё пижаму.

Странно будет отказываться теперь, так что я кротко приняла и то и другое.

- Но разве это не мужской размер?

- М-м? А. Это брата.

ОХ.

Я только что надела пижаму Арараги-куна...

Я посмотрела в зеркало.

Что это за чувство, будто я сделала что-то, чего не стоило делать?

С другой стороны, если я сниму её сейчас, будет казаться, что это что-то для меня значит.

Ох, нет, это просто оправдание.

Теперь, когда я её надела, снимать уже не хочется.

- Хм. Размер как раз подошёл, - сказав это и ничем не выдав смущение, я начала чистить зубы.

Но вот рассказывать об этом Сендзёгахаре-сан не стоит...

После этого сёстры провели меня в комнату Арараги-куна.

Если подумать (хотя я и так это знала), я вторглась в дом Арараги без всякого разрешения Арараги-куна, позаимствовала его пижаму и кровать. Не будет преувеличением назвать меня хулиганкой, делающей, что ей вздумается.

Хуже того, он даже не знал, что я была здесь с разрешения его семьи и девушки. Я подумала, что стоит послать ему сообщение, но в текущей ситуации, не зная, что с ним, я не решилась.

А я сейчас в твоей пижаме, Арараги-кун.

Если бы я послала ему это сообщение, то мне кажется, его шансы на успех в серьёзном деле, в которое он втянут, значительно уменьшились бы.

Кроме того, взглянув на часы (я заметила, что в комнате Арараги-куна почему-то было четверо часов. Он мне не казался особо пунктуальным...), я увидела, что уже больше девяти. Вспомнив, что сейчас он встречается с Канбару-сан, я, эм, ну...

Засомневалась.

- Спокойной ночи, Цубаса-сан. Можешь пользоваться всем, что есть в этой комнате.

- Спокойной ночи, Ханекава-сан. До завтра, - сказали сёстры Арараги.

Не то чтобы я могла заняться чем-то, кроме сна.

Даже если бы я решила поучиться, у меня не было учебников – их мне одалживала Сендзёгахара-сан.

Подумав, что стоит завтра пойти в библиотеку и взять несколько книг для школы, я обнаружила, что пялюсь на книжную полку Арараги-куна.

Хотя Карен-тян сказала, что я могу пользоваться всем, что есть в комнате, конечно, я так не поступлю. Однако можно мне простить то, что я посмотрела на его полку.

Её содержимое с прошлого раза весьма изменилось. Он говорил, что не выбрасывает книги, так что, похоже, он клал на полку только непрочитанные книги, а законченные убирал в шкаф.

Удивительно, там было много романов.

По тому, как он обычно говорит и ведёт себя, можно подумать, что он читает только мангу.

Я взяла случайную книгу и, сев на стул, читала примерно час. Однако чувство присутствия Арараги-куна, исходящее от стола и стула, привело к тому, что слова влетали в одно ухо и вылетали из другого.

Когда я выключила свет и легла на кровать, было уже больше одиннадцати.

Но, осознав, что я кладу голову на подушку Арараги-куна и сплю на его постели в его пижаме, я не смогла уснуть, пока часовая стрелка не перебралась через единицу.
Я не должна винить Арараги-куна.
Не следует мне даже думать о таком.

027

Госпожа наконец-то уснула, и, как обычно, теперь моя очередь стоять на сцене-ня.
Но-ня, подумать только, я проснулась в комнате этого ублюдка. Вспоминается Золотая Неделя-ня.
Ирония судьбы. Мириады путей сводят нас вместе-ня.
Госпоже тоже это не нравится-ня.
Дело не в том, что я не понимаю настоящего мотива Сендзёгахары Хитаги-ня, и не в том, что я уверена в своей правоте, просто это раздражает-ня.
Я ничего не могу с этим поделать-ня.
Ведь я и есть госпожа.
Я не могу сделать того, что не сделала бы госпожа-ня. Грустное чувство бессилия-ня.
- А теперь...
Я вылезла из постели, встала на четвереньки и потянулась – так делают кошки-ня. А затем сказала, обращаясь к себе самой:
- Но что происходит? Если я здесь-ня, значит, госпожа снова напряжена... но я не знаю, из-за чего именно-ня. Я думала, что это было из-за пожара, но судя по тому, что я просыпаюсь даже теперь, дело не только в пожаре-ня.
Судя по всему, в этот раз я буду такой.
Во время Золотой Недели я была почти как госпожа, а перед Культурным Фестивалем я была связана с госпожой так тесно, что меня можно было назвать её внутренней личностью... но, похоже, в этот раз Чёрная Ханекава почти полностью отрезана в плане характера-ня.

Получила ли я независимость как Кайи, благодаря тому, что просыпалась столько раз-ня? У меня с головой не очень, так что я не знаю, но если бы этот раздражающий гаваец был здесь, он бы дал иное объяснение.

- Но то, что я выхожу только когда госпожа спит, оказывается, удобно. В прошлом, ему пришлось немало потрудиться просто чтобы загнать меня внутрь.-няхаха, ему даже потребовалась помощь этого нахального мелкого вампира-ня.

- И кого это ты называешь нахальным мелким вампиром?

Ня?!

Кто-то ответил на мой монолог-ня.

Теперь я вижу, но в какой-то момент... а был ли «какой-то момент»? Она сидела в комнате, нет, вверху комнаты, на потолке, обняв колени, как будто была там с начала времён.

Маленькая светловолосая девочка.

Ошино Шинобу-ня.

Когда я видела её раньше, она носила шлем с очками, но, похоже, теперь он ей не нужен-ня.

И кроме того.

Когда я видела её раньше, да и на Золотой Неделе, её лицо было пустым, а сейчас... как бы сказать, она смотрит на меня сверху вниз с ужасной улыбкой на лице-ня.

- Ха⁷, - вампир заговорила первой.

Невероятно самодовольная-ня.

Вообще, я дважды сражалась с ней и оба раза проиграла, так что, конечно, она может делать что угодно. Неважно, Чёрная Ханекава я или Мартовская Кошка: раз я Кайи, я ей в подмётки не гожусь.

- Давненько не виделись, кошка... я не ведаю, почему ты прячешься в покоях моего господина, но искать причины поступков Кайи – такая безвкусица.

«Я не такая, как этот гаваец», - сказала вампир.

Хм-м-м-м.

Я хотела было спросить её: «Почему ты здесь?», но думаю, этот вопрос к нам обоим относится.

- Погоди-ня. Разве ты не заперта в тени этого ублюдка-ня?

Вроде же так должно быть-ня.

Если госпожа правильно помнит.

Так что если я её вижу, то где же ублюдок... он же не висит на потолке-ня.

Я ничего настолько жуткого не вижу-ня.

- Верно. Со мной случилась некая оказия, - сказала вампир, сидящая на потолке-ня. - В данный момент связь между мною и моим господином – другими словами, между Ошино Шинобу и Арараги Коёми – разорвана.

- Разорвана?

«Ня?» Я наклонила голову.

Как это понимать-ня?

- Это значит, что мы вернулись к состоянию, в котором пребывали до прибытия гавайца... нет, всё стало ещё хуже. Увы, не ведаю я, где мой господин и каково его самочувствие. Я в полном неведении...

Оборвав себя на полуслове, вампир фыркнула и презрительно посмотрела на меня-ня.

- Если я тебе и расскажу, мне это не поможет.

Она вот так просто сдалась-ня.

Впрочем, это было правильно-ня.

Я не понимаю бесед длиннее трёх фраз-ня.

⁷ Ka-ka!

В любом случае, похоже, ублюдок вляпался в неприятности... если он отрезан от этого вампира, разве ему станет лучше?

Как тогда, с Обезьяной.

Да что с ним происходит?

Мне незачем переживать за него (вообще-то, я его ненавижу-ня), но если госпожа узнает, она точно будет волноваться-ня... мне повезло, что госпожа спала, когда появилась вампир.

- Думала я, что господин вернётся, но надежда слаба. И теперь должна я терпеть твоё присутствие. Едо но катаки, о Нагасаки де уцу.

- ...

Даже я знаю, что она неправильно использует пословицу-ня.

Хотя я поняла, что она хочет сказать-ня.

Я не создана для такого, но посмотрим, получится ли у меня помочь ей-ня.

Не с пословицей, с человеком.

- Твой господин или как его там должен быть в руинах школы сегодня ночью, примерно в девять-ня. Встречается с женщиной-обезьяной-ня.

- Встречается? С Обезьяной? Что она может сделать в столь поздний час... ах, понятно.

Да, теперь понимаю, что даже мой господин обладает некоторым разумом. На Кайи не похожа она, знает о собственной наследственности.

- Наследственности?

- Ну... а то, что ты мне рассказала, и в самом деле новость. Ты оказалась полезна и заслужила мою похвалу. Я думала развлечься, выпив твою кровь, но в знак благодарности воздержусь я.

У неё в голове возмутительные мысли-ня.

Опасно-ня, опасно.

- Или наоборот, так бы я и выразила свою благодарность. Ты её стресс, и если я тебя поглощу, это для неё станет облегчением... в какой-то степени.

- Ха. Вынуждена отказаться-ня.

Если подумать, то так и есть, и, по сути, только благодаря ей госпожа была «спасена» в прошлые разы... но теперь всё немного иначе-ня.

Разница между мной сейчас и мной тогда.

Ведь у меня есть миссия-ня... не причина, которая подойдёт Кайи, а миссия, что-то, совсем Кайи несвойственное. Правда, я пока не знаю, какая именно.

Но какая-то точно есть-ня.

- Ха⁸, понятно. Ты новый вид Кайи, в которых ни я, ни гаваец не разбираемся особо... но давай тебя немного оценим. А именно - ты сейчас и ты ранее похожи на Терминатора и Терминатора-2.

- Этот пример очень легко понять-ня, но разве такими сравнениями должна пользоваться вампир?..

Она не отстаёт от жизни. Удивительно-ня.

Это ублюдок дал ей посмотреть фильм-ня?

- Как бы то ни было, высасывание твоей крови – лишь полумера, или, скорее, способ задержать тебя, не более. Отнюдь не панацея.

- Верно-ня.

Я согласилась-ня.

Я лучше всех знаю, насколько бесполезны «полумеры», грубые силовые решения-ня.

Кроме того... я не должна забывать-ня.

Хоть я и появляюсь столь открыто, я всего лишь внутренняя личность госпожи, так что мне не стоит так светиться.

Я должна быть осторожной.

⁸ Ka-ka!

И незаметной-ня.

- И всё же наружное и внутреннее... две стороны одной медали. Быть может, перегибаю палку я, но ты похожа на одежду унисекс. Маешься дурью ты, как и мой господин, или, скорее, вы – две дуры, друг с дружкой спорящие.

- Хм?

- Банальность сущая, которой твоя госпожа набивает себе голову, но эта является частью моих воспоминаний, имеет своё значение, так что замолчи и послушай. Анекдот о Наполеоне. Говорят, будто он спал по три часа в сутки.

- А...

И правда, эту историю госпожа знает-ня.

Вообще-то, она настолько известна, любой её знает-ня... даже этот необразованный ублюдок-ня.

Но история и правда крута, потому что она называет её «частью своих воспоминаний»-ня.

- Так что-ня? Это как-то связано с тем, как я просыпаюсь, когда госпожа спит-ня?

- Нет, я не хотела связывать эти факты. Но дальше ты слушай.

- Я слушаю-ня.

- В то же время, Император был знаменит любовью к приему ванн. Он принимал их по шесть часов в день. В наши дни он стал бы Сизукой-тян.

- ...

От Терминатора мы перешли к Дораемону-ня.

Как-то странно, что все её знания примерно на одну тему-ня.

- Об этом многое уже было сказано, но со временем даже Сизуку-тян взяли бы в оборот... вообще-то, ей уже не уйти. И раз уж мы заговорили об этом, вспоминается мне, каким опасным был эндинг того старого сериала, «Перман». Пако на весь экран демонстрировала исподнее... но думаю я, такие шоу всегда контролировались, ещё до того, как появились соответствующие законы. История печальна и поучительна.

- Прости, что перебиваю, когда ты делаешь вид, будто тебя это не касается, но именно для таких как ты и созданы законы и правила-ня.

Прошу прощения, но сейчас не время беспокоиться о господине Фудзико Фудзио.

- Верно, верно. Но заболталась я.

- Ага. Если ты меня ради этого заткнула, то это точно вырежут при редактировании-ня.

Но всё же, я не понимаю, что эта вампир пытается мне сказать-ня.

Для меня это примерно как «???»-ня.

То, как мало спал Император, и то, как долго он принимал ванны, - это известные истории-ня... не совсем анекдоты, если придирается к словам.

- Ладно. Когда я узнала об этих историях, то подумалось мне, - сказала вампир.

Очень театральным голосом.

- Да он же наверняка спит в ванной!

- ...

О.

Понятно, она пытается увязать две истории... если забыть о правде (согласно знаниям госпожи, Император даже работал в ванной), то это другая точка зрения-ня.

- Итак, соединив эти две, казалось бы, противоестественные наклонности, и подумав о них вместе, можно достичь удивительно логично заключения. Словно умножив минус на минус, чтобы получить плюс, ты добавляешь одну тайну к другой, чтобы достичь истины. Иначе, я хочу сказать, что то, что ты считаешь несвязанным, может быть неожиданным образом переплетено. Да, ты – Чёрная Ханекава, отрезанная от личности Ханекавы Цубасы, это верно... но никаких заметных отличий между вами нет.

«Таково моё убеждение», - сказала с ужасной улыбкой вампир.

- С моей точки зрения, Кайи и люди не так уж различны.

- Понятно... - услышав это, я одновременно расстроилась и почувствовала облегчение.

Я... такая же, как госпожа, ха.

Я уже знала это, я понимала это, я даже утверждала это... но вот кто-то другой сказал то же самое.

- Но в таком случае мне всё меньше и меньше хочется давать тебе пить мою кровь.

- Справедливо. Лучшая смерть – естественная смерть. И по мнению эксперта, и по мнению Кайи.

- Итак, вампир, - сказала я.

Я кое о чём подумала... после того, что она только что сказала, я кое о чём подумала:

- Если хочешь отблагодарить меня, как насчёт того, чтобы ответить на один из моих вопросов-ня?

- Не возражаю, но поспеши. Я должна скорее вернуться под моего господина. На часах девять, но его может не быть в том самом месте... скорее, или бесполезный глупец и правда погибнет.

Она выглядела так, словно её это не трогало, но, похоже, на самом деле она на стену лезла-ня. Так что я сделала, как она сказала, и перешла к сути дела:

- Ты знаешь Кайи-тигра?

- Тигра?

- Да, тигра-ня...

Тигра.

Млекопитающее семейства кошачьих, отряда хищных.

- Он прямо сейчас бродит по городу.

- О многих тиграх-Кайи известно мне. Лишь о немногих узнала я сама, но с учётом знаний гавайца...

«Больше чем о пятидесяти», - сказала вампир.

Ня-я-я-я...

Проблема-ня.

Я таких чисел даже не знаю-ня.

- Ня, я знаю, что госпожа знает... но в этом случае, мы не можем узнать, какой именно это тигр-ня. Я знаю, что он плохой, но когда дело доходит до истинной личности, я ничего не могу придумать...

- Да, даровать имя значит познать настоящую личность. Верно и для меня, Ошино Шинобу, и для тебя, Чёрная Ханекава. Не ведать имени, не видеть истинной формы – вот настоящий ужас. Ничто не пугает больше, чем то, что является ничем. Страх безликого общества возник не в наши дни. Нет ли больше примет, помимо того, что это тигр?

- Это большой тигр-ня.

- Многие тигры большие. Маленький тигр сказал бы больше.

- М-м-м, он очень быстрый-ня. Я моргнуть глазом не успела, как он меня обогнал-ня.

- Почти все тигры быстры. Неподвижный тигр сказал бы больше.

- М-м, и да, он говорил-ня.

- Говорил?

Вампир отреагировала-ня.

Очень явно-ня.

- Кайи в форме зверя, и всё же говорящий – редкость большая. Но я чувствую, что это лишь сгустило завесу тайны над его истинной формой.

С этими словами вампир встала.

Её ноги прилипли к потолку, поэтому мне кажется, «встала» - не лучшее слово.

И я думаю, что это было женственно или вроде того, потому что она умело поймала бёдрами юбку, прежде чем та упала-ня.

Но её светлые волосы свесились вниз-ня.

- В первую очередь, не могу я не знать о том, что таинственный Кайи блуждает по городу.

- Хм?

Верно, если подумать-ня.

Она может позволять мелкой мухе вроде меня делать все что в голову взбредёт, но если могущественная аномалия, вроде той штуки, ходит по городу, то она обязана привлечь внимание этой Королевы нежити-ня.

Этого хладнокровного, железнокровного, вспыльчивого вампира.

Все Кайи для неё – еда.

- Но сейчас ты не в лучшей форме-ня. Я не знаю наверняка, но раз человек в беде, и ваша связь разорвана...

- Тем паче. В столь затруднительном положении не могла я не заметить Кайи... это гром среди ясного неба. Доводилось ли видеть тигра раньше?

- Эм...

Нет.

Я видела, но раньше...

- Госпожа видела-ня. Потому видела и я.

- Следовательно – в этом, видать, и суть. Иначе - это Кайи, зримый лишь для вас двоих. Тигр, которого лишь вы двое можете видеть.

- ...

- Быть может, все так. Прости, что не смогла помочь.

«Я поразмыслию о том, как выразить благодарность», - сказала вампир, спокойно ходившая по потолку. Казалось, она собиралась выйти через окно. Видимо, она хочет в школу-ня.

«Пф-ф», - подумала я.

Она не смогла рассказать про настоящую форму Кайи, так что нет смысла больше подлизываться к ней, но-ня... я в самом деле потратила её время-ня.

В таком случае, я верну должок.

Это не ради того человека.

- Эй, вампир.

- Что, кошка?

- Я доставлю тебя туда-ня. Я доберусь до руин в мгновение ока-ня.

- ...

- Не будь столь настороженна-ня. Я знаю, ты не можешь сейчас летать, и твои прыжки не сравнить с полётом-ня. Для меня это не проблема. Но можно сэкономить минут тридцать.

- Ха⁹.

Вампир.

Хотя она и колебалась секунду (или скорее, выглядела так, будто совсем не хотела), она легко упала с потолка и приземлилась на пол, то есть, на кровать. Матрас был пружинистым, поэтом вампир отскочила и кувыркнулась, но в итоге приземлилась как надо.

- Могу я на тебя положиться?

Я подумала, что гордый вампир откажется от моего предложения, но она почти сразу приняла его-ня.

Думаю, это лишь доказывает, насколько всё серьёзно-ня.

Вот так-ня.

А если подумать... хоть она и сказала, что разрыв с тем человеком – не проблема, на деле это ужасные новости.

В смысле, это же значит, что тот человек лишился своего бессмертия-ня?

Судя по тому, как она ходит и сидит на потолке, её вампирские черты возвращаются – но если этот ублюдок лишится бессмертия, всё может закончиться плохо.

Разве не за счёт бессмертия он так долго выживал-ня?

И всё же.

- Да, можешь на меня положиться-ня.

Я кивнула.

⁹ Ka-ka!

- Я донесу тебя настолько близко, как смогу – так хочет госпожа-ня. Даже если этот человек в беде, она не хочет вмешиваться-ня.

- О? Не могу сказать, что это слова женщины, но это мудрое решение. Увы, она получила свою долю страданий и боли этой весной, и даже дважды. И из-за её самонадеянных и бездумных действий мой господин попадал в ситуации очень опасные.

- М-мм...

Я тоже вспомнила об этом-ня.

Я тогда не существовала, но у меня есть воспоминания-ня.

С моей точки зрения, она не втягивала его в эти ситуации, но в принципе, так оно и было-ня.

- Каждый неизбежно учится на своих ошибках. Делай, как хочешь. Ты уже достаточно помогла.

- Хорошо-ня.

Я взяла вампира на руки.

Несла её как невесту-ня.

Как только я её коснулась, включилось моё Поглощение Энергии, но вампир, похоже, не возражала-ня.

Какие нервы-ня.

Я открыла окно и поставила ногу на подоконник. Как обычно, я босиком, но-ня я могу почиститься, когда вернусь-ня. К счастью, в этой комнате есть эти салфетки, которыми люди чистят комнаты-ня (он любит убираться-ня).

Однако как вампир попала в комнату-ня? В голове мелькнула мысль, но, видимо, спрашивать об аномалии смысла нет, поэтому я не стала думать, а просто прыгнула.

Я полетела.

К элитной Школе Благородных Манер, но вампир и я не могли направиться к тому зданию-ня... хотя мы могли направиться к месту-ня.

Я нацелилась на тот район и полетела-ня.

Вот так вот.

Мы не могли добраться до него.

Когда мы приземлились, здания, которое должно было там быть, не оказалось.

Лишь горелые обломки.

Руины элитной школы, где прятались Арараги Коёми и Ошино Шинобу, где Ошино Меме жил несколько месяцев, место, наполненное воспоминаниями госпожи и Сендзёгахары Хитаги, Канбару Суруги и Сенгоку Надеко – сгорело дотла-ня.

052

Да что тут происходит?!

052?!

Мы за одну ночь помножили на два номер главы!

Как тут не волноваться?!

Я не могу закрыть на это глаза! Не могу, не могу!

Чем я во сне занималась?!

Что это было за приключение на двадцать пять глав?

Да этого на целый роман хватило бы!

- ...

И так далее.

Даже если забыть о нашей игре с четвёртой стеной, теперь, когда все зашло так далеко, даже мне это кажется неестественным.

Когда я спала в развалинах, ну, на это можно было не обращать внимания.

Я почувствовала нежную любовь к постели, над которой так много трудилась. Это переполняющее чувство к тому, что сделано своими руками, помогло мне заснуть крепким сном. Нет ничего удивительного в том, что после тяжелого дня, попав в дом Сендзёгахары-сан, я расслабилась и снова хорошо выспалась.

Утверждения кажутся противоречивыми, но если подумать о них вместе, то не так уж трудно согласиться с обоими.

Как и с двумя историями про Наполеона.
И неважно, когда я успела вспомнить те истории про Императора (едва ли я просто так их вспомнила...).

Крепко уснуть на постели Арараги-куна?
Я?
Полностью расслабиться?
Успокоиться?
Просто невозможно.

Я не хотела это признавать, но почувствовала напряжение, как только забралась в его постель – как ни постыдно, но я возбудилась и вообще не могла заснуть.

Я физически испытала то, о чём говорила Сендзёгахара-сан, когда рассказывала, что не может спать в постели отца. Поэтому я не могла вот так выспаться – особенно с учётом того, что на мне сейчас пижама Арараги-куна.

Можно сказать, я всем телом чувствовала Арараги-куна.

Девушке в таком состоянии нужно было бы уснуть навечно, чтобы выспаться. Конечно, я передергиваю, но в любом случае сон крепким быть не мог.

И всё же – чувство свежести.

Живительное утро.

Явно неуместное.

Явно подозрительное и странное.

Явно аномальное.

- Хм...

Я медленно поднялась и осмотрела себя. Если со мной что-то и случилось, то должны остаться следы.

Мне все приснилось?

Была ли это наглость или нет – я стала искать доказательства.

Что-то должно было остаться.

И я мгновенно их нашла.

Позаимствованная у Арараги-куна пижама. Помимо того, что она была насквозь мокрая от пота, от неё пахло землёй.

Запах земли сложно описать, поэтому лучше сказать, что она пахнет улицей.

- Во сне я выходила из дома?

Как лунатик?

Бормоча себе под нос, я согнула ноги, как будто делала растяжку перед пробежкой, и осмотрела их. В особенности стопы.

Ничего.

Просто ноги 38-го размера.

Красивые, чистые.

- Но... - сказала я, и мои глаза обратились к коробке салфеток на столе Арараги-куна (хотя лишь недавно этот стол стали использовать для учёбы).

Как и следовало ожидать, её положение изменилось.

Примерно на три миллиметра.

Я встала с постели и заглянула в урну рядом со столом. Так и есть, там лежали несколько использованных салфеток – испачканных в земле и песке.

Потом я посмотрела на свои руки.

Они были чисты, также как стопы, но... не под ногтями.

Под ними была грязь.

Ужасные ногти.

- Говорят, преступника можно вычислить по ногтями... в каждой шутке есть доля правды.

С этими словами я пошла к окну.

Наверное, я могла бы и по-другому выйти из комнаты, но если вспомнить о случившемся на Золотой Неделе, сомневаюсь, что потратила бы время на то, чтобы выйти через коридор и входную дверь.

Поскольку окно было ближе всего, оно было самым логичным выбором. И эта догадка подтвердилась сразу же - оно не было заперто.

Разумеется, перед тем, как лечь спать, я убедилась, что заперла его.

Это была очевидная предосторожность, после того, как я испытала на себе ярость Сендзёгахары-сан.

Другими словами, кто-то отпер замок, пока я спала. И, судя по тому, что в комнате никого, кроме меня, не было, открыла окно я сама.

- Не будем пока думать, преступница я или нет. Мне уже кажется, что я подозреваемая, которую детектив загоняет в угол.

Преступники, появляющиеся в детективных романах, ни за что не оставят столько улик – детектив тогда даже не заинтересуется. Он предоставит дело офицерам Скотланд-Ярда. Однако дела, где преступником была Бакенко, детективам пришлось бы по душе.

А фаталити провела поднятая подушка, когда я начала осматривать кровать.

Волосы растут постоянно, так что несколько отдельных волосков во время сна всегда выпадает. Беда была в том, что он был белым.

Белый волос.

Или нет... наверное, в этом случае лучше назвать его белый мех?

Да, это не волос человека, а мех животного...

- Вот оно что... я снова превращаюсь. В Мартовскую Кошку... в Чёрную Ханекаву.

Я не хотела верить в это или даже думать об этом, но, с учётом всех улик, бесполезно убегать от реальности.

Нельзя отрицать правду, как я делала перед Культурным Фестивалем, даже когда из моей головы вырастали кошачьи уши. Подумав об этом, я бросилась к зеркалу на столе. Всё нормально, не растут.

Пока не растут.

Я ужасно отвлекаюсь, но мне пришло в голову, что Арараги-кун, у которого на столе стояло зеркало, может быть нарциссом.

Какой странный юноша.

Ладно, продолжаем.

- Однако сейчас всё, помимо кошачьих ушей, довольно сильно отличается и от прошлого, и от позапрошлого раза. Нет предательских головных болей, и я возвращаюсь в норму, хоть Арараги-куна здесь нет.

Всё дальнейшее – чистые догадки, но скорее всего той ночью, которую я провела в развалинах, и той ночью у Сендзёгахары-сан я превращалась в Чёрную Ханекаву. Это лишь предположение, но я на девяносто процентов уверена в своей правоте. Только так можно объяснить чувство «свежести».

И всё же я превращалась обратно.

Становилась собой.

- Наверное, я привыкаю к превращению в Чёрную Ханекаву. Ведь Арараги-кун научился использовать своё вампирское бессмертие.

Бессмертие...

Интересно, почему это слово застряло у меня в голове... непонятно.

И всё же – что случилось, пока я спала?

Я уверена, что-то случилось.

Что-то очень важное...

- Но я могу понять, почему снова превращаюсь в Чёрную Ханекаву.

Пожар в моём доме.

Иной причины быть не может.

Чёрная Ханекава – воплощение моего стресса, моя внутренняя личность, справляющаяся с теми эмоциями, которых я не перенесла.

- И я не просто буяню, чтобы выпустить стресс, иначе следы были бы намного заметнее. Я почувствовала, что это, скорее, желание, чем наблюдение.

В любом случае, дыры в собственной памяти – это плохо.

- О нет... интересно, сможет ли Чёрная Ханекава справиться и с этим стрессом.

Включив дурочку, я начала переодеваться.

Нет смысла убегать от реальности, но подтверждение реальности Чёрной Ханекавы не изменило того, что в нынешнем положении я ничего не могла сделать. Так что я должна была идти в школу.

Ни Арааги-куна, ни Ошино-сана, с которыми я могла бы посоветоваться, не было.

Я могла бы прогулять, списав всё на переживания от пожара. Но теперь, когда я узнала, что спихиваю переживания на кого-то другого, я не могла так поступить.

И, если честно, я хотела узнать у Канбару-сан, смогла ли она встретиться с Арааги-куном и всё ли с ним в порядке. Не зная её телефонного номера или адреса электронной почты, я должна была пойти на прямой контакт.

- Думаю, можно спросить её через Сендзёгахару-сан, но она умна, так что может заподозрить, что я снова превращаюсь в Чёрную Ханекаву.

Нет.

Это же Сендзёгахара-сан, так что, наверное, она уже знает.

Я чувствовала, что она на что-то намекала...

Ладно.

Когда я переоделась...

- Ханекава-сан! – меня оглушил голос Цукихи с другой стороны двери.

О, нет.

Я говорила с собой на весь чужой дом?

Она слышала меня?

Хотя, похоже, дело не в этом.

- Ты проснулась? Если нет, просыпайся! Пора завтракать! – продолжала Цукихи-тян. - В доме Арааги принято завтракать вместе!

- Хорошо, поняла! – ответила я. – Я проснулась. Скоро приду.

- Хорошо! – прозвенел её милый голос, и я услышала, как она идёт по коридору.

Ха.

Я как будто разочарована.

Арааги-кун всегда обставлял все так, словно сёстры «избивают» его, а не будят, как будто это так утомительно. Но что утомительного в столь милом действии?

Блин, не стоит ему так себя вести.

Его послушаешь, так покажется, что его ломами во сне бьют.

Думая об этом, я ещё раз посмотрелась в зеркало. Держа контактные линзы в руке, я вышла из комнаты Арааги-куна.

Ня.

053

У них было заведено завтракать вместе.

...Хотя, насколько я знаю, Арараги-кун постоянно это правило нарушал, но мне сейчас нет смысла сопротивляться.

Наверное, он не хотел мне рассказывать, а я не хотела ему говорить, но похоже, что оценка расстояния между ним и его семьёй была для него чем-то странным. Он часто отдалял себя от Карен-тян и Цукихи-тян, однако даже мать с отцом не избегли этой участи.

Начнем с мамы.

Когда я пошла в школу – она дальше, чем средняя школа, в которую ходили Карен-тян и Цукихи-тян, поэтому мне нужно было выйти на полчаса раньше – я остановилась у входа, сказала: «Я ушла», и потянулась к дверной ручке.

- Ханекава-тян, - раздался её голос. – Я не знаю, что с твоей семьёй, и я не хочу тебя спрашивать, но, пожалуйста, не думай, что когда твоих родителей нет рядом, нормально говорить «я ушла», выходя из чужого дома.

- ...

- Мы считаем тебя гостем, но не можем стать твоей семьёй. Неважно, как сильно Карен и Цукихи хотят, чтобы ты стала их сестрой. Не пойми меня неправильно – ты нам не мешаешь. Карен и Цукихи тоже рады – и ты друг Коёми, так что мы сделаем для тебя всё, что сможем. Ведь судя по тому, что я от него слышу, из-за тебя он и начал учиться всерьёз.

- Вовсе...

«...нет», - ответила я.

Я не знаю, как это сказать, но мама Арараги-куна довольно сильно напоминала его, но мне казалось, её глаза принадлежали человеку, достигшему просветления.

Словно она чего-то добилась.

Я почувствовала, что понимаю, почему ему так тяжело даются отношения с матерью.

- Простите. Я заставила вас беспокоиться... но с моей семьёй ничего такого не случилось.

Мы просто, ну, можно сказать, что мы не ладим...

Можно сказать, между нами нет гармонии.

Можно сказать, мы искажены.

- ...вот и всё.

- Если родители не ладят со своим ребёнком, это почти преступление.

«Поэтому...», - сказала мама Арараги-куна.

- Всегда ищи помощь, если попадёшь в беду. Неважно, у общества или у Коёми. Он по-своему надёжен.

- Хорошо...

Я... знала это.

Я очень хорошо знала, насколько может быть надёжен Арараги-кун.

Я всегда знала... и всё же я изо всех сил старалась не полагаться на него.

Я жила, не полагаясь на него.

- Если семьи нет, это тоже нормально. Но если она есть, ты должна этому радоваться. Я в это верю. Как мать.

Как... мать.

- Ханекава-тян, бегство это нормально, если с тобой происходит что-то плохое. Но ты не убежишь, просто отвернувшись. Если ты говоришь, что всё хорошо, никто тебе не сможет помочь. Но как насчёт того, чтобы все-таки попросить помощи?

С этими словами мама Арараги-куна проводила меня. Довольно долгое получилось «будь осторожна».

Боже.

Мамы в самом деле могущественны... такое вот забавное впечатление у меня осталось.

Я чувствовала себя избитой.

Но это чувство не было плохим.

Мама.

Это было нечто, чего я не понимала даже в этом возрасте.

Я задумалась.

А чем я всё это время занималась?

Не только ночью, но и днём, и утром.

- Отвернуться не значит сбежать... да. Мудрые слова.

Во мне что-то перевернулось.

Эти слова больше подходили не Арараги-куну, а Ошино-сану.

И вот так я пошла в школу, продолжая обдумывать эту мысль. Но по пути я увидела то, от чего совершенно точно хотела «отвернуться»,

Нет, правда, я хотела развернуться и пойти в другую сторону.

Парень с золотыми глазами и такими же светлыми волосами шёл той же дорогой, что и я.

По росту можно было предположить, что мы ровесники. Но, судя по его детскому лицу, на котором не хватало следов взросления, чтобы назвать его юным, он учился в средней школе.

Однако для ученика средней школы его глаза, постоянно смотрящие вперёд, были слишком злыми.

Хотя, по сравнению с весенними каникулами, он заметно поработал над собой. Теперь он не тащил на себе огромный серебряный крест.

- Эм...

Я всерьёз подумала о том, чтобы свернуть, но он меня заметил.

Сказав «пф-ф», он осмотрел меня своими злыми золотыми глазами.

Наши взгляды встретились и мы уставились друг на друга.

- Ох, ох, ты... эм, как тебя там... да, я тебя чуть не убил. Хе-хе, это было забавно.

С этими словами, полувампир, охотник на вампиров Эпизод указал на меня с довольным видом.

- Здравствуй, - я слегка поклонилась. – Давно не виделись... Эпизод-сан.

Похоже, его не трогали все те сложные эмоции, которые захватили мою голову. Но мне было очень неприятно, и я ничего не могла с этим поделать. Мой голос чётко выдавал эти чувства.

Этого следовало ожидать.

Как он и сказал, относительно недавно – на весенних каникулах – он меня чуть не убил.

Да и не будет преувеличением сказать, что он убил меня – всё-таки он вырвал из меня половину внутренностей.

Изначально он прибыл в город, охотясь на Шинобу-тян, легендарного вампира, а в итоге сразился с Арараги-куном, ставшим подчинённым Шинобу-тян. Это был очень болезненный инцидент.

Я сама нарвалась, вмешавшись в дуэль двух мужчин, но и он не стал церемониться.

- Я слышала, вы вернулись на родину... зачем вы снова прибыли сюда, Эпизод-сан? – робко спросила я.

Мне подумалось, что он мог вернуться, чтобы ещё раз «искоренить» Арараги-куна или Шинобу-тян. Наверное, из-за него и пропал Арараги-кун.

Ошино-сан, как специалист, должен был об этом позаботиться. Но и Ошино-сан не всесилен.

Он мог ошибиться и выдать этих двоих – но вопреки моему вопросу, полувампир (солнце ему не вредит, он может ходить среди бела дня) улыбнулся и сказал:

- Это смешно, - после чего демонически рассмеялся. - Не называй меня «Эпизод-сан», я не в том возрасте, чтобы ко мне так вежливо обращались.

- А?

Но он был вампиром, пусть даже наполовину, разве не должна его продолжительность жизни в разы превосходить мою?

- Само по себе то, что я долго живу, не значит, что я старый. Ты смешная. Вообще-то, это секрет, но раз мне весело, я тебе расскажу. Ты на самом деле намного старше меня – мне сейчас шесть лет.

- Шесть?

Я не скрывала удивления.

Как будто ожидавший такого ответа Эпизод-сан... нет, Эпизод-кун лучился от счастья.

- В следующем месяце у меня будет день рождения и мне исполнится семь. Мой отец по вампирской линии очень быстро вырослел, и это передалось мне.

- ...

- В любом случае, не суди людей по внешности... впрочем, я и не «человек».

Эпизод-кун закончил разговор, так что я не могла проверить его слова.

Он как будто играл со мной.

И раз уж мы заговорили про внешность, я не столько хотела узнать его возраст, сколько хотела услышать, почему на нём была школьная форма с длинными рукавами, как и на весенних каникулах, хотя сейчас светит жгучее августовское солнце.

Наверное, будучи полувампиром, он не чувствовал тепла.

Понятно...

Так он не был учеником старшей или средней школы, он был первоклассником. Даже младше Шинобу-тян или Маёй-тян.

Можно даже назвать его «Эпизод-тян», а не «Эпизод-кун». Так получается, у него не детское лицо, а наоборот, он выглядит старше, чем он есть на самом деле.

Я не могла отделаться от ощущения, что просто так, без всякой причины, раскрыла скрытую черту одного из героев.

В голову лезли мысли об «ушедшем детстве».

- А где твой крест?

- А? Да. Эм. Я как-то выделяюсь, когда ношу его.

Хех.

Похоже, он наконец это понял.

- Так ты ответишь мне, зачем ты вернулся в этот город?

- А ты назойливая. Ну, я у тебя в долгу, так что отвечу, – сказал Эпизод-кун.

Похоже, он считал, что «пытался убить» приравнивается к «остаться в долгу».

Я почувствовала облегчение.

- Я понятия не имею, почему я здесь. Меня внезапно вызвали, и я прибыл на ночном автобусе...

- Ночном автобусе?

Как-то странно обычно.

Он что, турист?

- Ладно. Тебя вызвали?

- Да. Такое иногда случается. Я в какой-то степени свободный охотник на вампиров. Не как Драматург или Палач. Я просто наёмник, работающий ради выгоды, работаю на того, у кого достаточно денег.

- То есть ты берёшься за работу, не зная задания?

- Мне платят авансом. Кроме того, в этот раз я не мог отказаться. А задача – мне все равно. Ты указываешь мне на кого-то, кем бы он ни был, и я убиваю его до тех пор, пока от него мокрого места не останется.

- Так ты возьмёшься за убийство тигра?

- Тигра?

Удивительно, но лицо Эпизод-куна опустело.

- Эм, вообще-то, я охотник на вампиров, а тигр – это несколько... что, твой генерал дал тебе такой безумный приказ?

- Мой генерал?

Откуда он знает историю Иккю Содзюна?

Подозреваю, аниме, рекомендованное Министерством Образования, популярно даже за морем.

Хм.

В итоге, ответа я так и не получила (я хотела выбить из него ответ любым способом, но если он и правда не знал, я ничего не могла поделать), хотя почувствовала, что с ним было удивительно легко общаться.

На весенних каникулах между ним и Арараги-куном случилось многое, так что, хоть мы и общались лишь несколько минут, я заранее имела представление об Эпизод-куне. Но встретившись с ним под солнцем, я поняла, что он был иным человеком. Издалека казался журавлем, а на деле – не больше синички.

Он был разочаровывающе обычным мальчиком.

Хоть я и не могла видеть в нём шестилетнего, когда вот так общаюсь с ним, стоя на обочине, кажется, будто я просто говорю с мальчиком младше меня.

Белая школьная форма была просто продуктом его сознания.

- Но всё же. Ты – Ханекава Цубаса?

Похоже, в чём-то наши мысли совпадали.

- По сравнению с тем, что было раньше, кажется, ты стала нормальной.

- А?

Его слова, прямые, не приукрашенные, эхом раздалось в моём сердце.

- Потому что тогда я – даже «взглядом» вампира – не мог разглядеть, чем ты была. Я не о том, что ты постриглась или сняла очки, но о чём-то внутри тебя – раньше ты казалась, как бы сказать, пугающей, или что-то в этом духе. Но теперь это исчезло. Или можно сказать, вас разделили, не оставив шрамов...

- ...

Я знала, что он пытается сказать.

Я не думала об этом до тех пор, пока мне не сказали – всё-таки я, которую знал Эпизод-кун, была весенней мной.

Это была я до рождения Чёрной Ханекавы – я до того, как отрезала тёмную часть себя.

Потому... секунду.

Погодите-ка.

Стать нормальной или перестать пугать, это похоже на...

Кстати говоря, я вспомнила, что Карен-тян сказала мне в душе.

Ты не пытаешься строить из себя невесту что, Цубаса-сан... однако не то чтобы я не пыталась это делать, а, скорее, просто не могла. Я не могла этого делать, отрезав от себя личность, так что тут дело в...

Нет, нет.

Неправильно. Так даже хуже.

Не стоит развивать.

Вероятнее всего, такие мысли приведут меня к правде, которую я не хотела бы видеть.

- О...

Как будто забыв о своем якобы случайном замечании, Эпизод-кун потерял интерес к диалогу и смотрел куда-то мне за спину.

Своим вампирским взглядом или чем там еще.

Он увидел что-то за моей спиной.

- Вот и она. Та, кто позвала меня сюда, не говоря зачем. Ну, когда я ее спросил, оказалось, что она была подружкой этого гавайского ублюдка, Ошино Меме, когда он учился в университете. Я не мог отказать.

И я обернулась...

054

Она называла себя Гаен Изуко.

В одежде, явно большей по размеру, она казалась изношенной... конечно, после того, как я не смогла определить возраст Эпизод-куна, я не особо хочу делать догадки о чьём угодно возрасте.

Я бы поверила, если бы она сказала, что ей за двадцать, но если она семпай Ошино-сана, то ей должно быть, по крайней мере, не меньше тридцати, хотя, если честно, мне она показалась подростком.

Вообще, несмотря на всё вышесказанное, она выглядела настолько хладнокровной, что попытка определить её возраст казалась бессмысленной – вокруг неё витала атмосфера отчуждённости.

Если бы прекрасный шедевр упал прямо перед ней, она бы посчитала бессмысленным и безвкусным учитывать время, эру и место, где он был создан, и, возможно, даже не задумалась о его создателе. В ней чувствовалась решимость, не допускающая несогласия. И поэтому даже в изношенной одежде она казалась великолепной. А если бы обычный человек попытался надеть одежду размера XL, обладая телом S, показалось бы, что этот

человек обладает паршивым чувством стиля, но, честно говоря, на ней она смотрелась изысканно.

Хотя она носила повернутую на бок бейсболку и стоптанные кроссовки, они казались частью её личного стиля.

- Эй, Зод, ты так и не пришёл на место встречи, так что я решила пойти за тобой. И что я вижу - ты флиртуешь с какой-то девушкой. Простите, что вмешалась.

Это были первые слова, которые я от неё услышала.

Она произнесла их с очаровательной улыбкой.

Её манера речи казалась очень неподходящей... как будто она детально описывала свои же действия.

Казалось, она пыталась скрыть это ощущение своей улыбкой.

- Хм? О... И это...

Потом она посмотрела на меня.

- Ханекава Цубаса?

- О, да...

Она вспомнила меня до того, как я представилась... я опешила.

Конечно, я уже изрядно удивилась, как Эпизод-кун сказал, что она была семпаем Ошино-сана. И даже если она слышала обо мне от Эпизод-куна или Ошино-сана, она не могла узнать меня после того, как я постриглась.

По крайней мере, если у неё нет чего-то вроде вампирского «взгляда».

- Да, это я.

- Боже, какая неожиданность. Благодаря тому, что я в кои-то веки решила сделать что-то сама, мне представился шанс встретиться с тобой. Я очень рада, Цубаса-тян. Сомневаюсь, что Меме рассказывал обо мне, но меня зовут Гаен Изуко. Я была его семпаем. Он звал меня Гаен-семпай или просто «семпай», - сказала она.

У неё в самом деле была странная манера речи.

Вообще, это она так странно представилась.

- Я с ней не флиртую, Гаен-сан... я просто увидел знакомую из своих воспоминаний и решил пройтись по дорожке памяти вместе с ней, - сказал выглядящий недовольным Эпизод-кун (хотя меня удивило то, что он хотел *только этого*), но Гаен-сан ответила:

- Ну, теперь уже неважно.

И похоже, ей это правда было неважно.

- Когда нагуляешься, начнётся гонка со временем. Ёцуги скоро будет здесь, но мы не можем ждать.

- Ёцуги? Кто это?

- Тебе не нужно этого знать, Зод. Хотя это не всех касается, и это не касается меня. Ну, честно говоря, я думала, что приедет Меме или Дейшу. Но эти двое просто не могут усидеть на одном месте. Кстати, я ни капельки не желаю видеть здесь Ёцуру.

- Ты когда говоришь, думаешь только о себе. Прекрати выражаться так, будто все вокруг понимают, о чём ты рассказываешь.

Эпизод-кун не пытался скрыть недовольства, как будто её такая реакция не касалась.

- Цубаса-тян, - обратилась ко мне Гаен-сан. В её речи было слишком много свободы. – В обычной ситуации я бы попыталась влезть в вашу с Зодом беседу, может, даже купила бы вам обоим сока в автомате, если бы вы захотели, раз уж я тут одна взрослая, но ты слышала, в каком мы положении. Прости, но я заберу Зода.

- О... хорошо.

Я не возражала.

Напротив, если она заберёт его, то я вздохну от облегчения – с учётом всего, что я узнала, он всё равно был довольно страшным (вообще, я уже забыла о моменте смерти, но тело помнило - живот заболел), и я всё ещё стояла на дороге, ведущей в школу.

Проблем бы стало больше, если бы она предложила мне сок.

- Так что сейчас я не смогу помочь тебе с тигром. Придется тебе думать самой.

- А?

С тигром?..

Минутку... откуда она?

Она, наверное, услышала, что я говорила Эпизод-куну... нет, учитывая расстояние, вряд ли.

Вряд ли... хотя и в несколько иной степени, по сравнению с тем, как она угадала моё имя. И мне показалось, что это было не чтение мыслей.

Всё-таки, когда говорила с Гаен-сан, о тигре я не думала.

- Хм? С чего такой странный взгляд? Да, я знаю о тигре. Нет ничего, чего я не знаю.

- Ничего... чего вы не знаете.

- Ага, - сказала она. - Я знаю всё.

Она светилась от уверенности.

Как будто и правда знала...

Как будто она имела представление обо всей истории.

- Ладно, уверена, сегодня или завтра ваши дороги пересекутся. Скоро ты сама дашь имя Кайи несравненной, невиданной силы, Воспламеняющему Тигру. Но никто тебе не поможет. Никто тебя не спасёт. Потому что это твоя проблема. Не моя и не твоего любимого.

- О чём...

На «чём» я лишилась дара речи.

Любимого?

- Я об Арараги-куне. Ты же не будешь отрицать, что знаешь его?

Гаен-сан произнесла это так, будто это было абсолютно очевидно и общеизвестно... как будто кто-то кроме меня знал об этом.

То есть...

- Ты и правда ничего не знаешь, Цубаса-тян... - сказала она, укоризненно глядя на меня сверху вниз.

Словно она жалела меня... словно симпатизировала мне.

Словно смотрела на жалкого ребёнка.

- Ты даже не знаешь, что ничего не знаешь. Думаю, ты не ведаешь о собственном неведении невежества. Ха-ха. Я столько раз повторила «неведение», как будто говорю о твоём пышном теле. Пошло. Я сама худая, так что мне есть чему завидовать.

- ...

Но при этом, лучше не знать, чем знать, что ты не знаешь – даже безмозглое пугало сожалело о том, что знало о собственной глупости.

- О чём ты... - начала я. Мой голос дрожал.

Я не знала, почему он дрогнул.

Даже весной мой голос и тело так не дрожали.

- Да что ты... думаешь, что знаешь обо мне?

- Я знаю всё.

«Я знаю всё», - повторила Гаен-сан.

Снова и снова.

Как будто и раньше она много раз повторяла эту фразу.

Как будто она просто говорила «доброе утро» или «спокойной ночи» или «спасибо за еду» или «я закончила».

Повторяла.

Повторяла.

Повторяла.

- Я знаю, что ты ничего не знаешь. Но не стоит этого стыдиться, потому что никто в мире не знает всего. Все живут и, не ведая, лгут. Ты не исключение, ты не особенная.

- Не исключение... не особенная.

- Ты любишь, когда люди тебе об этом говорят, - сказала Гаен-сан.

Конечно же, как будто глядя на меня сверху вниз.

- Я знаю.

- ...

- И конечно, я знаю всё о том, что руины той элитной школы, того памятного для всех вас, включая Меме, места, сгорели прошлой ночью... а, и ещё раз - я говорю о том, чего ты ещё не знаешь. Верно, «я-ничего-не-знаю»-Цубаса-тян?

055

Канбару-сан отсутствовала.

В итоге я практически влетела в класс перед звонком. (Метафорически, конечно же, я ни за что не стану бегать по коридорам, я и так весьма, нет, очень подозрительно выглядела, двигаясь так, будто участвовала в чемпионате по спортивной ходьбе.) Поэтому я успела побывать только в классе Канбару-сан на перемене после первого урока.

- О, это Ханекава-сан.

- Это Ханекава-семпай.

- Это правда Ханекава-семпай!

- Та самая, о которой всегда говорит Канбару-сан.

- Это Ханекава-сан, одноклассница Сендзёгахары-сан.

- Нет, это Ханекава-семпай помогла Арараги-семпаю.

...Я обнаружила, что почему-то здесь была знаменитостью.

Мне захотелось закрыть лицо и сбежать, но я смогла заставить себя остановиться и спросить о Канбару-сан. Ответ указан выше.

Похоже, она ничего не сообщила ни учителю, ни подругам (хоть это и было довольно очевидно, но я всё равно была рада услышать, что у Канбару-сан были друзья среди одноклассниц).

- Канбару-сан очень прилежна. Она практически никогда не пропускает без уважительной причины... мы все очень за неё волнуемся.

- ...

Часто бывает, что один и тот же человек воспринимается разными группами людей по-разному, но между тем, как Канбару-сан воспринимали в классе, и тем, как её видели мы, находилась пропасть.

Нет.

Так, наверное, и должно быть.

Будет странно, если кто-то с чужой точки зрения будет смотреться одинаково – кто-то вроде меня.

Неочевидно.

И ненормально.

Та, кто всем вокруг кажется отличницей, ненормальна.

- Ты что-нибудь слышала, Ханекава-сан?

- Нет, - только так я смогла ответить. – Простите, но я ничего не знаю.

Похоже, эти слова прозвучали очень холодно, поскольку девушка посмотрела на меня с сомнением, и я, смутившись, сбежала из их класса.

Из-за этого, к несчастью для моего учителя, всё, что он говорил, влетало в одно ухо, и вылетало из другого – я всё-таки беспокоилась.

Арааги-куна, конечно, тоже не было. Что же случилось прошлой ночью?

Честно говоря, с самого первого урока ничего из рассказанного не задержалось у меня в голове. Услышав от Гаен-сан о том, что руины школы сгорели дотла, я не могла сохранять спокойствие.

Я не могла поверить, что место, которым мы так дорожили, не говоря уж о том, что там собирались встретиться Арааги-кун и Канбару-сан, поглотило пламя.

Естественно, после того, как я рассталась с Гаен-сан и Эпизод-куном, я проверила новости на телефоне и убедилась, что они не врал.

Там даже картинка была.

Я увидела фотографию голого бетонного здания, которое теперь напоминало кучу трухи – того самого места, где столько всего случилось.

Теперь оно исчезло из этого мира.

Я задумалась, что бы подумала Сендзёгахара-сан, узнав об этом. Но с другой стороны, сейчас было не лучшее время предаваться воспоминаниям.

Что же случилось прошлой ночью?

Всё ли хорошо с Арааги-куном и Канбару-сан?

Я так сильно беспокоилась, что не могла усидеть на месте.

И всё же... то, что я могла продолжать заниматься весь день, не сбегая из школы, означало, что я твёрдо верила - с ними всё хорошо.

Я нашла в себе силы убедить себя, что с ними ничего не случилось.

Поначалу я не была уверена, что могу поверить этому чувству.

Возможно, я просто верила в Арааги-куна и Канбару-сан - в то, что они справятся с чем угодно, а потому мне незачем волноваться.

Но не в этом было дело. Это даже учитывать не стоило.

Арааги-кун был парнем, на которого я не могла так смотреть. Он всегда лез в петлю и был склонен не столько к самопожертвованию, сколько к самобичеванию. Именно потому, что я так хорошо его знала, я не могла представить, что с ним всё в порядке.

И Канбару-сан, к сожалению, не была так близко со мной знакома, чтобы я могла поверить в её безопасность (а учитывая мои отношения с Сендзёгахарой-сан, она может

видеть во мне врага). Так почему я была уверена, что они в порядке – по крайней мере, в том, что они не стали жертвами пожара?

- Потому что я знаю, - пробормотала я.

Я возвращалась из школы.

Ну, не совсем «возвращалась», если быть точной – я шла не в дом Арараги, а решила заглянуть ещё кое-куда.

- Да, потому что я знаю... знаю, что пожар никак не связан с Арараги-куном и Канбару-сан.

Я знала.

Я не знаю.

Но я, которая не была мной, знала.

Скорее всего, вчерашней ночью, когда я стала Чёрной Ханекавой, я видела его и потому знала. Я знала, что эти двое в безопасности. Я знала, что после того, как Арараги-кун и Канбару-сан встретились, они ушли в другое место. Я знала, что их проблема с пожаром не связана.

Как и сказала Гаен-сан.

Я имею к этому отношение.

- ... Кроме того, пожар связан и со мной.

Три дня назад дотла сгорел дом Ханекава.

А вчера пылали школьные руины.

Всего за три дня... сгорели два здания, с которыми меня многое связывало.

Глупо думать, что эти события не пересекаются между собой.

Не говоря уж о том, что оба случая произошли сразу после того, как я встретила тигра – я не могла об этом не думать.

Кроме того, причина пожара в доме Ханекава была неизвестна, и из того, что я прочитала в новостях, также неизвестна и причина пожара в элитной школе. В обоих местах обычно нет и искры, потому логично было предположить поджог.

- Поджог...

У меня в голове возник худший из вариантов.

Вариант того, что я, будучи Чёрной Ханекавой, и была преступником. Другими словами, я – поджигатель.

Если вспомнить, насколько вопиюще жестока была Чёрная Ханекава во время Золотой Недели, этот вариант объяснял все.

Я совру, если скажу, что никогда не желала дому Ханекава «исчезнуть». И в данном случае, я не могу спорить, что это желание исполнилось.

Можно даже сказать, что вариант этот – один из самых правдоподобных.

Однако я почувствовала, что была неправа.

Нет, не в том, что это вполне могло случиться, а в том, что это был «худший» вариант.

Я не могла выразить это словами, но чувствовала, что худшая концовка ещё впереди.

Концовка, на которую я усердно закрывала глаза – словно она неустанно поджидала меня, широко открыв пасть.

Да, правда.

Меня поджидала неудобная правда.

И я шла по этому пути.

- Настало время развернуться.

Прямо сейчас.

Если я смогу закрыть глаза – отвернуться ещё ненадолго...

Если я смогу дожить до завтра, я смогу жить дальше, не столкнувшись с правдой.

Всё будет как обычно.

Я смогу продолжать быть Ханекавой Цубасой, которой всегда была.

Лучшим другом Арараги-куна, Ханекавой Цубасой – собой.

Я смогу остаться.

Без изменений.

- Н...

Но.

Но, но.

Я не знала, с чем боролся Арараги-кун.

Но он определенно с чем-то сражался – прямо сейчас, вместе с Маёй-тян и Канбару-сан, с помощью Шинобу-тян, рискуя жизнью, как и всегда.

А раз так, я тоже буду сражаться.

Если это значит не убегать, то я не закрою глаз.

Пришло время встретиться лицом к лицу – для меня.

И для моего сердца, отрезанного от меня.

Видимо, это именно такая история.

- Да... тигр.

В тот день, когда начался новый семестр, я шла в школу и увидела... того гигантского тигра.

- Всё это началось, когда я увидела тигра.

Так мне показалось.

Я не могла сказать наверняка.

Но я была уверена.

Я знала.

- Гаен-сан назвала его... воспламеняющий тигр?

С этого и начнём.

Я дошла до библиотеки.

056

В нашем городе была отличная библиотека. Количество книг в ней заслуживало похвалы. Наверное, из-за традиционных вкусов библиотекаря её полки были заставлены малоизвестными работами, а не бестселлерами, отчего библиотека становилась похожей на музей.

Отвлекусь. Когда Ошино-сан жил здесь, я часто брала отсюда книги (поскольку Ошино-сан нигде не прописывался, он не мог получить формуляр).

Но у библиотеки был большой недостаток: она закрывалась по воскресеньям. Когда была ребёнком, я всегда здесь ходила. Пусть я ни разу не садилась рядом со стеной этого здания, чтобы поучиться, все уроки жизни я получила здесь.

Всё то, чему меня не научили родители, я выучила в этой библиотеке.

Сама.

Недавно сюда часто захаживал поучиться Арараги-сан, но даже когда наступала очередь Сендзёгахары-сан учить его, я всё равно приходила.

Честно говоря, к тому моменту, как мне исполнилось пятнадцать, я прочитала большую часть местных книг. Но мне нравилась атмосфера этого места, поэтому я приходила сюда просто так.

Не говоря уж о том, что лучшего места для учёбы не найти.

И хотя это не «мой дом», здесь я могла расслабиться.

Конечно, сегодня я пришла не просто так – надо заняться исследованиями.

- Здравствуй, Цубаса-тян.

- Добрый день. Пойду осмотрюсь.

Поприветствовав знакомого библиотекаря, я начала с пяти знакомых книг, и села на кресло у окна, бывшее в какой-то степени моим личным местом.

Преобразование целых книжных шкафов в электронные базы данных ещё не затронуло это место, а значит, мне придётся листать книги одну за другой.

Все эти книги я уже читала, но память моя не идеальна, и вообще, на мою память в данном случае не стоит полагаться.

Всё-таки я смогла взять и отрезать от сердца все неудобные для меня вещи.

Вот что я сделала.

Говоря словами матери Арараги-куна, я закрывала глаза когда мне хотелось.

Даже события Золотой Недели забыты полностью, я не могу их вспомнить – нет, скорее я не хочу вспоминать.

Я оттолкнула болезненные воспоминания от себя.

Я толкнула их – на Чёрную Ханекаву.

...Потому на мои воспоминания, знания и даже мысли нельзя было полагаться – и всё же с этим надо было что-то делать. Если хотела продолжать свою бессмысленную борьбу, выбора у меня не было.

Строчку за строчкой, слово за словом, не закрывая глаз.

Мне ничего не оставалось, кроме как читать, выжигая слова на сетчатке.

- Хм...

Однако, несмотря на то, что я засиделась почти до закрытия библиотеки – несмотря на то, что я пролистала не только первые пять, но в итоге ещё пятнадцать работ специалистов, ни в одной книге не описывалось Кайи по имени Воспламеняющий Тигр.

Подумав, что я плохо расслышала, я поискала призраков с похожими именами – например, Пылающего Тигра, что казалось вполне возможно с учётом вызываемого им огня – но промахнулась (я нашла Водяного Тигра, но это, по сути, просто Каппа, вообще мне не нужный).

Пф-ф.

Такие благие намерения и такой жалкий результат.

Мне казалось, что я смогу просто-напросто найти нужную мне информацию, примерно как Ошино-сан... но вышло не так удачно.

Может, я специально пропустила это описание? Может, оно есть в одной из книг, но я, не желая знать, закрыла глаза...

- Но если начать так думать, я вообще ничему не смогу верить.

Нет.

В моём текущем положении вообще ничему нельзя верить. Я пыталась что-то с этим сделать.

Если ничему нельзя верить, я могу воспользоваться ненадёжностью.

Если библиотека бесполезна, я попытаюсь поискать в Интернете, но, честно говоря, у меня были сомнения, стоит ли это делать. Интернет хорош для того, чтобы узнать о сиюминутных событиях, но если начать копать в прошлое, то обнаружится море ошибок.

И что важнее, в вопросе историй Кайи Интернет был крайне слаб.

Учитывая всё это, наверное, я всё-таки смогу найти какую-то подсказку. И, раз планов и возражений больше не было, я так и поступила. Ошино-сан, не переносивший электронику, так бы не смог.

Войдя в библиотеку, я отключила телефон, видимо, придется искать на улице.

Приняв решение, я вернула взятые книги. Я не знаю, насколько мои воспоминания верны, но запомнить расположение всех книг в библиотеке было несложно.

- Ты сегодня одна, Цубаса-тян? – обратилась ко мне ещё один библиотекарь, не та, что встретила меня у входа. Она много раз видела меня с Арараги-куном. Похоже, женщина считала, что мы с ним встречаемся, и, поскольку Арараги-кун не замечал этого, я не торопилась поправлять её.

- Да, я сегодня одна.

Как я говорила, я часто бывала тут одна, но, похоже, не особо бросалась в глаза (по крайней мере, этой женщине).

- Хм. Уже пора закрываться, ты закончила?

- Да.

Я ничего не добилась, но я точно закончила с книгами.

Библиотекарь взглянула на книги, которые я несла к полкам, и пробормотала: «Тяжелые, наверное».

- Думаю, с приходом электронных книг люди забудут о весе. Впрочем, если до этого дойдёт, то и существование библиотек окажется под вопросом.

- Не уверена. Всё будет в порядке, пока электронные книги не перестанут быть просто изображениями. Книги есть книги, с весом и всем прочим... книги не плоские, они трёхмерные. Даже если электронный вариант войдет в моду, книгу делает переплёт. Точно также коллекционер фигурок никогда не скажет: «Мне хватит фотографий».

Мысль об электронных книгах была смешна.

Лучше рассматривать обычные книги и электронные как фильмы и книги – не как переход или прогресс, а как новый вид.

- Ну, надеюсь.

Будто не желая вступать в глубокую дискуссию со старшеклассницей, библиотекарь засмеялась, а затем посмотрела на корешки моих книг.

- Интересуешься призраками? – озадаченно спросила она.

Это не те книги, которым посвящает себя изысканная старшеклассница, так что, наверное, было чему удивляться. Более опытные библиотекари уже знали о моём (беспорядочном) вкусе, но эта женщина была новенькой.

- Да, немного – это для школы.

Конечно, я не могла объяснить всего, так что ушла от вопроса расплывчатым и неинтересным ответом.

- В таком случае, в разделе Новых Книг есть кое-что. Уже читала?

- Нет... ещё нет.

Действительно, там я ещё не смотрела.

- Сейчас уже нет времени на чтение, но ты можешь взять книги с собой.

- Да, так и сделаю

Хотя я это и сказала, ничего особенного я не ожидала.

Так не бывает – информация о Кайи окажется в последней книге, на которую я не обратила внимания, но, с другой стороны, попытка не пытка.

Я взяла указанную мне книгу и вышла из библиотеки.

- Хм? Минутку. Новая... книга, ха.

Новая книга – новый вид.

Когда я сунула взятую книгу в сумку, мне кое-что пришло в голову – хотя странно говорить «пришло в голову».

Гаен-сан сказала это в самом начале.

Кайи, которому я сама дам имя...

- Если на него нет ни единого намёка... может ли быть, что, как и Чёрная Ханекава, этот тигр – новый вид Кайи?

057

Соломинка, переломившая спину верблюда.

Ключевое слово в буквальном смысле стало ключом. Когда я это поняла, россыпи отсылок стали не нужны.

Вообще, я должна была догадаться ещё тогда, когда впервые услышала слова Гаен-сан.

Да, мне не нужно было идти в библиотеку, потому что эти слова я могла найти в учебнике средней школы – идиому, которую любой слышал хотя бы раз.

Нет тигра яростнее, чем тот, что разжигает тиранию.

Строка из Книги Обрядов¹⁰, Тангон 2.

¹⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8_%D1%86%D0%B7%D0%B8

Я не уверена, что в этом есть необходимость, но, чтобы освежить память, вспомним историю.

Жила-была женщина, свёкра и мужа которой съели тигры-людоеды, а потом их жертвой стал её сын. Когда её спросили, почему она не уедет, женщина ответила:

- Лучше жить в стране безжалостных зверей, чем в стране, которой правят тираны.

Под словом «тираны» в данном случае подразумевалось тяжелое бремя налогов и воинской повинности.

Если всё так, как сказала Гаен-сан, и я назову этого тигра Разжигающим тигром – то, несомненно, эта фраза является первоисточником. Потому что когда я впервые услышала эти слова в начальной школе, я почувствовала, что это «вовсе не так», и не смогла понять их.

Любые правители лучше тигров-людоедов, думала я.

Я так думала не потому, что была ребёнком, неспособным осознать скрытый смысл текста. В то время наиболее неприемлемыми, наиболее непонятными для меня были чувства матери, женщины, которая заставила следовать своей идеологии не только свёкра и мужа, но даже собственного сына.

Конечно, теперь, узнав о всех формах правления, намного более жестоких, чем тигры, я не могу сказать, что не понимаю её чувств, – но ощущение того, что я всё же чего-то не прочувствовала, так и осталось.

- Поэтому я думаю, Разжигающий тигр – это не сокращение от «нет тигра яростнее, чем разжигающий тиранию». Это «тигр, яростнее того, что разжигает тиранию», то есть тиран среди тигров. Что скажешь? - спросила я.

Выслушав мою гипотезу на том конце телефонного провода, Сендзёгахара-сан на миг замолчала, а затем произнесла:

- Что-то я в этом сомневаюсь.

Очень прямолинейный отрицательный ответ.

- Мне кажется, тебя водят за нос. Эта Гаен... То есть, это не ты дала имя Кайи, а она.

- Ну, да.

Это сложно объяснить.

Мне показалось, что Гаен Изуко, назвавшей себя семпаем Ошино-сана, не считает нужным вдаваться в подробности – честно говоря, даже я, встретившаяся и поговорившая с ней, не смогла полностью её понять.

Я никогда не смогу объяснить это.

Однако у неё просто не было повода водить меня за нос – в отличие от случая с Сендзёгахарой-сан и огненными сёстрами.

Для неё я была частью массовки.

- Как мы можем понять её? Может, она врёт. Или может быть, у неё есть какая-то скрытая цель.

- Скрытая цель?

- В любом случае, не исключено, что она как-то связана с Канбару.

- А?

Я была ошарашена.

Не думала, что в нашем разговоре появится Канбару-сан.

- Насколько я помню, Гаен – девичья фамилия матери Канбару. С средней школе я часто слышала, что её называли Гаен Суруга. Насколько я знаю, имя ее матери - Тое. Я ничего не смогу сказать, пока не спрошу прямо, но я готова биться об заклад, что это не просто совпадение.

- Верно...

Суруга, Тое, а теперь Изу – странно не заподозрить связь.

Не очень популярные имена.

- Кроме того, Канбару сказала, что она унаследовала обезьянью лапу от матери – и в этом случае, Гаен кажется весьма подозрительной.

- Ага... ну, я и сама не сказала бы, что она открытой души человек.
Я в самом деле так думала.
Не только потому, что казалось, будто она может командовать Эпизод-куном, или потому, что она верно угадывала разные факты обо мне.
«Нет ничего, чего бы я не знала».
Вот это.
Эта фраза пронзила моё сердце.
Как шип.
Как кол.
- Кстати говоря, разве «Гаен» не значит «пожарный»? Будет круто, если она и окажется виновницей пожара в твоём доме и в руинах школы. Какая ирония.
- Да нет, конечно.
Ирония?
Вряд ли.
- Кстати, Сендзёгахара-сан, ты пыталась связаться с Канбару-сан?
Сендзёгахара-сан не знала о пожаре в руинах школы до того, как я рассказала ей об этом, но она наверняка беспокоилась о здоровье своего драгоценного кохая. Учитывая, сколько свободного времени образовалось у неё из-за «гриппа», наверняка она уже попыталась что-нибудь выяснить.
- Пыталась, – Сендзёгахара-сан поступила так, как я и ожидала.
Узнаю инициативную Сендзёгахару-сан.
- Но ничего не вышло – меня перекинуло на службу голосовых сообщений, так что её телефон выключен или вне зоны. Конечно, от них не было ни весточки – они в самом деле из тех детей, которые, поступив в университет, не возвращаются домой даже на Новый год.
- Это будущее почти наступило.
Почему-то я чувствовала, что эти двое так и поступят.
Интересно, смогут ли они оставить свои дома?
Особенно Арааги-кун.
Мне показалось, что сёстры его не отпустят. Даже если он скажет им, что переедет в общежитие, его ждёт судьба главного героя Мизери¹¹.
- Ну, если Арааги-кун и Канбару-сан смогли встретиться, едва ли они сделают что-то безрассудное... но кто их знает. Раз уж мы заговорили об этом, наверное, Гаен-сан приехала в город из-за Канбару. Другими словами, Арааги-кун и этот мальчик-полувампир могут снова сойтись на боле боя... эх.
«Да о чем он думает?» - вздохнула Сендзёгахара-сан.
Хм. Я не смогла найти слов утешения.
Хотя у меня, конечно, было своё мнение, но Сендзёгахаре-сан, видимо, было больнее.
- Ладно, неважно.
Похоже, ей приходилось сдерживаться и проглатывать много вещей, которые вертелись на языке.
Её выносливость ужасна настолько же, насколько страшна инициативность.
Подозреваю, именно этого стоит ожидать от девушки, которую Кайи сопровождал больше двух лет.
- Я не очень люблю терять вещи, но я умею ждать – так что я дождусь их возвращения, как настоящая леди.
- Ага.
- И оторвусь на них по полной, когда они вернутся.
- А?
И это тоже «как настоящая леди»?

¹¹ Роман Стивена Кинга.

Арааги-кун и Канбару-сан – из огня да в полымя.

- Забудем об этом, у нас есть проблемы посерьёзнее. Вернёмся к главному вопросу, – сказала Сендзёгахара-сан. Они в беде, но и нам не легче – Разжигающий тигр, говоришь? Предположим, мы рискнём и поверим этой Гаен-сан.

То, насколько она выделила слово «предположим», было связано с собственным опытом, когда её обманули пять человек. Кстати говоря, одним из них был Кайки Дейшу, который, как и Ошино-сан, был кохаем Гаен-сан.

- Лично мне название «Разжигающий тигр» навевает мысли о «прошлом»¹².

- Прошлом?

- Да. Но круче был бы Пылающий тигр. Его можно увязать с «травмой»¹³.

- Травма?

- О, нет, прости, плохой каламбур...

«Не очень оригинальный», - смущённо сказала Сендзёгахара-сан.

Обычно она вставляла такие каламбуры по любому поводу, как будто это было её любимым занятием. Но каламбур, высосанный из пальца, звучал чудовищно.

Однако я поняла, что она пыталась сказать.

Прошрое... и тигр.

- Ладно, не время шутки шутить.

«Хотя никто и не смеётся», - сказала она чрезмерно серьёзным голосом.

- Забудем про имя и забудем о том, новый ли это вид Кайи. Он же опасен? Всё-таки, в отличие от моего краба или улитки Маёй-тян, его действия направлены наружу, а не вовнутрь, как и у левой руки Канбару....

- Что ты имеешь в виду?

- Что ты имеешь в виду, что я имею?.. Что тут непонятного? – раздражённо сказала Сендзёгахара-сан, но я в самом деле не понимала.

Что она хочет сказать?

Я позвонила, просто чтобы узнать её мысли о названии «Разжигающий Тигр», которое мне подсказала Гаен-сан (хоть и несколько загадочным образом) – и видя, насколько Сендзёгахара-сан отрицательно к этому отнеслась, я начала успокаиваться.

- Да о чем я... И твой дом, и руины школы сгорели.

- Да. Ну, к сожалению, нет никаких доказательств того, что Тигр с этим как-то связан...

- Это неважно. Помимо макроскопической, долгосрочной общности мест, которые ты хорошо знаешь, нет ли более микроскопической, краткосрочной связи?

- Чего?

Несмотря на то, что она всё это выговорила, я по-прежнему не понимала.

Нет, наверное, все же понимала.

Но я...

Закрывала глаза.

- Пожары начались на следующий день после того, как я встретила Тигра...

- Нет, - сказала она.

Видимо, ей сложно произнести это вслух – она хочет, чтобы я сама догадалась... но Сендзёгахара-сан высказалась сама:

- Разве места, где ты спала, не сгорают одно за другим?

- !..

- Другими словами, если так пойдёт и дальше, не сгорит ли этой ночью мой дом или дом Арааги-куна?

Её голос казался безразличным.

Но угроза была вполне реальной.

¹² И то и другое читается как «како» - прошлое, но пишется разными иероглифами.

¹³ Читается как «Тора» и «Тораума»

058

Я сидела на скамейке в парке, когда позвонила Сендзёгахаре-сан. Кстати говоря, именно в этом парке впервые встретились Арараги-кун и Маёй-тян.

И кстати, именно здесь Арараги-кун и Сендзёгахара-сан стали парой, так что для них это место было даже более памятным, чем руины школы. Конечно, для меня это место ничего не значило – это был просто парк рядом с моим домом, находившийся посреди моего обычного прогулочного пути. Поэтому я без задней мысли просто села на скамейку, чтобы позвонить.

Думая, что неплохо бы сходить посмотреть на останки сгоревшего дома Ханекава, я пошла туда, но, на полпути потеряв самообладание, решила позвонить Сендзёгахаре-сан.

Или, скорее, не столько потеряла самообладание, сколько решила закрыть глаза, но теперь я не понимала, что значит «закрывать глаза».

Я не запуталась.

Я была озадачена.

По правде, Сендзёгахара-сан указала на кое-что, что мне в голову не приходило – но, как она и сказала, я должна была это заметить сама, без её подсказок. Хотя мне и понадобилось немного изменить восприятие, чтобы счесть дом Ханекава «местом, где я недавно спала» (поскольку спать в своём доме абсолютно естественно), но я должна была подумать и о руинах школы как о «месте, где я провела прошлую ночь».

Он сгорел, потому что я была там. И хотя я об этом не думала, переночуй я там еще раз, сама бы сгорела – вот чего я должна была испугаться.

И тем не менее, эта мысль мне даже в голову не пришла, и дело было не в слабой фантазии.

Я просто закрыла глаза.

Я отвернулась от реальности.

Вот что, наверное, случилось.

Вот что, вероятно, случилось.

Пусть так, я просто не могла принять предположение Сендзёгахары-сан на веру, поскольку не располагала твердыми фактами.

Нельзя делать логический вывод по двум частным случаям.

Но в то же время я не могу позволить себе ждать третьего или четвертого.

Завершив разговор с Сендзёгахарой-сан, я направилась к своему сгоревшему дому – однако, вопреки моему предположению, там ничего не было.

И снова - поразительное отсутствие чего-либо.

Не было даже зевак. Это было не просто выжженное поле, выглядящее так, словно пустовало последние пятнадцать лет, и не сцена преступления, оцепленная заборами и полицейскими лентами – это было пустое место.

Ничего не было – и я ничего не чувствовала.

Я не могла полностью довериться ощущению «ничего не чувствовала», я не просто жила на этом куске земли, но жила в доме, который стоял тут, так что могла бы хоть наполовину принять ощущение на веру.

Да, без сомнений.

Здесь ничего не было.

- ...

Понимая, что привлеку ненужное внимание, если останусь здесь, я постояла минутку и поспешно удалилась.

«Разве места, где ты спала, не сгорают одно за другим?» Другими словами, если так пойдёт и дальше, не станет ли жертвой пожара дом Арааги-куна и дом Сендзёгахары-сан?

Даже после картины сгоревшего дома теория Сендзёгахары-сан казалась мне несколько натянутой – однако ее слова напомнили мне другой случай.

История Яои Осити.

Влюбившись в юношу, которого она увидела в большом пожаре, она попыталась сжечь собственный дом, чтобы встретиться с любимым ещё раз – хотя это была ужасная мысль.

Если такая придёт в голову, дрожать надо не от возбуждения, а от ужаса. Но я не могла побороть чувство, что для влюблённых это нормально.

Осити родилась в год Хиное Умы, Огненной Лошади. Энергичность и ум женщин, рождённых в этом году, стали не столько народной сказкой, сколько поверьем, или, скорее, предубеждением.

Такие чувства могли овладеть кем угодно.

И кто угодно мог родиться в этом году.

Тем не менее, в названии «Огненная лошадь» крылся глубокий смысл.

Ну, если честно, я знала, что оно ничего не значит.

- «Ума».

Значит «лошадь».

Как это ни постыдно, но в голову мне пришло слово «травма», напомнив о каламбуре Сендзёгахары-сан. Почти половина народных сказок создана на основе каламбуров, как и Хиное Ума создана из «пожар сводит лошадь с ума».

Лошадь и тигр – вместе будет «травма».

Повреждение психики.

- Если учесть все вероятности, мне есть о чём подумать – но пока рано делать выводы.

Однако я почувствовала, что один вывод всё же скоро сделаю.

Проблема состояла в том, смогу ли я принять этот вывод. Какими бы натянутыми ни были допущения, я не могу успокоиться после предположения о том, что дома Сендзёгахары-сан или Арараги-куна могут сгореть.

Да, конечно.

Пора со всем этим покончить.

С этой историей о пожаре – историей обо мне.

- Эм, простите.

Расстояние между домом Ханекава (его останками) и домом Арараги-куна было так велико, что я могла бы сесть на автобус, но в итоге решила прогуляться.

Поскольку у меня был запасной ключ, я могла зайти, не пользуясь домофоном (мне доверяли), но, естественно, меня это нервировало. Я не могла вести себя подобным образом, пусть мне и позволили считать это место собственным домом.

И всё-таки – «собственный дом»?

Я даже не знала, что это такое.

И что ещё хуже, я даже себя не знала.

Мои спальные места сгорали одно за другим, и я сомневалась, что мне стоит возвращаться в дом Арараги-куна, но раз уж я провела тут одну ночь, уже слишком поздно – «а значит, можно вернуться», сказала извращённая логика, обитавшая в моей голове.

Но...

Но оттого, что мне требовалась логическая причина, чтобы вернуться к себе домой, от бедности моего сердца, мне чуть-чуть захотелось умереть.

- Добро пожаловать, Цубаса-сан. Что-то ты долго! Где была?

Карен-тян вышла из гостиной, чтобы поприветствовать меня. Однако я чувствовала себя несколько неуютно, потому что не смогла ответить на её «добро пожаловать».

- В парке неподалёку. Засиделась.

- А.

- Арараги-кун не выходил на связь?

- Нет. Он не понимает, что пора прекратить прожигать свою жизнь. Когда он вернётся, я выбью из него всю дурь.

С этими словами Карен-тян ударила воздух.

Ненужный великолепный двойной удар.

Похоже, даже если Арараги-кун справится с нынешним делом и вернётся здоровым, его будут ждать не меньше двух испытаний, которые ещё придётся преодолеть.

Ну, не стоит говорить так, будто меня это не касается.

Я тоже... хотела бы высказать ему всё, что думаю.

Но это я смогу сделать, только если решу свои проблемы заранее.

Я тоже хотела стать испытанием, которое ему придётся преодолеть

- Ладно, кого волнует брат, который никого не волнует? Я тебя ждала, Цубаса-сан. Можно сказать, я уже заждалась. Или стоит сказать, что я устала ждать.

- Это, вообще говоря, одно и то же.

- Цукихи-тян уже пришла, так что давай поиграем! Мы уже приготовили колоду карт в гостиной.

- Карт?

Не игровую приставку?

Весьма неожиданно.

- Прости, Карен-тян. Мне нужно кое о чём подумать...

- Ладно тебе, забудь.

Когда я махнула рукой, пытаюсь отказаться от её предложения, Карен-тян схватила меня и силой потащила в гостиную.

- Эй, я не могу просто так...

- Людям лучше ни о чём не думать.

- Что это за логика такая?!

- От логики и всего такого голова болит. Человек – это «мыслящий тростник»? Почему нельзя быть немыслящим тростником?

- Очень смелое заявление!

Но «немыслящий тростник»? Разве это не просто тростник?

И тебя это устраивает?

- Быстрее-быстрее. Тебе со мной не справиться.

- Постой, ладно, я поняла, поняла, просто... просто дай мне разуться! Мы поиграем в карты, поиграем!

- Ура!

Карен-тян обрадовалась.

Какая же она невинная.

У меня правда не было времени на карточные игры, не тогда, когда мне было о чём поразмыслить, или, скорее, когда мне нужно было подумать – так что, наверное, мне всё же стоило отказаться от такого настойчивого предложения.

Однако я не сделала этого, потому что сама поняла, что думать бесполезно. Хотя и не могла принять идею «немыслящего тростника» Карен-тян.

Быть тростником – это ужасно.

Но... было ужасно и то, что я была одинаковой - и когда думала, и когда не думала.

Всё-таки неважно, сколько я буду думать, сколько я буду размышлять или что я осознаю – если это будет для меня неудобно, я просто закрою глаза, отрезав это от сердца, и в итоге забуду об этом и не смогу даже вспомнить.

В этом случае я могу поступить так же, как Сендзёгахара-сан – подойти к проблеме с чистой головой, готовясь ухватиться за каждую подсказку.

Здравый смысл подсказывал, что не стоит вовлекать учениц средней школы Карен-тян и Цукихи-тян, но навредить могла любая странная сдержанность. И кроме того, если я хочу поговорить об огне, более подходящих людей не найти.

Они были Огненными Сёстрами Цуганоки №2.

Подсказка была прямо в их именах.

059

- «Огонь»? Что приходит мне в голову при слове «огонь»? Ну, что же ещё - разумеется, огненное сердце, пылающее в моей груди! – чуть задрав нос, ответила Карен-тян.

Судя по тому, что она вообще не сомневалась перед ответом, она давала его уже много раз.

Ответ прозвучал даже быстрее, чем я ожидала.

Казалось, будто она ответила ещё до того, как я задала вопрос.

- Короче говоря, страсть.

- Хм...

Когда она сказала про карточные игры, я решила, что мы будем играть в покер, блэкджек или преферанс, но в итоге Цукихи предложила строить карточные домики. Победит тот, кто построит самую высокую башню за меньшее время. Мне больно это говорить, но игра была скучной. Мы, по сути, играли в кубики, и пространство для творчества почти отсутствовало. По крайней мере, я сильно сомневаюсь, что в такую игру люди играют вместе – возможно, именно это называют «разрывом между поколениями». Хотя в данном случае я не могла быть небрежной. Так что я начала строить треугольник из своих карт и под видом невинной болтовни расспрашивать сестёр.

- А что приходит в голову при слове «пламя»?
- Горячие чувства, становящиеся ещё горячее! – объявила Карен-тян.

Она в самом деле не сомневалась.

- Это правосудие. Одним словом, правосудие.
- Хм, понятно.

Я неуверенно кивнула.

И напротив, я сама начала сомневаться.

Это можно посчитать согласием.

- Поэтому вы называете себя «огненными сёстрами»?
- Да! – эмоционально прокричала Карен-тян.
- Другими словами, Огненные сёстры – сестры правосудия!
- Технически, всё совсем не так.

Цукихи-тян, сидящая подле неё, с готовностью опровергла слова Карен-тян. Опровергла с улыбкой.

Какая безжалостная.

- Нас называли Огненными сёстрами, потому что в наших именах есть «огонь». Настолько банально, что даже грустно. Нас так звали с начальной школы. Даже перед тем, как мы стали трудиться на благо правосудия.
- Вот как?

Карен-тян наклонила голову.

Её воспоминания, похоже, были довольно расплывчаты.

Ну, история была примерно такой, как я и ожидала, но судя по тому, что не они сами дали себе такое имя, они всё же стояли на ступень выше, чем «Дуэт Вальгаллы».

- Мне, кстати, «огонь» и «пламя» напоминают о любви.
- Любви?

В сущности, историю Яой Осити, хоть в середине она и отклонилась от этой темы, тоже можно считать основанной на любви – всё-таки не оттуда ли идёт выражение «разжечь пламя любви»?

Кстати говоря, Цукихи-тян строила свою башню невероятно быстро. Её мастерство в тонкой работе потрясло воображение.

Похоже, у нее была нечеловеческая концентрация.

Вообще-то я начала играть в ассоциации «огня» сама с собой ещё по пути из парка... но играть одной бессмысленно.

Я не смогла придумать ничего, кроме «красный», «тепло» и «цивилизация», но всё это было далеко от цели.

Скорее всего, я не добилась результата из-за ограничений в образе мышления одного человека – видимо, у меня отсутствовало воображение – что, впрочем, почти ничего не объясняло.

Наверное, я намеренно уклонялась от важных слов.

Мои мысли развивались, не замечая подсказок.

Поэтому вместо того, чтобы думать самой, я переключилась на поиски ответа во время игры с Карен-тян и Цукихи-тян...

- Любовь... угу.

Это слово не ассоциировалось у меня с «огнём» - даже если бы я вспомнила про историю Осити – но, как и с правосудием, всё стало ясно не сразу.

И всё же казалось, будто я ищу не там.

- Ага!

Цукихи-тян очень мило кивнула мне.

- Возможно, ты не знаешь, Ханекава-сан, но мы, Огненные сёстры, работаем не только на благо Правосудия. Мы принимаем запросы и по любовным делам.

- Правда?

Впервые я об этом слышу.

Арараги-кун всегда заострял внимание на «союзницах правосудия», так что мне казалось, что именно этим они и занимаются. Но если подумать о том, каким уважением они пользуются среди учениц средней школы (что само по себе поражает), именно любовные консультации – их основное занятие.

- Ага. Даже братик иногда обращается к нам за помощью.

- Арараги-кун?

Понятно.

Так ты просил совета у собственных сестёр в своих любовных похождениях, Арараги-кун...

Печально.

- Точно. Это было примерно в мае.

Услышав слова Цукихи-тян, Карен-тян попыталась что-то вспомнить.

- Он спросил нечто вроде «что значит любить кого-то», какой-то детский вопрос.

- О... наверное, он обсуждал с вами Сендзёгахару-сан?

Если не учитывать точность воспоминаний Карен-тян, именно про нее он и спрашивал.

Их первое свидание произошло в том парке на День Матери...

Хотя я думала, что началось это раньше.

Что?

Почему мне это показалось таким неестественным?

Я почувствовала облегчение, как будто у меня не было воспоминаний того времени – или скорее, я добралась до возможного заключения, закрыв доступ к остальным мыслям.

Я снова... на что-то закрывала глаза?

- Хм, не уверена. Давно это было, я уже не помню, что говорил братик. Даже ответа своего не помню.

Тон Цукихи казался очень мягким для столь сухих слов.

Однако мне показалось, что она не столько забыла, сколько не хотела говорить.

Вообще, когда Цукихи-тян услышала мой вопрос, на ее лице появился намёк на подозрение. Может, я преувеличиваю, но казалось, будто она озадачена.

Будто она проводила какие-то сложные измерения.

Очень может быть. Естественно, если человек, чей дом недавно сгорел, спросит об ассоциациях со словом «огонь», сознание Огненных Сестёр обнаружит в этом что-то подозрительное.

- Ярость тоже наводит на мысль об «огне», примерно так Карен-тян говорит о правосудии. Для Карен-тян, правосудие – это ярость.

- Верно! – вновь прокричала Карен-тян.

Так громко, что её башня рухнула (хотя в ней и было всего два этажа).

- По сути, ярость – это пламя, а это справедливость!

- В любом случае, думаю, Карен-тян и я определяем «пламя» как «страсть».

- Страсть...

Хм.

Конечно, выражения вроде «холодное правосудие» или «леденящая любовь» такого же уровня, как шанс встречи на разделочном столе зонтика и швейной машинки, но, по крайней мере, я могу понять, к чему вела Цукихи-тян...

Что для меня значит «страсть»?

Тепло... нагретый... горячо... бесполезно.

Казалось, будто я никогда не попаду в цель.

- Что значит «в любом случае»? Страсть и справедливость – одно и то же, Цукихи-тян!

Карен-тян возмущилась словами сестры.

Похоже, она сильнее восхищалась правосудием – логично было бы ожидать, что младшая Цукихи-тян будет более энергичной, но казалось, будто она просто подыгрывает старшей сестре.

Впрочем, конструкцию, в которой старшая сестра влияет на младшую, было легко представить – хотя мне, не имевшей сестёр, понять её было сложно.

- Да, верно.

Поэтому на первый взгляд она согласилась с Карен-тян.

- Но знаешь, Карен-тян. Твои чувства к Мидзудори-куну - это страсть, но не правосудие.

И потом сказала это?

- Хм, верно. Прости, я была неправа.

Она извинилась.

Она была удивительно послушной.

Я поняла, почему Арараги-кун беспокоился из-за того, насколько легко ей было управлять

– Кайки-сан мог бы обвести ее вокруг пальца с полуслова.

Но... Мидзудори-кун?

- Парень Карен-тян.

Когда я спросила, Цукихи-тян ответила, не пытаясь сделать из этого тайны.

- А моего зовут Росокудзава-кун.

- У вас обеих есть парни?

Я впервые об этом слышала.

Можно сказать, я была потрясена.

- Арараги-кун никогда мне об этом не говорил.

- А, брат делает вид, что их не существует.

Понятно. Прямолинейно и доступно.

По сути, это было слишком легко понять.

Поступок в стиле Арараги-куна. Всё-таки, так или иначе, он очень любил своих младших сестёр.

Это можно понять по общему тону его комментариев, не зря он настолько взбесился, когда Кайки-сан обманул Карен-тян.

Боже, настоящий старший брат.

- А какие они? – спросила я.

Хотя едва ли я таким образом узнаю что-то связанное с моей проблемой, мне стало просто любопытно, какими были парни Огненных Сестёр.

Однако, услышав их ответы...

- Как брат.

- Похожий на братика.

...я начала сожалеть о вопросе.

Что это за семейка?..

Видимо, ничего не поделаешь с тем, что Арараги-кун не замечает их существования – иначе его будет мучить ненависть к себе подобным.

Ведь Арараги-кун отрицательно относился к действиям Огненных Сестёр именно из-за своей ненависти к себе подобным или, осмелюсь утверждать, к себе.

Да.

Он боролся, даже когда сомневался, даже когда сожалел.

- Никак не получается.

Карен-тян озадаченно покачала головой.

- Мы хотим, чтобы брат официально одобрил наши отношения, но он просто не хочет встречаться с Мидзудори-куном или Росокудзавой-куном. Он такой противный.

- Именно. И он обманул нас, когда знакомил с Сендзёгахарой-сан. Он просто водил нас за нос.

- Ха-ха! Как мило.

Я извинилась перед Карен-тян и Цукихи-тян, которые, похоже, и правда были озадачены, но это правда было забавно, так что, забыв об испытаниях, выпавших на мою долю, я рассмеялась.

От души рассмеялась.

- Разве это не значит, что Арараги-кун ревнует, чувствуя, как уводят его милых маленьких сестёр? Как говорится, пылает от зависти...

Стоп.

Я оборвала саму себя.

Пылает... от зависти?

«Пылает»?

Зависть.

Да. Понятно.

Разве это... не то слово, связанное с «огнём», до которого я должна была додуматься с самого начала?

Зависть, подобная разгорающемуся пламени.

Хоть это была шутка, но получалось, что я копировала поведение Арараги-куна, который не замечал парней своих сестер. Другими словами, закрывал глаза на реальность.

В этом мы были похожи.

Я закрывала глаза.

На реальность.

А если думать, чем это вызвано, то чем же ещё, как ни одним из сильнейших чувств, доступных людям? Тем, что считается одним из семи смертных грехов – завистью?

Страсть – зависть, могла разжечь внутри тебя огонь.

Потому, потому мы пылаем от зависти.

Столкнувшись с правдой так внезапно, что даже не успела закрыть глаза, дрожащими руками я обратила свою наполовину построенную башню в руины.

060

Сомневаюсь, что в нашем современном мире есть человек, который ни разу не думал бы о мозге как о жестком диске. Другими словами, было бы здорово, если бы мы могли стирать воспоминания, когда не хотим вспоминать, или переписывать восприятие реальности, если не хотим видеть, убирая все виды травм, кошмаров, незваных, неприятных ощущений – как бы был прекрасен такой мозг.

И... в результате странной шутки судьбы я получила такой удивительный дар.

Я отрезала воспоминания и сердце.

Вспомнить хотя бы разговор с Эпизод-куном этим утром. Я помнила, что было весной, и по-своему боялась его, даже когда стояла и говорила, но с чужой точки зрения это наверняка казалось странным.

Приятная беседа с тем, кто пытался убить меня.

Как такое может быть?

Суть не в том, что мне с ним было удивительно легко общаться. Возможно, если бы я была героиней манги или дорамы... но будучи настоящим живым человеком, почему я действовала так нелогично?

И только я сама этого не заметила.

Потому что я забыла.

Конечно, я не помнила той минуты, когда мои внутренности разбросало по округе (я думала, что это из-за шока, но, похоже, он тут совсем ни при чем) – но я забыла чувство страха к нему, чувство того, что я его боюсь.

Плоть может помнить.

Но сердце забыло.

Нет, забыла даже плоть.

Поэтому даже после такого я могла жить полной жизнью. Арараги-кун может сгорать от сожалений каждый день, но со мной всё иначе.

Я не знаю, когда это началось.

Я не знаю, когда научилась так подражать компьютеру.

Можно предположить, что это случилось до того, как я стала Ханекавой Цубасой, до того, как я успела хоть что-то понять.

Я не знаю, когда научилась такой кажущейся сверхъестественной способности.

Наверное, переключателем стало самое первое воспоминание, которое я отрезала от себя. Довольно легко представить – еще до встречи с Кайи по имени Мартовская Кошка, я уже сама была Кайи. Я наконец-то почувствовала тяжесть слов Ошино-сана о том, что я была ближе всех к сверхъестественному, а Кайи стал просто переключателем.

Нет, быть может, Мартовской Кошки никогда и не было.

Вместо этого Чёрная Ханекава всегда могла жить во мне.

И Пылающий Тигр тоже.

Независимо от того, как сильно мы хотим забыть, прошлое всегда будет с нами.

Всегда будет преследовать нас.

И возможно, это никогда не закончится.

Ошино-сан навскидку говорил про двадцать лет, но я не поверила даже этой цифре – по крайней мере, пока я того хочу, я буду такой, какая я есть.

И тогда навечно... я останусь такой.

Так же, как Шерлок Холмс не мог умереть и продолжал работать даже после ухода на пенсию – не останавливаясь.

Я, наверное, тоже не остановлюсь.

Я, вероятнее всего, тоже не остановлюсь.

Но это конец.

Давайте с этим покончим.

Иного выхода нет – это предел.

Нелепо оставаться такой даже после пятнадцати, а тем более восемнадцати лет.

Пора прекратить обманывать себя.

В конечном счёте, самым нелепым был этот абсурд как таковой – хотя он не мог привести к чему-то, кроме неудачи.

Это не был мой предел – но моя последняя остановка.

Потом я продолжила соревноваться с сёстрами Арараги в строительстве башен. (В итоге Цукихи-тян выиграла. Я старалась изо всех сил, но ничего не выходило. «Даже ты не всё можешь», - сказала она.) Поужинала вместе с родителями Арараги-куна после того, как они вернулись с работы. Заперлась в комнате Арараги-куна на втором этаже.

Я спала здесь второй день, но почувствовала, что странно привыкла к этой комнате. Наверное, из-за того, что это комната Арараги-куна.

Первым делом я бросилась на постель прямо в форме и зарылась лицом в подушку.

- Фу-у-у-у...

Я озвучила свою усталость.

Но не разомлела.

Напротив, я была напряжена.

- Может быть, мы больше не увидимся, Арараги-кун.

Но ничего с этим не поделаешь.

Если мои рассуждения верны – а они верны – Пылающий Тигр появился в городе из-за того, что Арараги-кун куда-то пропал.

Я провалялась на постели ещё минут пять.

Это не бессмысленно. Смысл был.

Похоже на метку животного – я оставляла свои следы на кровати Арараги-куна.

Следы, которые я не хотела оставлять в доме Ханекава.

Я пыталась оставить их здесь – в комнате Арараги-куна.

Конечно, Арараги-кун заметит.

Даже если мы никогда не встретимся, в следующий раз, когда он заснёт на этой кровати, он, наверное, на минутку вспомнит обо мне.

Я должна с этим смириться.

Я должна удовлетвориться этим.

Если допустить, что все мои рассуждения верны, и более того, что дальше всё будет хорошо – я всё равно не смогу встретиться с Арараги-куном.

Даже если Арараги-кун вернётся живым и здоровым, и я буду здесь, чтобы поприветствовать его – тогда «я», которую знал Арараги-кун, исчезнет.

Как и сказал Эпизод-кун, я на весенних каникулах и я сейчас – это почти два разных человека. И потому я ещё больше уверена, что встречу Арараги-куна уже другим человеком.

Вот что значит «позаботиться о прошлом».

Сразиться с Тигром.

- Ладно. Здесь закончили.

Я не могла понять, принадлежал ли мой запах мне или Арараги-куну, но когда стрелки часов дошли до половины восьмого, я начала действовать.

- Нужно поторопиться.

Я слишком долго валялась.

Дом Ханекава сгорел днём, нельзя было утверждать, что Тигр, как и Кошка, был ночным хищником – но, судя по всему, я не очень ошибалась.

Первым делом, я сняла форму и повесила её на вешалку.

После этого, покопалась в гардеробе Арараги-куна, нашла и надела одежду, в которой будет легче двигаться.

Я уже носила его пижаму, но всё равно почувствовала себя неуютно, надевая его одежду без спроса. Хотя Арараги-кун очень сильно хотел увидеть меня в обычной одежде – думаю, ругать не станет.

В голову полезли озорные мысли, и я задумалась о том, что мне стоит сфотографироваться и послать ему фотографию, пусть я и не знала о его состоянии.

Но так как это могло помешать ему, я не пыталась выйти на связь – хотя сейчас кажется, что это было лишь удобное оправдание. Если бы я по-настоящему беспокоилась, я бы мгновенно нашла его, как сделала Сендзёгахара-сан – разве это не по-человечески?

Так что я должна действовать. Я должна послать фотографию, чтобы поддержать его.

Даже сейчас я могу ему помочь.

Я взяла телефон из формы на вешалке и вытянула руку, фотографируя себя. Я не первый день пользовалась телефоном, но впервые фотографировала себя.

Несмотря на парочку неудач, я приноровилась и смогла сделать неплохую, на мой взгляд, фотографию.
Прикрепив ее к сообщению, я без текста отправила его Арараги-куну – после чего выключила телефон.
В следующий раз, когда я включу его, меня в этом мире уже не будет.
Так что это не озорство, а домогательство.
Будто послала ему фотографию с похорон.
Издевательство со стороны той, кого считают отличницей.
По-своему жестоко.
Но теперь в моём сердце нет сожалений.
У меня больше не было сердца, от которого можно сбежать.
Я смогла открыть своё сердце – и подготовиться.
Взяв ручку и бумагу из сумки, я села на стул перед столом Арараги-куна.
Однако не стала повторять сегодняшние уроки и не начала готовиться к завтрашним.
Да, я писала сообщение.
Я напишу сообщение.
Я колебалась на вступлении, но, поскольку не было нужды в странных церемониях...
«Чёрной Ханекаве-сан».
...просто начала с этой фразы.
Может, и не стоило.
Может, я делала нечто бессмысленное.
Я не помнила о том, что я делала как Чёрная Ханекава – но Чёрная Ханекава помнит всё.
Тем не менее, я хотела выразить свои чувства как «я», отделённая от неё.
Я хотела выразить ей – той, кто всегда занимала моё место, тьме, чёрной части внутри меня, той, кто переносила всё за меня – свою благодарность и свою последнюю волю.
Итак...

061

Чёрной Ханекаве-сан,
приятно познакомиться.
Пусть это звучит странно, но это я, Ханекава Цубаса.
Сперва позволь мне выразить свою благодарность.
Спасибо за то, что приняла на себя всю боль во время Золотой Недели и перед Фестивалем.

Похоже, из-за меня тебе предстоят новые испытания.
Мне очень жаль, что я приношу столько неприятностей.
Я повторяю, что, наверное, я похоронила тебя после того, как тебя сбили, только из-за моего своевольного эго. Сомневаюсь, что однажды смогу рассчитаться за взятую на себя ответственность.
И наверное, в этом и состоит настоящий смысл столь любимых Ошино-саном слов о том, что «люди спасают сами себя».
Поскольку я никогда не думала, могу ли вынести нашу связь или эту ответственность, с моей стороны всё это было лишь временным решением.
Как Арараги-кун привязал к себе Шинобу-тян, чтобы спасти её, так и я привязала тебя и сделала Чёрной Ханекавой.
Но в отличие от Арараги-куна, я нисколько не волновалась и продолжала беспечно жить. Насколько же я грешна.
Потому я не вправе просить тебя о чём-либо, но если так пойдёт и дальше, я раню своих драгоценных друзей.
Я могу лишь положиться на тебя.
Я могу положиться лишь на тебя.
Потому, впервые с рождения, я говорю – помоги.
Помоги мне.
Прошу, помоги мне.
Я больше ни о чём не попрошу тебя, и никогда не оставлю.
Прошу.
Умоляю.
Наверное, у тебя нет права выбора, потому что ты должна защищать меня, так что мои слова ничего не изменят, но я обязана попросить тебя.
Возможно, это письмо может стать подсказкой, поэтому я напишу всё, что знаю.
Хотя ты и видела мои воспоминания, похоже, в этот раз, ты полностью от меня отрезана (я догадываюсь о причинах, они описаны ниже), так что тебе легче будет понять, если я всю информацию запишу.
В отличие от твоих, мои собственные воспоминания полны дыр и пробелов, поэтому я ничего не могу гарантировать, но правда такова.
Я не знаю всего. Только то, что знаю.
Это слова, которые я использую против Арараги-куна как оправдание, поэтому позволь мне сказать их и тебе.
Я дам тебе всё, что знаю.
То, что я сейчас напишу, ты и так знаешь, будучи Кайи, но этот гигантский тигр, Плавающий Тигр, такой же, как ты, новый тип Кайи, рождённый моим сердцем.
Вернее, это Кайи, недавно отрезанный от моего сердца.
В этом я уверена.
Основное различие в том, что ты основана на старом Кайи, Мартовской кошке, но для Плавающего Тигра нет фундамента, нет сосуда.
И если он и был, то это ты.
Ты Кошка, потому он – Тигр.
Нечто, ещё более первозданно неприрученное.
Вслед за кошкой я представила Тигра, существо более древнее, зверя более яростного. Следующего в роду, можно сказать.
Я должна была понять это раньше, но за эти несколько месяцев я слишком привыкла к Кайи, включая тебя.
Тот, кто однажды стал жертвой Кайи, будет и впредь притягивать их.
Это тоже слова Ошино-сана.
Как Арараги-кун с весны привыкал и пользовался своим бессмертием, так и я привыкла относиться к собственному сердцу как к Кайи и отрезала его с Золотой Недели.

Как я привыкла носить линзы, так и любой человек может привыкнуть ко всему. И результатом моих усилий стал Пылающий Тигр.

Я считаю, что причиной различий между тобой на Золотой Неделе, тобой перед Фестивалем и тобой сейчас, являются не личностные различия, а разница в моём опыте. Было бы слишком удобно, если бы существовал Кайи по имени Чёрная Ханекава, который появлялся бы только тогда, когда я сплю, высвобождал мой стресс и возвращался ко мне прежде, чем я проснусь, или с которым справлялись Ошино-сан, Арараги-кун или Шинобу-тян.

Но это вполне естественно.

Ты всё-таки Кайи, рождённый из меня и ради меня.

Конечно, ты удобна.

Возможно, ты уже заметила, но я ошибалась с самого начала. В этот раз я позвала тебя сознательно, а не просто чтобы высвободить стресс от сгоревшего дома.

Канбару-сан. «Думала, что ты будешь расстроена, но, похоже, я ошиблась», и это благодаря тебе, конечно же – но это был лишь случайный эффект.

Он не связан с самим пожаром – источник пожара тоже был источником.

Я не осознавала это в тот момент, или, скорее, у меня нет об этом воспоминаний. К сожалению, я могу рассуждать только как третья сторона, но, видимо, я полагалась на тебя как на защиту против Пылающего Тигра.

Также как я полагалась на тебя в прошлом, прежде чем стала жертвой Мартовской Кошки. Я снова на тебя положились.

Существует заболевание, известное общественности как «раздвоение личности» и современной медицине как «диссоциативное расстройство идентичности». Я не могу утверждать наверняка, но сомневаюсь, что есть более наглядный пример, чем я.

Когда-то...

- Ты меня пугаешь. - Арараги-кун сказал мне это.

И...

- Староста класса, строящая из себя святую, отвратительна, - сказал мне Ошино-сан. Честно говоря, я тогда не понимала, о чём они.

Я – всегда я, это моё естественное состояние.

Если спросить Арараги-куна, он скажет, что для обычной девушки я слишком напрягаюсь, что я излишне логична, и хотя это заключение весьма близко к истине, оно не даёт ответа на вопрос, почему я смогла стать чем-то столь хаотичным.

Такого нельзя пожелать.

И всё же, как я добилась этого?

Всё просто.

Потому что я закрывала глаза, чтобы не видеть неудобной правды, и отрезала себя от своего же сердца с самого детства.

Позавчера Сендзёгахара-сан сказала, что я не вижу тьмы, что было абсолютно правдой, но ещё она уточнила, сказала, что я «слепа».

Я отворачивалась от зла и неудач.

Я думаю, это не самозащита, это самопожертвование. Отрезая неудобную «я», я сохраняла себя.

Точно так же, как я не видела из окна класса своего дома, я отрезала объект так, будто он со мной не связан.

Даже когда я страдаю, я отрезаю всё, что не связано со мной.

Поэтому моя личность никогда не могла исказиться.

Я была свободна от забот.

Я не видела собственных ошибок.

Однако искажения необходимы для выживания каждому человеку, а я заставила их исчезнуть.

Конечно, людей это пугает или вызывает отвращение.

Арааги-кун утверждал, что это нельзя назвать чудом – потому что моё бытие это не чудо, а нечто много худшее, результат кровавой борьбы.

Насколько я знаю, когда ты лечишь ребёнка, которого не любили родители, или, иными словами, которого мучили, пока он рос, сложнее всего заставить ребёнка признать, что его мучили.

Признать то, что тебя мучили.

Принять то, что тебя не любят твои родители, не так-то просто.

В большинстве случаев дети будут относиться к истине как к несуществующим событиям. Возможно, искажая факты, создавая какое-то объяснение или же делая вид, что этого никогда не было. Существует много вариантов этого состояния, но суть в том, что они закрывают глаза на реальность.

Да, я должна это признать.

Мои родители мучили меня, пока я выросла.

Мучили всеми доступными им способами.

Никогда меня не любили.

Ни единой секунды меня не любили.

Но я никогда этого не понимала.

Я игнорировала собственную боль, думая, что такое происходит во всех семьях в большей или меньшей степени. Даже когда меня били по лицу, я не считала, что меня мучают. Я так не думала. Вот так я отрезала стресс как Кошка и делала вид, что его никогда не было. В первую очередь, если вы спросите меня, что значит «терроризировать», объяснить будет очень легко, и в то же время очень сложно.

«Мучение» можно определить даже без насилия. Доведём до крайности – хотя на самом деле, такое мнение вполне распространено – мучить можно, даже балуя.

Мучить образованием. Мучить дисциплиной

Мучить заботой. Мучить происхождением.

Возможно, даже мнение, гласящее, что любое действие родителя можно интерпретировать как мучение, не так уж далеко от истины и вполне заслуживает права на жизнь. Всё-таки мы не считаем, что если жертва одобряет мучение, то его нет – это двусмысленный аргумент, но мы не можем творить правосудие, не понимая всей картины.

Потому я продолжаю настаивать на своём.

Я могла продолжать закрывать глаза, настаивая, что меня не мучают.

Меня не терроризировали.

Меня не забывали.

Я не помню, когда такое происходило.

Они сделали необходимый минимум, как родители...

Так ещё хуже.

Они сделали только минимум.

Самое малое, что они вообще могли сделать.

Вот как я должна об этом думать.

Меня мучили самой страшной пыткой, «нелюбовью» - и конечно, у них были оправдания.

Однако их оправдания не касаются ребёнка.

Любовь родителей к детям – это не обязанность, а чувство, и если они на него неспособны, то этим двоим никогда не стоило заводить детей.

Если ты можешь существовать, не чувствуя боли и не давая печали проникнуть в твоё сердце, то ты сможешь прожить жизнь, свободную от стресса, постоянно выкладываясь по максимуму в учёбе, спорте, логике и этике.

Если ты можешь существовать, не чувствуя тяжести неудач, не боясь предстоящих мучений и боли тела и разума, то ты будешь идеальным человеком во всех отношениях.

Правда об отличнице Ханекаве Цубасе.

Бесценный ответ на вопрос, почему я такая, какая я есть.

Я могу игнорировать скуку.

Я могу быть столь бесчестной, потому что я могу отдать других в жертву тьме и боли, рождённых всеми людьми.

Сендзёгахара-сан пришла бы в ярость, если бы услышала об этом.

Подумать только, она страдала два года – её двухлетняя борьба, которая принесла ей лишь боль, и я, не чувствующая боли и страданий, сумевшая переложить их на ваши плечи.

«Расстройство» не описывает моего состояния.

То, что я создала форму Чёрной Ханекавы только после того, как спуталась с Мартовской Кошкой, невероятно интересно, но как написано выше, Кайи был для меня лишь выключателем.

Ты – это только ты.

Кроме того, «третья» намного сильнее отрезана от меня, по сравнению с прошлыми двумя. Причина, как отмечено выше, в том, что я «научилась».

Когда я спросила Цукихи-тян, в чём секрет строительства карточной башни, она ответила: - Нет никакого секрета. Тебе просто нужно привыкнуть. Я пытаюсь снова и снова. Даже ты сможешь также, Ханекава-сан, если попробуешь двадцать раз.

Это универсальная истина. И потому с каждым разом я отрезала от себя своё сердце всё чище.

Ты стала полноценной личностью.

Можешь назвать это психическим расстройством. Ужасные новости.

Вообще-то, дела обстоят намного хуже.

Всё-таки ты не единственный независимый Кайи, которого я отрезала от своего сердца в этот раз.

Возможно, я должна сказать, что среди нас есть ещё один.

Я отрезала Тигра ещё до тебя.

Если ты воплощение моего стресса, то Пылающий Тигр – воплощение моей зависти.

Также, как я не смогла бы дойти до идеи «нового вида Кайи», не поговорив с библиотекарем, также я не нашла бы это ключевое слово, не поговори с Карен-тян и Цукихи-тян, хотя теперь я абсолютно уверена, что так оно и есть, потому что слишком это слово мне знакомо.

Зависть.

Хотя, если честно, ещё позавчера слово «зависть» мне и правда было незнакомо.

Его даже не нужно было отрезать.

Я никогда никому не завидовала.

Всё-таки я та, кто может выполнить любое задание, не напрягаясь, в полную силу. До отвращения идеальная отличница.

Я никогда ни на кого не держала обиды.

Самым негативным чувством было недовольство: «Почему все не могут трудиться усерднее? Если бы только они старались».

Однажды за это чувство Арараги-кун меня отругал. Теперь оно мне кажется невероятно эгоистичным. В отличие от меня, все сражаются со стрессом в своей повседневной жизни, и именно потому, что я играю не по правилам, мне никогда не говорили:

- Если постараться, сможешь всё.

Я закрыла глаза на чувства Арараги-куна, который ругал меня, ту, которая достигла всего именно потому, что никогда не старалась и не трудилась.

Потому мне незнакомо слово «зависть».

Ну, не могу сказать, что я никогда его не чувствовала, но могу сказать наверняка, что суммарное количество зависти, которое я чувствовала за свою жизнь, много ниже среднего.

Суммарное количество ненависти, отрезанной от моего сердца, мне известно.

Однако лишь за эти три дня это количество достигло предела.

Теперь я вспомнила.

Это случилось в день начала нового триместра.

Разбуженная пылесосом, я встала, умылась и оделась, и пошла в столовую завтракать, где обнаружила, что те, кого я должна называть отцом и матерью, уже завтракают. Я приняла это зрелище как нечто нормальное и начала готовить завтрак. Но то, что я мгновенно отрезала воспоминания, то, что они были переписаны, не значит, что я не видела.

У них был одинаковый завтрак.

Хотя все мы жили в одном доме, мы жили раздельно, так как может быть, что один из них приготовил завтрак на двоих, и они ели вместе?

Теперь мне это кажется очевидным.

В то утро мне пришлось выбирать посуду, когда я готовила завтрак, – этого не должно было произойти.

Я была последней, кто зашёл на кухню, поэтому не нужно было выбирать – два других набора уже использовались.

Другими словами, это значит лишь то, что один из них приготовил для другого – а значит, они завтракали вместе.

Я стала изгоем.

И я отчётливо почувствовала зависть.

...Наверное, нелепо волноваться из-за того, что мои родители-мучители, живущие в том же доме, что и я, и которых я не могла назвать семьёй, завтракали вместе.

Но это нелогично.

Эта нелогичность объясняет, почему я почувствовала столь сильную обиду, что сожгла дом Ханекава и вынудила их жить в отеле.

Я не хотела одна стоять посреди маленькой комнаты.

Меня устраивало, когда мы жили как «три человека».

Но я не хотела, чтобы мы жили как «пара и один человек».

Я никогда не думала о том, чтобы жить «втроём» - я просто не хотела жить как «пара» и «один».

Я не хотела этого видеть.

Я хотела закрыть глаза.

Чувство того, что это может стать шансом сделать маленький шаг навстречу друг другу, на деле привело к обратному.

Оно не просто было искажено.

Оно было чудовищно, полностью искажено.

Оно было ужасающим, отвратительным... и глупым.

То, как я не осознавала собственных чувств, отрезала то, что поняла и последовательно желала им двоим стать парой, значит, что моё сердце уже не принадлежит человеку.

Оно само по себе Кайи.

«Истинный голос», в отличие от общественного восприятия, истинный, потому что мы смотрим внутрь.

Конечно, я виновата в том, что их отношения стали напряжёнными, и виновница покинет Японию через полгода, так что неудивительно, что в отношениях тех, кто был мужем и женой, произошли изменения. Или возможно, выключатель, не Кайи, был нажат на Золотой Неделе, когда они вместе попали в больницу.

Но в этом случае непонятно, почему я стала завидовать им двоим.

Потому в происходящем и нет логики.

Хотя я считала, что они могли бы развестись, хотя я хотела, чтобы потухшая любовь вновь разгорелась, я не хотела видеть, как они ладят друг с другом, и в любом случае, я завидовала их воссоединению.

Я завидовала от всей души их попытке воссоздать свою семью после столь долгого времени.

Я пылала от зависти.

Этого хватило, чтобы критическое количество зависти было достигнуто, и родился Пылающий Тигр.

Как я родила тебя на Золотой Неделе, так я родила Тигра в новом триместре.

Я смогла создать нового Кайи, не используя основу вроде Мартовской Кошки, что ещё раз доказывает, что можно научиться чему угодно, если постараться.

И здесь вступила в игру фраза «нет тигра яростнее, чем тот, что разжигает пламя тирании». Но, как и сказала Сендзёгахара-сан, казалось, будто Гаен-сан навела меня на неё. Кроме того, я думаю, что если бы я не встретила Маёй-тян по пути в школу, Тигр не родился бы.

В беседе с Маёй-тян я узнала, что Арараги-кун исчез, что значило, что некому разобраться с Тигром, в отличие от твоих прошлых появлений, поэтому он и родился.

Арараги-кун – своего рода тормоз для моего сердца. Я ждала встречи с ним в классе в новом триместре в тот день больше, чем думала.

Всё случилось так не вовремя.

В этом и заключается причина появления Тигра сразу после расставания с Маёй-тян.

В итоге я сама виновата.

Пылающий Тигр – дух, рождённый моим хрупким сердцем.

Пламя зависти, поглощающее всё, что попадётся ему на пути.

Дом Ханекава сгорел, конечно, из-за моей зависти к родителям, и руины школы сгорели примерно из-за такой же зависти.

Зависти к Канбару-сан, той, к кому обратился Арараги-кун за помощью. В тот момент я злилась на Арараги-куна – или, по крайней мере, я так думала, но на самом деле я завидовала Канбару-сан, как и Сендзёгахара-сан.

В этом, наверное, и была причина.

Зависть, которую я почувствовала впервые – слишком мне подходила.

Однако вскоре я отрезала от себя это чувство и передала Тигру. Для моей зависти заранее был подготовлен идеальный выход.

Касательно Тигра. Ранее я считала, что он был независимым Кайи вроде тебя, но возможно, лучше описывать его как автономного Кайи.

В отличие от тебя, привязанной к моему телу, тигр может свободно двигаться и действовать.

В результате, памятные руины школы сгорели дотла.

Теория Сендзёгахары-сан о том, что здания, в которых я спала, вскоре сгорают, в итоге оказалась неверна, но учитывая способности Пылающего тигра, лучше бы она была права.

Если кратко, то те, кому я завидовала, становились жертвами пламени Тигра. И дома Сендзёгахары-сан и Арараги-куна в какой-то момент обязательно стали бы жертвами. Не потому, что я спала там, но потому, что я им завидовала.

Эти воспоминания, возможно, уже потеряны, но пронаблюдав изнутри дом Сендзёгахары-сан, построенный на нерушимой связи отца и дочери, и дом Арараги, построенный на взаимном доверии, такая, как я, не знавшая семьи и дома, не могла не чувствовать зависти.

Мне захотелось проклясть себя, когда я вспомнила, как я отворачивалась от своей зависти, перебрасывая её на Тигра, и легкомысленно думала: «Я рада, что они относятся ко мне как к члену семьи», – но моё проклятие было направлено на других.

В данный момент единственным утешением является то, что, как и в твоём случае на Золотой Неделе, целями огня Тигра являются лишь здания. Похоже, этот Кайи не нападает на людей. Похоже, привычка ценить чужую жизнь крепко укоренилась во мне. Возможно, это потому, что я знала, как страдал Арараги-кун весной, разрываемый между жизнью одной и спасением другой.

Нет, не так.

Я приукрашиваю.

На Золотой Неделе я более или менее закрывала глаза на других: на своих жертв, на своих родителей. Я отворачивалась от них и стремилась лишь высвободить собственный стресс. Их жизни меня мало волновали (и вообще, в итоге я убила Арараги-куна), я думала лишь о себе.

И сейчас также.

На самом деле я завидовала не другим людям, а местам.

Местам, где можно было жить.

Поэтому целями становились не просто здания, а дома.

Дома, где люди жили вместе.

Дом Ханекава и руины школы сгорели потому, что там мне не было места.

Вот каков Тигр, рождённый мной.

Желая найти свой дом, я стала завидовать тем, у кого он всегда был, для кого он был естественным.

Поэтому я сжигала дома, а не людей.

Он принимал все мои разрушительные импульсы, подсказывавшие, что такие дома должны исчезнуть, настолько разгорелась во мне зависть.

Настолько жаркой стала моя страсть.

Да, безответственно с моей стороны говорить «как остальные», у меня были мысли вроде «такой дом должен сгореть».

Что вообще значит быть «как остальные»?

Насколько болезненно быть «как остальные»?

Я никогда и не пыталась узнать.

Я думала, что эти разрушительные импульсы, оставшиеся после отрезания и отдачи, были эмоциями – мне казалось, я была нормальной.

Я слишком себя защищала.

Почти что мучила себя.

Да.

Больше, чем кто-либо другой, я мучила и убивала себя сама.

Большая часть этого самоанализа, видимо, верна, но сходства с Золотой Неделей не означают, что меня волнует, пострадают ли люди.

Просто так получилось, что не было никого в доме Ханекава или в руинах школы, а если бы были, они бы сгорели вместе со зданиями.

Если бы, например, Арараги-кун и Канбару-сан были в здании, когда Тигр начал действовать...

Я содрогаюсь от одной мысли об этом.

И велика вероятность, что та же судьба постигнет дома Арараги-куна и Сендзёгахары-сан.

Отношения Сендзёгахары-сан с её отцом.

Отношения сестёр Арараги с Арараги-куном.

Я не могу сказать, что я ни разу им не завидовала.

Вообще, я вру, если говорю, что никогда не знала зависти. Я чувствовала зависть к каждому, кому я завидовала.

Я хотела такого отца.

Я хотела, чтобы сёстры меня так будили по утрам.

Эти чувства стали огнём.

...Вероятно, абсолютно правильно утверждение о том, что я никогда не оставалась у друга переночевать. Или скорее, я всегда подсознательно этого избегала.

Нет, не так.

Если Тигр «обучается» - повторно повторяет свои поджоги – и научится жечь ещё лучше, ни один дом не избежит его пламени, независимо от того, спала я там или нет.

Даже школа.

Даже библиотека.

Даже парк.

Ничему не избежать пламени.

Я настолько завидовала теплу дома, что хотела охладить это тепло испепеляющим пламенем.

...Честно говоря, я не знаю, какие качества ты, Кайи по имени Чёрная Ханекава, хранишь в себе. Хотя ты делишь со мной знания и воспоминания, и принимаешь то, на что я закрываю глаза, ты и я почти во всём различны (иначе нет смысла во второй личности).

А потому я не знаю, что ты думаешь насчёт этой теории про Пылающего тигра.

Возможно, ты не против того, чтобы согласиться со мной. По крайней мере, так, вероятно, покажется с точки зрения Кайи.

Возможно, ты скажешь мне, что, хотя поджог и является преступлением, данный случай законом не преследуется, а потом мне не нужно беспокоиться.

Это лишь одна точка зрения среди многих.

Конечно, я бы хотела принять эти добрые слова.

Но пора с этим заканчивать.

Есть ли кошмар ужаснее, чем рвать своё сердце от каждого укола, бесконечно порождая Кайи, сваливая ответственность на других и бросать их на произвол судьбы, продолжая жить в уюте и покое, ничего не понимая?

Сколько людей я искалечила, сколько страданий принесла после Золотой Недели, сама того не понимая?

Всё равно что не чувствовать боли, когда тебя колют.

Не напоминает мою жизнь?

Я вовсе не хочу быть примером или хорошим человеком. Неважно, какой моралью и логикой я обладаю, всё бессмысленно, если я сама иду по спинам других.

Я не хочу жить, стоя на твоей спине или на спине Тигра.

Даже если ситуация с Тигром разрешится, что мешает мне породить льва или леопарда, продолжая всё дальше и дальше?

Но даже если ты мне скажешь, что это неважно, что для этого ты и была рождена, моё сердце решилось.

Моё сердце, разорванное так много раз, что не осталось от него ничего, приняло решение.

Пора положить этому конец.

Нет, наоборот, наконец-то всё начнётся.

Я открою глаза,

и приму не только Тигра, но и тебя.

Я открою свои крепко закрытые глаза.

Спящая красавица, лежавшая без сознания восемнадцать лет, должна проснуться.

Так прошу, Чёрная Ханекава-сан,

Вернись ко мне.

Вернись в моё сердце.

Вернись вместе с тигром.

Умоляю.

Моё сердце – твой дом.

Я никогда тебя не оставлю, поэтому и ты не оставляй меня.

Если Ошино-сан прав, когда мне исполнится двадцать или, возможно, даже раньше, - и ты, и Тигр исчезнете.

Возможно, когда девушка достигает этого возраста, детские фантазии рассеиваются и исчезают.

Даже сейчас, ты, вероятно, всего лишь эхо.

Со временем,

ты исчезнешь.

Так должно произойти.

Но прошу, не надо.

Прошу, не исчезай. Прошу, не уходи.

Прошу, вернись.
Давай прекратим жить отдельно.
В моём сердце может быть тесно, но мы сможем жить вместе, ругаясь и ссорясь, как семья.
Я больше не отправлю тебя спать.
Я клянусь, я буду любить тебя всю: стресс, зависть, волнение, боль, худшие вероятности и темнейшую тьму.
Возможно, это бесстыжее желание.
Но я буду бесстыжей.
...Арааги-кун, наверное, будет разочарован.
Всё-таки, плюсы, которые он видит во мне, как назвала их Сендзёгахара-сан, «белая, как сама невинность» чистота, всего лишь пустота, оставленная моей неприрученной половиной.
Это, по крайней мере, я не попытаюсь скрыть.
Я не хочу, чтобы он грустил.
В итоге я так никогда ему и не сказала, что люблю его.
Я просто влюбилась и в одиночестве страдала.
Честно говоря, мне всегда казалось странным то, что он меня так очаровал, даже хотя я никогда не говорила с ним до весенних каникул, и что даже сейчас, я всё ещё упрямо и безнадежно влюблена в него, но теперь я понимаю.
Он был сияющим идиолом, потому что я не знала никого другого, кто столь открыто принимал свои слабости.
Он был столь сияющим, что я ослепла бы, если бы прямо посмотрела на него.
Я всё ещё с теплотой вспоминаю ту ночь, когда вместе с Сендзёгахарой-сан ругала Арааги-куна – хотя я думала, что она будет такой же как я, все оскорбления Сендзёгахары-сан на самом деле были похвалой.
Например, что он был слишком мягок.
Всё, что она говорила, звучало примерно также.
Её злость на деле была откровеннейшей из симпатий.
Чувства к нему – то единственное, что я не отрезала.
Даже когда я становилась тобой, я продолжала любить Арааги-куна.
...Как он говорил мне, он спас умирающую Шинобу-тян, даже рыдая от страха смерти.
Если бы это была я, я бы спасла её с улыбкой.
Да, вот так. Если и был момент, когда я влюбилась в него, то это случилось, когда я увидела, как он сражался с Шинобу-тян насмерть, даже со слезами на глазах.
Потому что я никогда не плакала.
И я влюбилась в плаксу Арааги-куна.
Эпизод-кун сказал, что я стала нормальной, но если бы я потеряла ещё больше если, если бы я стала «собой», Арааги-кун снова разрыдался бы.
Я этого не хотела.
Но я больше не хотела закрывать глаза на то, чего не хотела.
Я хочу стать единой с вами обоими, даже если Арааги-кун расстроится из-за этого.
И это ради того, чтобы я могла любить его.
Чёрная Ханекава-сан.
Если подумать, это имя слишком холодное.
«Я».
Ты же другая я внутри меня?
Тоже неправильно.
Я уверена, что для меня ты словно младшая сестра. Я так подумала, когда увидела Карен-тян и Цукихи-тян.
Я плохая старшая сестра. Я виновата.
Я виновата в том, что заставляла тебя волноваться всё это время.

Это и правда моя последняя воля.
В последний раз я заставляю тебя взять на себя самую болезненную роль.
Прошу, спаси нашу маленькую сестрёнку.
Она сбежала из дома, потерялась в своей игре с огнём, и я не знаю, как с ней сблизиться, но я дождусь её возвращения, неважно, сколько мне придётся ждать.
Я буду любить вас обоих, и любить себя.
Искренне твоя,
P.S. Прошу простить мою краткость.

...Ну и ну.
Я закончила читать письмо, которое Госпожа написала перед тем, как лечь спать-ня.
Да вы шутите-ня.
Я всегда думала, что Госпожа умная, а не такая дура как я-ня, но, похоже, она такая же глупая, если не глупее-ня.
Я думала, она писала это письмо просто потому, что умнее, а я глупее, но и в этом я не уверена.
Даже если бы она не оставила письма, в котором просила помощи у беспризорницы вроде меня, у меня всё равно нет выбора, кроме как делать то, что она хочет. Такой уж я персонаж-ня. Если бы она просто легла спать как обычно, я бы всё равно вышла отделать этого тигра-ня.
Зная всё, что знает Госпожа, я бы сама осознала настоящую природу этого тигра – Пылающего Тигра, как и она, не теряя ничего в процессе-ня.
Нет, Госпожа уже поняла всё это-ня – это она и написала-ня.
Значит ли то, что она хотела попросить об этом для себя, несмотря на всё вышесказанное-ня?
Думаю, можно назвать её добросовестной, но в итоге, Госпожа никогда не поймёт, что это и делает её необычной-ня.
В этом и заключается самая большая трагедия-ня.
- Ня.
Я положила письмо на стол.
Я помню, как Госпожа писала письмо, так что мне и не нужно читать его-ня. Так что, возможно, не мне говорить о Госпоже, когда я трачу время на чтение-ня.
В любом случае, я уже разобралась в текущей ситуации-ня.
Пылающий Тигр.
И причина болезни, рождённой Госпожей.
Всё расписано-ня.
И всё же, похоже, Госпожа в итоге кое-чего так и не поняла-ня – хотя, учитывая то, что она рассуждала, испытывая острую нехватку информации, на которой можно было бы основать её решения, этих ошибок нельзя было избежать-ня.
Кроме того, стиль и содержание письма никуда не годятся по стандартам Госпожи – она явно была взволнована.
В нашем положении глупо думать о максимальной оценке, так что набрать восемьдесят баллов на пятерку вполне достаточно-ня.
- Но я этого не понимаю. Ня, в смысле, даже чуток понимаю. Но вопрос, почему Госпожа, так завидовавшая домам, что начала их сжигать, не завидовала встречавшимся Сендзёгахаре Хитаги и Арараги Коёми, никуда не делся-ня.
Сильнейшая эмоция Госпожи – любовь-ня.
Это очевидно, если вспомнить трансформацию перед фестивалем-ня.
По сути, маленькая младшая сестра ублюдка была права, связав огонь и любовь.
Но в этом случае первой должна была сгореть Сендзёгахара Хитаги-ня.
Госпожа об этом не подумала-ня?
Не может такого быть-ня.

Это как раз то, что она называет «закрывать глаза»-ня?

Но если Госпожа не закрывает глаза, а смотрит прямо на правду, тогда она рано или поздно догадается-ня.

Хотя интересно, справится ли она с этим-ня.

Вынести жестокость реальности – когда она больше не сможет резать своё сердце.

«Любить нас обеих и любить себя». Не думаю, что она понимает, как сложно это будет-ня. Госпожа – это крайний случай, но все в какой-то степени закрывают глаза на стресс или зависть-ня.

Нет человека, который может смотреть на мир и не закрывать глаз-ня. Почему Госпожа хочет связать себя этими цепями-ня?

Почему она хочет привязать меня и Тигра к себе?

Если ты всё от себя отрежешь, болеть не перестанет-ня.

Ты можешь представить себе боль от разрезания сердца?

- Но главная ошибка – назвать такую, как я, «семьёй» - ня-хах, я всего лишь домашняя кошка, знаешь ли.

Нет, бездомная.

Кроме того, я была самцом, когда меня сбили, так что странно называть меня сестрой – и хотя моей основой была Мартовская Кошка, учитывая то, что я создана из материала, отрезанного от Госпожи, мой пол не просто неоднозначен, он неоспоримо находится в серой зоне между сестрой и братом-ня.

Да и какой смысл спрашивать у Кайи его пол?

И называть огромного тигра «маленькой сестрёнкой» - это что-то-ня. Ты же знаешь, что самки обычно злее самцов?

Было бы мило, если бы она попросила победить или уничтожить его, но нелепо просить меня притащить его обратно в её сердце-ня. Даже не «живым или мёртвым», а просто «брат живым»?

Безумие-ня.

Я и так планировала отделать его. Но теперь она просит ещё больше-ня.

Напоминает слова Гавайца:

- Не думай насилем. Кайи и люди должны сосуществовать.

Этот ублюдок тоже говорил что-то такое-ня.

Пусть мы оба – новые Кайи, рождённые от одной Госпожи, но в отличие от меня, у него нет Кайи в основе – у него нет сосуда-ня. В итоге, Госпожа не понимает, что это значит, поскольку она сама не Кайи-ня.

Она не понимает, насколько он свободен, будучи Кайи, не описанным в легендах, неведомым книгам и не упомянутым людьми-ня.

Честно говоря, я даже думать не хочу-ня.

Проще говоря – у Тигра нет слепых зон, нет слабых мест.

Будет сложно просто сразиться с ним, не говоря уж о том, чтобы притащить его живым.

Мне придётся сразиться с ним лицом к лицу.

И сокрушить его-ня.

- Эх, - вздохнула я.

Всё больший и больший груз ложится на мои плечи-ня.

Будто тонну кирпичей на себе таскаю-ня.

- Серьёзно, мне всё равно. Я Кайи, существующий ради Госпожи, так что, если честно, даже если сгорит дом её родителей, или какое-то памятное место, или дом друга, или этот дом, мне наплевать. Да я в восторге буду от вида разгорающегося пожара.

Фундаментально между Тигром, воплощением зависти, и мной, воплощением стресса, не так много различий-ня.

Он даже говорил мне, что мы одинаковые Кайи-ня – так что я понимаю, что чувствует Тигр.

Единственная разница между нами в том, что он не зависит от Госпожи, в то время как я застряла-ня. По правде, не уверена, что в этом есть хоть какой-то смысл.

Госпожа хорошо знает, Кайи вроде меня рано или поздно уйдёт – я просто эхо, которое рано или поздно исчезнет-ня.

Наверное, и тигр такой же-ня.

Наверное, если оставить его в покое, она отрежет огонь её эмоций, и они потухнут без следа – так что, возможно, Госпоже не нужно утруждаться-ня.

Это не просто нечто ненужное.

Это может принести противоположный эффект-ня.

Мои появления её изрядно тяготят – их нельзя принимать, но нужно прекратить.

Это не так сложно, а на самом деле очень просто. Если Госпожа того хочет, я исчезну-ня.

Но Госпожа выбрала другой путь

Она пытается вернуть нас после того, как отрезала.

Странно.

Потому что я и Тигр лишь мешаем Госпоже.

Поэтому она не должна упрямо принимать нас – если Госпожа правда умна, она справится.

- Потому в этом нет смысла-ня.

Сендзёгахара Хитаги изменилась.

Этот ублюдок изменился, наверное.

И Госпожа изменилась.

Но то, что ты изменилась, не значит, что ты меняешь мир-ня.

То, что она изменилась, не значит, что она может избавиться от прошлого. То, что он изменился, не значит, что он может избавиться от прошлого

Нельзя изменить, нельзя заменить, нельзя подделать.

Человек остаётся собой на всю жизнь-ня.

Может, Госпожа и создала нас весной, когда она блуждала по городу, мечтая встретить вампира, но ничего не изменилось – а потому лучше всего позволить нам исчезнуть-ня.

Этот ублюдок, Гаваец, они тоже этого хотят.

Я – обуза и помеха.

Как и Тигр.

- Но-ня меня попросили-ня.

Интересно, что это за чувство-ня?

Неважно, просили меня или нет, это не изменит того, что я собираюсь сделать – так почему я так энергична?

Ноша на моих плечах должна тяготить меня.

Так почему она кажется такой удобной?

Почему мне кажется, будто я могу сделать что угодно, просто оттого, что у меня теперь есть цель – у меня есть дом, куда я могу вернуться?

Как будто я счастлива-ня.

Как будто я вот-вот разрыдаюсь-ня.

- Но от меня слёз не дождётесь - я кошка. Вы не увидите слёз, но вы услышите, как я плачу-ня.

Мяу.

Я замурлыкала – и открыла замок на окне.

Госпожа заметила, что я выходила из дома потому что я забыла закрыть окно прошлой ночью (хотя с учётом того, сколько было других улик, думаю, она бы всё равно догадалась), но я не вернусь сюда, так что не нужно об этом беспокоиться.

Похоже, Госпожа подобрала одежду так, чтобы мне легче было двигаться. Но мне легче всего двигаться, когда я голая-ня. Но это плохо для Госпожи (и я чувствую себя виноватой за то, что гуляла в одном только белье во время Золотой Недели), так что я приму этот подарок.

Но на ногах ничего, спасибо.
Уже встав на окно, я кое о чём подумала-ня.
Думаю, люди это называют капризами-ня.
Как Госпожа больше не будет собой, так и я тоже не буду собой, неважно, как всё закончится-ня.
Я говорю не просто об индивидуальных различиях между Чёрными Ханекавами.
Теперь, после отсрочек в мае и июне, со мной, как с Кайи, будет покончено.
В таком случае я тоже что-нибудь напишу.
Хотя в моём случае это ближе к завещанию-ня.
Неважно-ня.
Я не собираюсь умирать или исчезать. Я возвращаюсь домой.
Хоть и сильно опоздала-ня.
- Пора послужить Госпоже в последний раз.
Я не собираюсь писать ничего длинного-ня.
Быстро начиркав ещё одну строчку под словами Госпожи, я наконец-то выпрыгнула из открытого окна в лунную ночь.
- Ну, я пошла.

062

Я тигр. Меня зовут Пылающий Тигр.
Хотя я немного знаю о том месте, где я родился, единственное, что я помню — как рыдал в этом мрачном, сыром месте. Я создан не только из зависти, но из всех тёмных эмоций.
Я — порождение тьмы.
Однако как меня зовут, где я родился или из чего я сделан не имеет никакого значения.
Лишь имя «Пылающий тигр» беспокоит меня. После тигра останется его шкура, после человека — его имя, ну или так говоря, но раз я создан лишь из тьмы и мрака, и существую так, будто был мёртв с самого начала, я не планирую оставлять ни того, ни другого.

Я собираюсь уйти, не оставив даже пепла.
Ни один дом не пощадит пламя.
Всё сгорит.
Единственное, что важно – это обжигающее чувство долга, пылающее внутри меня.
Пылающему тигру плевать на прошлое.
Оно должно сгореть. Оно должно сгореть.
Что должно сгореть?
Всё должно сгореть.
В тот миг, когда я пришёл в этот мир, я увидел свою мать, породившую меня.
Или лучше назвать её моей старшей сестрой-близнецом.
Похоже, пламя в моём сердце разжигает она – моя сильная, твёрдая, пугающая и хрупкая сестра из чистой белизны.
Чистая, идеально чистая. Ярко белая - и бесстыже лгущая.
Моя красивая сестра, на меня непохожая.
Она была по-настоящему красивой.
От одной мысли о том, что я мог поддержать эту красоту, эту чистоту меня переполняет гордость.
Но это неважно.
Неважно, как зажигается огонь.
Неважно, как обжигает пламя.
Во мне есть только чувство долга.
Если я не обладаю чувством «действия ради неё», то мои действия не навредят ей, в отличие от того, что сказала рождённая от неё кошка.
У меня нет никаких особенностей.
Можно сказать, я всего лишь пламя.
Я – белое пламя.
У меня нет ни сознания, ни воли. Может показаться, что я сейчас думаю и говорю, но это лишь игра, лишь имитация.
Я – природный феномен.
Я просто жгу то, что должно сгореть.
Нет.
В этом мире нет ничего, что бы не горело.
Всё должно сгореть.
Я чувствую зависть ко всем и всему внутри меня.
Отцам. Матерям. Другам. Кохоям.
Они должны исчезнуть.
Они должны уйти.
Они должны страдать. Горевать. Впадать в депрессию.
Они должны скорбеть. Утонуть в глубинах отчаяния. Должны быть раздавлены.
Они должны плакать.
Плакать так, как плакал я.
И быть может, эти слёзы ослабят - не тиранию, но пламя.
А теперь - сожжём что-нибудь.
Найдём и скормим что-нибудь огню.
Хотя сгорит всё, порядок надо соблюдать.
Процесс должен быть упорядочен.
В этот раз сгорит это здание.
Как только я об этом подумал, нет, даже до этого, я уже был там.
У меня нет воли. У меня нет намерений.
Вот что я такое.
Я – то, что стоит здесь.
Я не прихожу раньше, я не прихожу позже.

Где это возможно, я появлюсь.

Где это возможно, я разожгу своё пламя.

Задумчиво подняв глаза на свою цель, я наблюдаю за ней.

Хм.

Понятно.

Похоже, эту будет сжечь легче, чем тот отдельный дом или большое здание.

Ладно, неважно, легко будет или сложно.

Когда цель выбрана, сомневаться бессмысленно.

Всё одинаково.

Я ничего не знаю.

Но я смогу сжечь всё.

Обнажив клыки, я разеваю пасть.

А теперь - пламя.

Пламя.

- Ня!

Но тогда, в тот момент, передо мной и целью возникла кошка.

Молодая кошка с серебряными волосами упала с неба, как будто у неё были крылья. И встала у меня на пути.

063

Как я и думала, Тигр нашёлся перед Виллой Уоррен, где жила Сендзёгахара Хитаги со своим отцом-ня. В противном случае я собиралась забраться на крышу или ещё куда и осмотреть весь город – хотя и была уверена, что это не понадобится.

От меня у него нет секретов.

Всё-таки я и Тигр когда-то были одним целым-ня.

Всё-таки мы одинаковые, рожденные одной матерью-ня.

Поэтому:

- Хай, Тигр – сказала я.
Просто приветствия-ня.
- Я пришла забрать тебя. Пошли домой вместе.
- ...
Но как я и ожидала, Тигр не ответил.
Он просто молча прожигал меня взглядом-ня.
Ух ты...
Теперь, вновь оказавшись рядом, я опять осознала, каким невероятно огромным было это животное. Или лучше сказать, это чудовище – таких гигантских тигров не бывает-ня.
Я просто не могу оценить его размер.
Я не о той истории думаю, но мне кажется, что прыгнуть ему в рот, как Мальчик-с-пальчик, и пробить путь наружу изнутри будет наиболее правильным способом его уничтожения.
Ня, попробовала бы, если бы правда пыталась уничтожить его.
Но я не за этим пришла-ня.
- С дороги.
Сохранив ужасающее молчание ещё ненадолго, Тигр наконец заговорил:
- Я сожгу это место. Не стой у меня на пути.
- Ха.
Я просто-ня рассмеялась.
Я не давила из себя смех, я просто не смогла сдержаться-ня.
Интересно почему. Он кажется гигантским, и я чувствую ауру страха, исходящую от него, так что его слова казались очень серьёзными – когда я встретила его в прошлый раз, я боялась до дрожи в коленях.
Но я ошиблась-ня.
Он вовсе не серьёзный.
Просто эмоциональный.
Как новорождённый ребёнок, он ещё не овладел искусством беседы – поэтому мы и не могли поговорить-ня.
Я говорю новорождённый, но ведь он и вправду был рождён несколько дней назад, так что это естественно. Оригинальный Кайи, ха.
Оригинал без истории-ня.
То, что Госпожа отрезала от своего сердца.
Новый вид Кайи.
И всё же не так уж редко можно увидеть оригинального или независимо созданного. Жил когда-то художник по имени Ёрияма Секиен, зарабатывавший на хлеб тем, что рисовал разных духов, и иногда, среди всяких традиционных привидений, он мимоходом рисовал чудовище из своего собственного воображения-ня.
Это потому, что независимо от времени, творец всегда пытается независимо создать что-то, что сможет поспорить с устоявшимся-ня.
Конечно, создание того, что сможет соперничать с традиционным монстром, потребует невероятного таланта, или, скорее, невероятного объёма энергии.
В случае Госпожи, источником энергии стал её стресс, её тёмные эмоции-ня... довольно иронично, что Тигр, рождённый из этих эмоций, родился без этих эмоций.
Или это неправильно-ня?
Возможно, у него нет эмоций не просто так, а потому, что Госпожа неосознанно сделала Тигра таким
Именно потому, что он создан из этих эмоций.
Она родила Тигра, лишённого их.
Родила дикого зверя.
- Он сгорит. Я его сожгу. С дороги. Слишком поздно. Всё сожгу. Сначала сожгу этот дом.
- Госпожа этого не хочет-ня.

- Пф-ф.

Тигр лишь усмехнулся в ответ.

Нет-ня.

Я не уверена, что он понимает смысл моих слов.

Я сомневаюсь, что он такой же тупой, но он ещё менее гибкий, чем я-ня.

- Мне наплевать, чего хочет или не хочет девушка. Это ты решила назвать её Госпожой, но для меня она пустое место. И ничего более.

«Ничего более, чем просто источник, из которого течёт моё пламя», - сказал Тигр.

- Источник, из которого течёт твоё пламя?.. Забавно звучит-ня.

Смысла не было, но я всё равно решила пошутить.

Разумеется, он меня не понял.

Он и не пытался сказать что-то смешное.

- Она не пустое место, Тигр – она мать, родившая нас.

- Мать, родившая нас? Ещё бессмысленнее, - безэмоционально пробормотал он.

Беседа явно не клеилась-ня.

- Разве не эта девушка должна лучше всех знать, насколько бессмысленны родители?

- О, может и так-ня...

Сыпет соль на рану-ня.

Ня, может, это потому что он так родился, или потому что он такой Кайи, но думаю, его пронизательность – доказательство того, что этот зверь родился из «источника» Госпожи.

- Так может, поэтому Госпожа назвала нас младшими сёстрами, а не дочерьми-ня.

- Сёстрами...

- Я точно не знаю, но они, похоже, должны быть моё. Если верить ублюдку.

Ня-ха-ха, рассмеялась я.

- А тебе бы такой титул подошёл. Ты же у нас любишь позажигать-ня.

- Пф. Меня титулы не интересуют. Я природный феномен, просто сжигающий то, что хочу сжечь. Как машина.

Однако Тигр продолжал упорствовать.

- Я не моё.

- Понятно

Хм.

Разговорами делу не поможешь-ня.

И всё же я постаралась-ня, я и перед Фестивалем очень старалась, знаете ли.

Можете мне не верить, но я правда думаю, что перестаралась на Золотой Неделе.

Поэтому я хотела уладить всё настолько мирно, насколько было возможно. Но если забыть про ту драку с человеческим ублюдком, меня довольно сильно печалит то, что я даже не могу нормально общаться с другими Кайи. И особенно с тем, кто так же создан Госпожой.

Я не могу сваливать всю вину на Тигра-ня.

Ничего не выйдет.

Не то чтобы Госпожа думала, что у неё получится убедить Тигра словами, и прямо сейчас все мы оказались в нужное время в нужном месте-ня.

Это мой долг - вернуть загулявшую, сбежавшую из дома дочку.

В отличие от меня, Тигр не обладает воспоминаниями Госпожи – не разделяет её эмоций.

Мы можем быть Кайи из одного семейства, но виды у нас разные-ня.

Поэтому, хоть я и должна была решить все словами...

- Эй, Тигр.

- Что, Кошка?

- Я хочу кое-что прояснить. Не мне тебя судить за то, что ты делал до этого момента-ня.

Сжигал ты здания или дома, я тебя корить за это не буду-ня. Поджог – человеческое понятие-ня.

А если мы позволим этим понятиям управлять нами, больше половины Кайи исчезнет, включая меня на Золотой Неделе-ня.

Кроме того, существует немало Кайи-Тигров, и до смешного много огненных Кайи. Их вполне может быть бесконечно много. Серьёзно, мир настолько переполнен огненными Кайи, что тебя можно простить за мысли «разве все они не одинаковые».

Ты же не можешь на всё подряд обращать внимание.

Это как придирается к каждому нарушению правил парковки-ня.

- Конечно, именно поэтому...

- Постой, - перебила я Тигра. Перебила и уставилась на него. – Я уже сказала тебе. Я не прощу тебя, если ты навредишь Госпоже.

- Нелепо.

На тигриной морде появилось сомнение, как будто он не столько отворачивался от меня, сколько просто не понимал-ня.

- Эта девушка для меня – пустое место, а значит, во мне нет и искры желания навредить ей, но желание сжечь это здание проистекает именно из твоей госпожи.

- ...

Видимо, так и есть.

Для этого Тигра это правда-ня.

Или нет... это для всех правда-ня.

Госпожа завидовала дому Сендзёгахара.

Она завидовала так, что хотела сжечь его дотла.

Такая вот правда-ня.

А ещё правда, что она завидовала тем двоим, которых называла своими родителями, которых я отправила на больничные койки во время Золотой Недели. Она завидовала девочке-обезьяне, той единственной, на кого положился ублюдок.

Но-ня...

- А ещё правда в том, что она сдерживала это чувство. Не забывай об этом, Тигр.

- Опять слова. Я Кайи, рождённый из ее смиренности. А теперь она пожинает то, что посеяла. Моё пламя не намерено считаться с её обстоятельствами. Я просто сожгу. Просто сожгу дотла.

Смою, развею по ветру.

Сожгу – заставлю исчезнуть.

Это всё, что я делаю.

Тигр сделал шаг ко мне.

Ня.

Удивительно, но он не выдержал первым – ня, всё-таки его истоком был огонь.

Если слишком долго сдерживать его пламя, он, наверное, обуглится.

- Как Кайи ты прав-ня, - сказала я. Стоило это признать. Это я делаю то, что не подходит Кайи – Мартовская кошка вообще-то должна мстить, а не делать одолжения-ня.

Если мы заговорим о Кайи, желавших навредить Госпоже, то я буду первой из них-ня.

Но я непостоянна, и потому смогла передумать.

А теперь... теперь я тружусь на благо Госпожи. Конечно, он не поймёт-ня.

Как будто... я стала человеком.

- Но та, кто живёт в этом доме, – подруга Госпожи-ня. В столь поздний час она точно находится внутри.

Она, наверное, спит, как обычно-ня.

Она беспокоилась, когда говорила, что её дом или дом Арараги может сгореть, но это не помешало ей лечь спать.

И если проследить воспоминания Госпожи, станет понятно, почему.

Станет понятно, что она доверяла Госпоже как себе.

Поэтому я должна сражаться.

Как Чёрная Ханекава.

И как Ханекава Цубаса.

- И если она умрёт, Госпожа будет плакать. Я сделаю всё, чтобы не допустить этого-ня.

- Пф, уверяю тебя, с этим проблем не будет, – произнёс Тигр, даже не прислушившись к моим словам. – Она не прольёт и слезинки. Когда ей хочется плакать, она просто отрезает ту часть своего сердца, которая хочет слез. Когда ей неприятно, она отрезает ту часть сердца, которая кривится в отвращении. Она жила так последние восемнадцать лет.

Породив меня и тебя. Нет, так теперь она будет жить, с этой минуты...

И до самого конца.

Порождая полчища чудовищ.

И только сама останется чисто-белой – останется красивой.

Никого не ненавидя и не презирая.

Добрая и любящая весь мир вокруг.

Живая, красивая.

Идеальный человек.

Вот что сказал Тигр.

- Это не так.

И тогда я...

Нет, не я-ня – не я.

Я.

Я - Ханекава Цубаса – возразила ему.

- Я решила с этим покончить. Я, наверное, буду ненавидеть. Я, наверное, буду презирать.

Я не смогу быть доброй ко всем, как раньше, и я не смогу любить всех. Может быть, меня будут ненавидеть и будут презирать. Может быть, я начну легче злиться и разучусь всё прощать. Может быть, я буду раздражаться и беситься. Может быть, я больше не буду такой умной. Может быть, я разучусь смеяться. Может быть, я больше не смогу сдерживать слёзы.

Точно.

Это расстроит Арараги-куна.

И, несомненно, я больше не смогу закрывать глаза на его выходки. Но, учитывая, с кем мы имеем дело, он устроит по этому поводу праздник.

Потому что он такой человек.

Потому что он добрый.

Я так ему завидую.

- Но это нормально. Я согласна на это.

Меня это достало.

Достало закрывать глаза на реальность и спихивать роль злодея на вас двоих.

Разве я делаю с вами не то же, что делали со мной?

- Я не хочу быть идеальной. Я хочу быть живым человеком, - сказала я. – Мне не нужно быть красивой. Я не хочу быть белой. Я хочу быть грязной, как и вы.

Я не могу навечно остаться девушкой, не заляпанной грязью, – я хочу знать.

Но я не хочу становиться чёрной.

Я хочу принять и чёрное, и белое, всё сразу.

Я хочу стать серым взрослым.

Не хочу плакать, когда разбивается моё сердце – такой жизни я наелась по горло.

- Пожалуйста, возвращайся ко мне. Уже поздно.

Поедим вместе.

С этими словами я протянула руку Тигру.

Я протянула руку своему прошлому.

- ...

Снова, снова.

Тигр обнажил клыки и прыгнул.

064

Конечно, мы поменялись моментально, но я вернулась — однако теперь у меня небольшие проблемы-ня. Если кратко, то Кайи, на котором я основана, не особо подходит для боя. Я до нелепого слабый дух низкого уровня.

Не лучший выбор для прямого столкновения-ня.

И сражение с Тигром, свободным и не ограниченным любой основой, несколько не в моём стиле-ня. (Я знаю, что «стиль» - неправильное слово, ну и что? Если люди поняли, что я

имею в виду, то неважно, что я его неверно использую! Меня чертовски раздражает говорить: «Не мой уровень» - каждый раз! Меня вообще тут скоро сожрать могут-ня!) Кроме того, можно было подумать, что я старше, а Тигр младше просто потому, что я родилась первой, но мы Кайи-ня.

Госпожа описывала сестёр Арараги и этого братца-ублюдка как тройняшек разного возраста. Я, госпожа и Тигр по сути такие же – но, наверное, Тигр все же не младший. Всё-таки стресс рождается из конфликта между эмоциями – если госпожа была основой Тигра, то быть может, Тигр стал основой для меня-ня.

Я лишь родилась первой. Но Тигр существовал до меня.

Поэтому, если просто сравнить, Тигр должен быть намного сильнее как Кайи, чем Чёрная Ханекава, и что особо раздражало - Тигр был следующей моделью в линейке-ня.

Когда дело касается компьютеров и машин, разве последующие модели не превосходят предыдущие?

По этой логике у меня нет шансов в обычном бою с Тигром-ня.

Госпожа намного продвинулась в «создании Кайи» по сравнению с тем моментом, когда она создавала меня-ня – письмо говорит, что именно потому получился тигр-ня.

Любой скажет, кто победит в схватке между кошкой и тигром-ня.

Любой поймёт.

Хочется сбежать-ня.

...Но Госпожа решила не закрывать глаз – решила предстать перед ним, поэтому я не могу сбежать, поджав хвост-ня.

И, кроме того, у Мартовской кошки нет хвоста-ня...

- Уф...

Я на волосок разминувшись с клыками Тигра – но, как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда, поэтому я проскочила под его огромное тело-ня.

Тактика, использующая огромный размер противника-ня.

Есть такая пословица: «Даже заяц, загнанный в угол, становится зверем», так что неудивительно, что и кошка кусает тигра, не говоря уж о том...

- Ня-я... Ня-я-я-я-я-я-я!

...что у меня есть козырный туз Мартовской кошки – Поглощение Энергии.

Поглощение жизненной силы.

Оно сработает даже на Кайи – если я смогу поглотить Тигра и вернуться к Госпоже, моя цель будет достигнута.

Желание госпожи будет исполнено.

Звучит слишком жестко-ня, с учётом того, что я всего лишь возвращаю домой сбежавшую сестру, но это мы потом обсудим-ня.

Проблему так быстро не решить-ня.

Мы не сможем мгновенно достигнуть взаимопонимания, как в нереалистичной семейной драме, слишком хорошей, чтобы быть правдой. Он был отрезан от Госпожи восемнадцать лет.

Они не смогут вот так взять и вернуться в исходное состояние.

Им вообще некуда возвращаться.

Им придётся начать с нуля.

И сегодня они сделают только первый шаг-ня – повиснув у него на животе, я прижалась к Тигру.

Всем своим телом, изо всех сил.

Чтобы достичь максимальной эффективности Поглощения Энергии, я постаралась коснуться Тигра всем телом.

- Пф-ф-ф.

- Ня-я-я... Ня-я-я-я-я-я-я-я-я!

На краткое фырканье Тигра я ответила громким воплем.

Не криком, чтобы поддержать себя, чтобы убедить себя, что я никогда не отпущу.

Не мяуканьем.

Поглощение Энергии, моя способность Кайи - единственное, что даёт мне шанс победить Тигра, но если подумать, я должна учесть и способности Воспламеняющего Тигра.

Кайи, имеющий родство с огнём.

Воспламеняющий Тигр.

Я придумала три варианта.

Первый, самый простой для понимания в наши дни, называется «пирокинез»-ня.

Однако способность поджигать цель мыслью ближе к экстрасенсорным способностям, чем к феномену Кайи. Мне кажется, это способность человека, а не Кайи (верю я в экстрасенсов или нет, отдельный вопрос-ня). Если Тигр в самом деле разжигал пожары пирокинезом, то, честно говоря, я бы ничего не смогла сделать-ня – любой сгорит дотла, как только появится в его поле зрения-ня.

Но как я сказала, я не верила в этот вариант, и несмотря на столь долгий разговор, даже моя одежда не сгорела, не говоря уж о мне самой, и его первой атакой был вполне животный «укус», так что я могу быть уверена, что этого варианта опасаться не стоит. Так что перейдём ко второму.

Можно сказать, что его тоже легко понять и несколько легче представить. Если кратко, то Тигр выдыхал пламя из пасти – или стрелял огнём из лап, что-то в этом духе-ня. В этом случае он мог «кусать» и «рвать», одновременно сжигая, что не противоречило бы его форме дикого зверя-ня.

В детских мультфильмах и мифах часто встречаются чудовища, выдыхающие огонь-ня – с этой точки зрения, вероятнее всего, именно так работает способность Тигра разжигать пламя.

И я надеялась, что так и есть-ня.

Но увы.

Дело было даже не в первом варианте...

Способностью Тигра был третий вариант.

- Ня... Горячо!..

Не думая, я почти отпустила Тигра, но в последний момент остановила себя.

Тело Тигра превратилось в огонь.

- Так всё твоё тело – огонь... так и думала-ня!

Дело не в том, что нет Кайи, выдыхающих пламя, но это же стандарт-ня!

При той любви к правилам, которую питает Госпожа, естественно, что она последовала старейшему примеру при создании Кайи!

Она создала неоригинальный, ортодоксальный... блуждающий огонь-ня!

- Не будь душой, Кошка, – произнёс Тигр. – Для зверей естественно бояться пламени... твои действия ещё меньше похожи на звериные, чем на действия Кайи.

Абсолютно спокоен-ня.

Конечно.

Как и тогда, когда я несла того вампира и моё Поглощение Энергии включалось помимо воли, – Ошино Шинобу это не беспокоило-ня.

По сути, способность Поглощение Энергии, кажущаяся на первый взгляд непобедимой, имеет слабость.

Слабость, или, скорее, дефект-ня.

Неизбежный дефект.

Неважно, сколько энергии я высасываю у цели, если у этой цели запас энергии почти неограничен, то это без толку. Так же, как плотина не может засохнуть-ня. Конечно, я сомневаюсь, что Тигр, воплощение тёмных эмоций Госпожи, может поспорить с запасом энергии вампира, но его энергия – это тепловая энергия.

Огонь-ня.

Ясно как день, что я поджарюсь раньше, чем смогу поглотить его целиком-ня...

- Да пошёл ты! Сама знаю!

Если я потеряю сознание и поменяюсь с Госпожой, она мгновенно умрёт от ожогов по всему телу – лишь благодаря тому, что я Кайи, я всё ещё могу выносить такую боль-ня.

- Ух...

Но... это было сильно.

Не с чем даже сравнить-ня.

Кстати говоря, вроде бы есть Кайи, мастер сумо, по имени Призрак Огня (что это за штука такая?) – но по силе Тигр превосходил даже его.

Ай да сукин сын. Предыдущая фраза в нашем случае звучит очень странно.

Я едва смогла остаться в сознании, всего после одной атаки я уже не могу двигаться-ня.

Даже пальцем не могу шевельнуть-ня.

Да что со мной-ня?

Я так долго храбрилась и готовилась, и в итоге всё закончилось вот так – жалкое зрелище-ня.

Ня-ха-ха.

Но тому ублюдку было тяжелее – он много с чем сражался-ня.

Даже когда он плакал.

Даже когда он бесконечно жаловался.

Он же плакал?

Точно-ня.

Если бы Госпожа плакала-ня...

Ей было так грустно.

Ей было так одиноко.

Ей было так плохо.

Если бы она это сделала, если бы не родила меня и Тигра, всё могло бы пойти намного лучше.

Стоп, а если наоборот.

Если из-за нас Госпожа не плачет.

Ну-ня, конечно-ня.

Если бы у неё были такие младшие сёстры, наша старшая сестра не плакала бы-ня...

- Жалкое создание, – сказал Тигр.

Без всякого выражения.

Без эмоций.

Шаг за шагом – он надвигался, как тепловая волна.

- И это всё, что ты можешь сделать для исполнения твоего так называемого «долга»?

- ...

- Пф. Хорошо. Мы родня, рождены одной матерью. Поэтому я лично отправлю тебя в Ад. Масса пламени холодно произнесла эти пугающие слова.

Отправит в Ад, ха.

Ну хотя бы не в кошмар.

Но я не хочу так много умирать-ня.

Я умерла, когда меня сбила машина.

Я умерла, гонясь за Госпожой.

А теперь я умру оттого, что меня раздавит Тигр.

Да сколько же раз мне придётся умереть-ня?

Говорят, смерть – единственное лекарство от глупости, но это ложь-ня.

Я всегда буду глупой...

- Блин, а я правда была счастлива, знаешь ли-ня.

Возможно, это слова моей неприрученной стороны, но когда Тигр медленно и осторожно вошёл в поле моего зрения, я пробормотала эту фразу.

Это мои последние слова?

Нет, вовсе нет.

Я просто жалкая неудачница-ня.

- Я сражалась, поставив на кон свою жизнь, и всё, что я смогла – это задержать твоё пламя на десять секунд... ужасно знать, какая же я слабая-ня.
- Я тебе говорил об этом, – сказал тигр.
Конечно же, безразлично, как всегда.
Просто безразличная волна эмоций.
- Безрассудно. Глупо. Бессмысленно.
- Безрассудно-ня. Глупо-ня. Бессмысленно-ня.
Боже.
Знаешь, мне так и не представилось шанса сказать это.
Даже хотя я его так любила.
Так сильно, что превратилась в чудовище.
Я никогда не говорила Арараги-куну, что люблю его...
- Безрассудно. Глупо. Бессмысленно.
- Вовсе нет, Ханекава.
В тот самый миг по ночному небу пронёсся клинок нодати¹⁴.
Он пробил голову Тигра и пригвоздил его к земле.
Я...
Я знала про этот меч.
Магический меч Кокороватари, «Сердцеруб».
Несравненный клинок убийцы Кайи.
- !..
- Может, это было глупо. Может, это было безрассудно. Но... совершенно точно не бессмысленно. Если бы ты не рискнула своей жизнью, чтобы замедлить Тигра на десять секунд, я бы не успел.
Его волосы с весенних каникул полностью отросли.
Он всё такой же маленький и аккуратный.
Одежда превратилась в лохмотья, один из ботинок разошёлся.
Как ужасно он беспокоился, как чудовищно было его приключение – фигура, стоящая передо мной, говорила сама за себя.
- И если бы это случилось, я бы точно расплакался.
Сжав рукоять меча, Арараги-кун улыбнулся.

065

- Ах... а-а-а.
Арараги-кун.
Арараги-кун, Арараги-кун.
Арараги-кун, Арараги-кун, Арараги-кун...
У меня от жара всё тело болит.

¹⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Нодати>

Из-за того, что моё сознание взяло верх, я почувствовала боль от ожогов, но не обратила на это ни малейшего внимания.

Потому что сердце пылало намного жарче.

Ладно, ладно.

Цукихи-тян всё-таки была права.

Любовь воспаляет сердце – также как и зависть.

От одного вида Арараги-куна я вспылала, хотя прошло всего несколько дней.

Мне казалось, мы не виделись сотню лет.

- Арараги-кун... почему ты здесь?

- Ладно тебе, не задавай глупых вопросов, Ханекава.

«Ты ранишь мои чувства», - сказал Арараги-кун.

- Ты в беде. Естественно, я пришёл к тебе на помощь. А как иначе?

- Ха-ха... Хорошо сказано.

Я невольно рассмеялась.

Действительно, хорошо сказал.

А лишь недавно он участвовал в великом приключении вместе с Маёй-тян и Канбару-сан.

Он опять весь изранен.

Всё его тело покрыто ранами.

Он, наверное, опять сглупил.

Он, наверное, опять лез на рожон.

Но его поступки не были бессмысленны.

- Вообще-то я бросил всё и прибежал сразу после того, как увидел твою фотографию в обычной одежде.

- О, нет, нет, нет.

Прошу, пусть это будет шуткой.

Кроме того, эта одежда принадлежит Арараги-куну.

А сейчас она почти вся сгорела.

- Ух... Р-р-р-р.

Под Арараги-куном... он застонал.

Тигр застонал.

- А-а-а-а... больно. Больно. Больно. Горячо. Больно. Горячо. Горячо. Горячо. Горячо...

- Ух ты.

Увидев это, Арараги-кун одним движением извлёк меч из горла Тигра.

Одним отработанным движением.

Да в каком же аду он провёл эти несколько дней, если научился так с ним обращаться?

- Эм, ты... Чёрная Ханекава? В смысле, прямо сейчас. Ладно, думаю, ты всё равно Ханекава... но у тебя есть уши, и волосы белые.

- Всё это – я.

- Понятно.

Кивнув, Арараги-кун схватил умирающего Тигра, упрямо искрящуюся массу эмоций, за шкуру, и подтащил ко мне.

Он подтащил этого огромного, яростного зверя, весящего больше полутонны, ко мне.

- Ты не собираешься его уничтожить?

«Прости, я забежал вперёд и прочитал твоё письмо», - сказал Арараги-кун.

Похоже, он вернулся в комнату прежде, чем пришел сюда - конечно, а как ещё он мог понять, где меня искать?

- Я пробил его жизненно важные органы Кокороватары, так что долго ему не протянуть.

Если хочешь поглотить его, поспеши.

- ...

Если он читал, то уже... уже всё знает.

Он знает, что если я это сделаю, то больше не буду собой.

По крайней мере... я не буду той, кем всегда была.

Даже зная это, он предлагал мне это.

- Ты не возражаешь, Арааги-кун?

И тем не менее, я должна была убедиться, пусть он всё понимал.

Я положила на его доброту.

А ведь до последнего упрямилась и так и не сказала что-то вроде «помоги мне».

- Ты не против, если я перестану быть собой?

- Я же сказал – не задавай глупых вопросов, Ханекава, - мгновенно ответил он. – Ты сама сказала только что. Неважно, что изменится, в конечном счёте, это всё равно будешь ты. Даже если ты изменишься, ты всё равно останешься собой. Так что не беспокойся. Не то чтобы я вдруг стану закрывать на твоё поведение глаза. Будешь злой – и ты перестанешь мне нравиться. Поступишь неправильно – я разозлюсь. Если тебя будут презирать, я поддержу тебя. Если ты перестанешь быть умной – ну, я могу поучить тебя.

И если ты будешь плакать, я утешу тебя.

С этими словами Арааги-кун погладил меня по голове.

- !..

От этого моё сердце сгорело дотла.

Я больше не могу назвать это «жаром».

Да.

Всё это время я хотела, чтобы кто-нибудь сделал это.

Я хотела, чтобы кто-нибудь погладил меня по голове.

Я хотела, чтобы кто-нибудь приласкал меня.

- Арааги-кун.

- Да?

- Я люблю тебя, - сказала я. – Останешься ли ты со мной навсегда?

Я наконец-то смогла сказать это.

Эти простые слова – у меня ушло почти полгода на то, чтобы сказать их.

Услышав моё внезапное признание, Арааги-кун казался лишь слегка удивлённым и озадаченно улыбнулся.

- Понятно, - сказал он. – Я правда, правда счастлив. Но у меня уже есть любимая.

- Да. Я знаю.

Я подняла голову и посмотрела вперёд.

Вилла Уоррен, комната 201.

Она, должно быть, там – спит вместе с отцом.

- Ты любишь её больше меня?

- Да.

Хотя я хотела просто подразнить его, он ответил честно.

Но этому ответу я тоже была очень рада.

Конечно, он ранил меня намного сильнее.

- Эх, меня отшили.

Верно.

Точно.

Так и есть.

Я призналась и получила отказ.

Очень грустно.

Но если бы я никогда не испытала такой грусти, как бы я могла отправиться в поездку по миру на поиски себя?

Это будет не поездка в поисках себя и не поездка, чтобы создать себя.

Как я могу поехать скорбеть о потерянной любви, если я от неё никогда не страдала?

Я так и не смогла сказать «помоги мне».

Но я смогла сказать «люблю тебя».

Я сказала это.

Конечно, Арааги-кун давно знал о моих чувствах. Он понял это ещё до Фестиваля.

И если он прочитал письмо в своей комнате, то смог понять ещё раз.
Но того, что он понял, мне мало.
Я должна заставить его понять.
Я должна услышать его ответ.
Я должна узнать, что чувствует ко мне Арараги-кун.
Я должна услышать это от него.
И теперь я услышала его ответ – теперь, когда он отказал мне, я наконец-то впервые поранилась.
Я вытянула руку, коснулась брови Тигра – и погладила по голове третью себя.
То, что сделало меня счастливой, я, в свою очередь, делала с пламенем эмоций, пылающим передо мной.
Я погладила мои искрящиеся эмоции.
Поглощение энергии.
Это будет последнее поглощение энергии.
Оно излечит ожоги по всему телу. Вихрь эмоций устремился в меня.
Тёмные эмоции, собранные за восемнадцать лет.
И мой стресс.
Всё то, что я сваливала на Чёрную Ханекаву, на Тигра, теперь с интересом возвращалось ко мне.
- У-у-у... у-у-у-у.....
Когда это случилось?
Прежде, чем я поняла...
- У-у-у... у-у-у-у... у-а-а-а-а...
Прежде, чем я поняла это, я разрыдалась.
Наверное, я не смогла выдержать поток эмоций, наполнивших меня, или плакала от боли вкупе со стрессом, сопровождающим эти эмоции, или я только что испытала боль от потерянной любви – да, прямо перед глазами Арараги-куна, без колебаний, как ребёнок, как дитя малое, я завывала.
- У-а-а-а-а-а-а... а-а-а... хнык, у-у-у-у-у-у-у-у!..
Я думаю, это потому, что в тот день...
Я наконец-то родилась.
Следуя обещанию, Арараги-кун успокаивал меня, пока я не прекратила плакать.
Без лишних слов он продолжал мягко гладить меня по голове посреди ночи.

066

Это эпилог.
Или, скорее, всё, что произошло ранее, можно считать прологом.
Моя история начинается здесь и сейчас.
Во-первых, Арараги-кун отказался говорить о том, чем занимался в свое отсутствие.
Канбару-сан тоже пришла в школу как обычно (и помимо левой руки, других травм, в

отличие от Арараги-куна, у неё не было). Он сказал не беспокоиться о Маёй-тян и его временно разорванной связи с Шинобу-тян – так что, наверное, всё закончилось хорошо. Так и осталось неизвестным, как Гаен-сан и Эпизод-кун были связаны со случившимся и пересекались ли их пути, но мы же об Арараги-куне говорим.

Так что, наверное, случилось нечто очень болезненное.

И, видимо, он справился.

Вот такой я и сама хотела бы быть.

А потом мне представился шанс поговорить с Шинобу-тян, чья связь с Арараги-куном была, как я и сказала, восстановлена. Услышав, что со мной произошло, она сказала:

- Это была Каша¹⁵. Она могла не иметь основы, но я могу тебя заверить, что она создана по образу Каши. Мне в этом Кайи видится ее образ, а не Призрачный Огонь.

- Каша?

Кстати говоря, я много раз говорила с Шинобу-тян, будучи Чёрной Ханекавой, но впервые я говорю с ней вот так. Думая об этом, я спросила:

- Но Каша...

- Что такое, староста? Ты не знаешь о ней?

- Нет, знаю, но...

Я старалась быть повежливее, всё-таки я общалась с пятисотлетним Кайи, но когда перед тобой сидит восьмилетняя девочка, это довольно сложно.

- Но, эм, это был тигр.

- Мартовская Кошка тоже об этом говорила, потому я не увидела связи – но, коль он был связан с огнём, он был Кашей.

- Ха.

Каша, Пылающая Колесница, Кайи, утягивающий трупы в Ад – и, кстати, Тигр говорил что-то в этом духе, – во многих случаях считался кошачьим Кайи.

Кошка.

Она меня видела.

И именно это – самое важное.

Тигр и это говорил.

Если кратко – как только ты увидел Тигра, он утащит тебя в Ад.

- Но это была не кошка, а тигр.

- А они не похожи?

- Не колесница. Тигр.

- Не слышала о Чёрном Тигре? Его также называют «Тигровая креветка»¹⁶.

- ...

«Чёрный Тигр»?

То есть, потому и Каша, пылающий тигр?

По-моему, это похоже на совпадение... но всё-таки так его назвала Гаен-сан.

Ну, предположим, это была моя идея.

- За Мартовской Кошкой, Кайи, сбитым машиной, последовала Пылающая Колесница, утягивающая мёртвых в Ад – забавное сочетание. Ха-ха-ха, тот, кто раз сблизился со сверхъестественным, навечно к ним притянут, как и говорил Гаваец.

- Вообще, это похоже на игру в ассоциации... хм, хотя у Тигра, в отличие от Мартовской кошки, не было основы, он не был совсем новым Кайи.

- Настоящей оригинальности не существует – это стена, которая со временем возникала перед всеми творцами прошлого и настоящего по всему свету. Она же возникла перед Сэкизом. Несомненно, тигр из пламени, которого ты призвала, не дитя Призрачного Огня или Каши или чего-то ещё, но лишь твоих накопленных знаний и связей между тобой и окружающими. Ты освободила его, но он не был свободен.

- Искусство начинается с подражания.

¹⁵ «Огненная колесница». Имя сильного японского ёкая.

¹⁶ «Тигровая» и «машина» (колесница) читаются одинаково – «курума»

- Какая пораженческая точка зрения.

Плечи Шинобу-тян затряслись от смеха.

Ужасный смех.

- Считай, что ты пошла по стопам твоего великого предшественника. Каждый человек следует за кем-то. Каждый человек наследует что-то у другого. Прими то, что передалось тебе через века, и отдай тем, кто пойдёт за тобой. И тогда однажды кто-то сможет пройти через испытания, и всё повторится. Такова традиция. Возможно, однажды Чёрная Ханекава или Пылающий Тигр, придуманные тобой, станут основой для чего-то нового.

- Хм-м-м...

Я бы этого не хотела.

Однако, если моя глупость послужит кому-то уроком в будущем, то это всё было не зря.

Даже моя бессмысленная история может кому-нибудь однажды пригодиться.

Так я подумала.

Теперь, когда Арааги-кун вернулся, я, в свою очередь, должна была покинуть дом Арааги.

- Не волнуйся. Я могу спать на полу, так что спи на кровати. Я даже могу спать под кроватью. Чёрт, да я сам готов стать твоей кроватью. Я обещаю закрывать глаза, когда ты будешь переодеваться, - Арааги-кун пытался убедить меня остаться, но я чувствовала в его словах лишь угрозу своей невинности, поэтому предпочла вежливо уйти.

Я была счастлива, что он общался со мной как и всегда, но в то же время я видела его непоколебимые чувства, на которые смотреть было очень больно.

Быть может, если бы я осталась в доме Арааги-куна, невинностью рисковал бы он.

Карен-тян сказала:

- Брату лучше свалить, а мы оставим Цубасу-сан.

Это было ужасно, и, конечно, случиться такое не могло.

Я не могла влезать в чужую семью.

Если подумать, прошло всего две ночи. Я покинула дом Арааги, поблагодарив всех его обитателей.

После этого я вернулась к дому Сендзёгахары-сан – вилле Уоррен, комнате 201, которая едва не сгорела.

Как я поняла, отец Сендзёгахары-сан уезжал по работе за океан примерно на пару недель – и он сам попросил, чтобы я провела это время с его дочерью.

Конечно же, это было ради моего удобства.

Такие командировки не возникают столь внезапно – только если он сам не устроил её.

Похоже, Сендзёгахара-сан рассказала своему отцу о моих обстоятельствах и всё это организовала ради меня. Она понимала, что вне зависимости от того, сколько бы отсутствовал Арааги-кун, я не могла долго оставаться в его доме.

Другими словами – даже это было частью её плана.

- Хитаги, давным-давно я воспитывал тебя так, чтобы ты стала женщиной, способной помочь другу в нужде, - сказал перед отъездом отец Сендзёгахары-сан, держа большую сумку. – И ты выросла именно такой. Я очень счастлив.

С этими словами он ласково погладил дочь по голове.

Выражение её лица было незабываемым.

Как и его.

Какое-то время я прожила вместе с Сендзёгахарой-сан, но конечно, не всё пошло так гладко.

Честно говоря, после того, как я поглотила Мартовскую Кошку и Пылающего Тигра, я была на пике эмоциональной нестабильности. По крайней мере, я сомневалась, что со мной приятно будет жить.

Однако Сендзёгахара-сан поддерживала меня.

- Всё-таки, я такая же, - сказала она мне и начала учить преодолевать бурю эмоций, шаг за шагом.

Мы ссорились.
 Но потом мирились.
 Глядя, как пролетают дни, я поняла, почему не могла завидовать девушке, которой должна была завидовать. Той, с кем остался мой любимый, Арараги-кун.
 Да, конечно.
 Я, наверное, знала с самого начала.
 Арараги-кун, Сендзёгахара-сан.
 Эти двое будут вместе.
 Я понимала это – я знала это.
 Я не знаю всего.
 Но это я знала.
 Поэтому чувства, которые я испытывала, помогая их отношениям развиваться со дня Матери, не были ложью.
 - Знаешь, Ханекава-сан, - сказала Сендзёгахара-сан. – Мне казалось, всё совсем наоборот. С тех пор, как я увидела вас двоих в апреле, я была уверена, что вы встречаетесь. Была уверена, что вы любили друг друга. Поэтому я так удивилась, когда Арараги-кун стал отрицать это.
 «Только теперь я могу сказать это вслух», - сказала она и продолжила:
 - Когда я призналась Арараги-куну, я думала, что он мне откажет. Конечно, тогда я была готова на всё, лишь бы он согласился, но я не могу отрицать, что в каком-то смысле я ничего не теряла. Всё-таки казалось очевидным, что Арараги-куну ты нравилась – я была уверена, что влюбилась в Арараги-куна, влюбленного в тебя.
 - Понятно. И правда, совсем наоборот, - сказала я Сендзёгахаре-сан.
 Думаю, сказала с улыбкой.
 - Не уверена, что влюбилась бы в него так сильно, если бы он уже не любил тебя. Точно – хотя, может, она была вполне обычной, но мы обе влюбились в его доброту. В его непостоянное сердце, ничего не отрезающее и не выбрасывающее.
 Спасибо небу за то, что отсутствие ненависти к Сендзёгахаре-сан из-за Арараги-куна было моим настоящим чувством, которое я никогда не отрезала. Но естественно, я также не могла отрицать чувства «почему я не могу быть как она?» – поэтому иногда ночами я подшучивала над ней, и перед реакцией Сендзёгахаре-сан каждый раз невозможно было устоять.
 Теперь я понимаю.
 Я люблю Арараги-куна,
 Но в то же время я люблю Сендзёгахару-сан.
 Приняв это, я почувствовала, что моё сердце впервые в жизни разбилось.
 Я чувствовала боль.
 Я жила так десять дней.
 И наконец, настало время.
 Они арендовали дом вместо сгоревшего дома Ханекава – у меня не было выбора, кроме как поехать к ним.
 - Тебе не надо торопиться. Ну подожди ещё немного, пока не будешь готова, - беспокоилась Сендзёгахара-сан, но со мной всё было в порядке.
 Ей не нужно было так переживать.
 - Спасибо, - сказала я ей. – Я как-нибудь зайду в гости.
 Я покинула виллу Уоррен в прекрасном расположении духа – нет, это ложь.
 Я рыдала.
 Очень сложно было уезжать от Сендзёгахаре-сан, и мысли о старой жизни приводили меня в уныние.
 Да, Тигр был прав.
 Я была слаба.
 Я не смогла сдержать слёз.

Но и Сендзёгахара-сан плакала, так что тут мы были равны.
Кстати говоря, на пути из виллы Уоррен к своему новому дому я наткнулась на Сенгоку-тян.
Сенгоку Надеко – ученица средней школы, связанная с Арараги-куном.
Однако мы никогда много не общались, и в этот раз она была с родителями, поэтому я не стала звать её. Она меня тоже не заметила.
Казалось, их семья хорошо ладит.
Я подумала об этом – и позавидовала.
Стоп, это плохо, это плохо, и я заглушила это чувство.
Нет, нет, так не пойдёт.
Такая уж я была – завидовала такому зрелищу.
Сперва я должна принять это.
Я должна жить дальше, чувствуя, как пылает пламя в моём сердце – разве не огонь считается величайшим символом цивилизации?
Да, я смогу расти дальше.
Может быть, я не смогу стать такой, как Канбару-сан, но пока, просто идя и принимая вид счастливой семьи, я чувствовала, что уже начала расти. Кстати говоря, пожары в доме Ханекава и руинах школы были признаны естественными пожарами, несчастными случаями – что-то насчёт оконного стекла, работающего как линза, или необычной сухости летнего воздуха.
Понятно.
Вот как мир оставался логичным.
Вот как он разбирался с парадоксом.
Но даже если меня не обвиняли в преступлениях, я не освобождалась от них.
Каждый должен всегда помнить – никто не может быть чисто-белым.
Так я думала.
Дом, в который я приехала, был не таким уж большим, поскольку он был лишь временным жильем. Наверное, этот дом можно было назвать «маленьким». Комнат тоже было немного.
Но я уже чётко сказала тем, кого я должна называть отцом и матерью.
Как только я услышала, что они выбрали место, я сказала:
- Папа, мама, я хочу себе комнату.
И вот так.
Вот так, впервые в жизни, я получила собственную комнату.
Я не хотела, чтобы маленьким сёстрам в моём сердце было тесно.
Точно.
Она не исчезла.
И Тигр не исчез...
Они были в моём сердце.
И я сама не исчезла.
Старая я тоже была в моём сердце.
Я вдруг подумала...
Отличница, староста из старост, добрая, честная, умная, святая – возможно, я, которую так восхвалял Арараги-кун, была первым созданным мной Кайи.
Ту, которую Арараги-кун называл «подлинной».
Ту, которую Сендзёгахара-сан называла чудовищем.
Ту первую «себя», которую я создала.
Это был идеал, к которому я стремилась – и ради этого я убила многие части себя.
Я не должна была этого делать.
Первым, что я отрезала от своего сердца, была я сама. Вопрос не о том, какая «я» была настоящей, какая личность доминировала, или какая владела инициативой.
Все они были частью меня.

Так что «я» в настоящем, «я» в прошлом и «я», которая будет существовать с этого момента, по сути не изменились.

Арараги-кун оставался собой, сколько бы он ни пытался измениться. И я никогда не менялась, какой бы «я» ни была.

Вот и всё.

Для меня ничего не изменилось.

И это был не эпилог, а, скорее, кульминация.

Я – это я.

Я – Ханекава Цубаса.

Кошачьи уши втянулись, и я больше не вижу тигра, но осмелюсь сказать, что белые волосы, покрывающие половину моей головы, создавшие полосатый рисунок, были лучшим доказательством.

Поскольку для школы это было слишком смело, я каждое утро красила их в чёрный, но не считала это обузой или тратой времени.

Это была форма связи с ними, со своим сердцем.

Я говорю, что мне это нравилось, потому что на самом деле так думаю.

Да.

Вот так я буду жить дальше.

Даже если я не поменяюсь, она изменится.

Моя жизнь изменится.

Я открыла входную дверь своим ключом – похоже, они на работе, и дома никого нет.

Может, это и совершенно незнакомое место, но мне не казалось, что я лезу в чужой дом.

Более того, к этому дому я уже привыкла. Так и должно быть?

Я всего-то открыла входную дверь.

Вверх по лестнице – странное чувство.

Шаг за шагом.

Медленно его перевариваю.

Когда я встала на последнюю ступеньку, добравшись до второго этажа, я внезапно вспомнила Маёй-тян.

Когда мы впервые встретились, она всегда терялась.

Заблудшая Корова – понятно.

Удивительно, но, видимо, наибольшее влияние на создание Тигра оказали не Каша или Призрачный Огонь, а Заблудшая Корова.

Конечно, Заблудшая Корова была отрезана от Маёй-тян, можно считать это грубым эхо.

Наверное, я встретила Тигра после разговора с Маёй-тян не только потому, что я знала, что Арараги-кун пропал.

Похоже, когда-то коровы и тигры были единым – в этом случае, это вполне вероятно.

Для меня, лишившейся дома и семьи, это был подходящий Кайи.

С того самого дня...

Нет, с нашей первой встречи в парке в мае – я блуждала.

Бесцельно ходила, двигалась циклически, шаталась по городу.

Я просто слонялась.

Стоит поговорить об этом с Маёй-тян в следующий раз.

Я достаточно терялась.

Я заблудилась в потерянных путях.

Но благодаря этому я встретила много разных людей.

Много, очень много.

Я видела много семей.

Я видела много разных форм себя.

Поэтому я смогла стать собой.

Если я в прошлом – всё ещё я, то и я в будущем тоже.

Не существует момента, когда бы я не была собой.

Так какой я буду завтра?
Полная ожиданий, я положила руку на дверную ручку
Вот моя комната.
12 на 9, в западном стиле.
Всего на полгода до выпуска из школы – но это совершенно точно мой дом.
Наш дом.
Тогда я вспомнила предложение, добавленное в какой-то момент к письму, которое оставила позади.
Нет, оно не настолько длинное, чтобы назвать его предложением – даже не строка, лишь два слова.
Единственное приветствие, которое я получала от белой кошки, которая всегда была рядом, всегда защищала меня.
Абсолютно обычное.
Приветствие, которое все произносят каждый день.
Но впервые я говорила эти слова.
- Я дома.
Я вхожу в свою комнату.
Я наконец-то вернулась.



ПЕРЕВОД:
CHERNOB, ROSETAU